

Книжный червь Переводы книг

Вэндал

серия «Эшес и Эмберс» книга 2

Кериен Коул

От нее у меня перехватывает дыхание; Она так прекрасна в своем поражении. Да, я уничтожил ее, изнасиловал ее жизнь, разрушил ее счастье. Я привел ее в крайнее отчаяние. Я ответственен за всю боль и страдания, которые поставили сейчас ее передо мной на колени. Сломленная. Безнадежная. Безрассудна в своей агонии. Она — отражение моей собственной измученной души. Но я могу вернуть то, что забрал. Теми способами, что она и не может себе представить. Она — то верное среди всех моих ошибок. Она любит меня. Она нуждается во мне. Она понятия не имеет, что я — тот, кто разрушил ее жизнь.

Оригинальное название: Vandal (Ashes & Embers, #2)

by Carian Cole 2016

Вэндал (Эшес и Эмберс, #2)

Кериен Коул 2017

Перевод: Александра Трофимова, Алина Милеева (1–9)

Редактор: Вероника Сверчкова, Айна Гудратова (1-10)

Корректор: Дарья Федюнина

Русификация обложки: Анастасия Токарева

Для всех тех, кто влюблялся в израненных людей, со шрамами на сердце, испытывшими боль и одиночество.

Обнимите их. Примите их. Любите их.

Держитесь за них.

“Любить меня будет нелегко, любить меня будет схоже с войной.

Ты будешь держать пистолет, а я передам тебе пули.

Поэтому дыши и прими красоту поражения, которое грядет вслед за ложью”.

Р.М. Дрейк

Глава 1

Вэндал

Только я засадил моей последней телочке-блондинке по самые яйца, как завибрировал мой телефон, двигаясь по тумбочке рядом с кроватью. Я проигнорировал его, глубже входя в нее, она крепко обвила своими длинными ногами мою талию, вишнево-красными ноготками впиваясь себе же в ладони, а цепи звенели, ударяясь об изголовье кровати из красного дерева.

— Просто игнорируй его, — прошипела она, когда я бросил взгляд на вибрирующее устройство.

Нужно бы ей еще и рот заткнуть чем-нибудь.

Если бы она мне была не безразлична, я бы проигнорировал звонок, или если бы я так

не ненавидел, когда мне указывают, что делать, но вместо этого я остановился, мой член по-прежнему был глубоко в ней, и потянулся через ее лицо, чтобы взять телефон.

— Что? — сказал я, держа телефон у своей головы, не обращая внимания на то, как эта цыпочка извивалась подо мной.

— Ты опоздал, — прозвучал у меня в голове ее резкий и раздраженный голос. Все как обычно.

— Эм, я оставил тебе сообщение на голосовой почте несколько часов назад, сказал же, что привезу ее завтра. Она была совершенно без сил и капризничала, поэтому я разрешил ей поспать.

— Ты прекрасно знаешь, я никогда не проверяю эту чертову голосовую почту. Меня весь день не было, а потом я завалилась спать. И только сейчас поняла, который уже час.

— Она спит. Просто разреши ей остаться здесь, а я привезу ее завтра утром.

На другом конце провода что-то упало и разбилось, я убрал телефон подальше от уха.

— Нет, Вэндал. Ты знаешь правила. Ты привозишь ее в восемь. Ты не можешь просто взять и увеличить отведенное тебе время, когда пожелаешь. Уже начало одиннадцатого.

Я переместил свой вес, мой член немного обмяк. Рени с раздражением покачала головой, дернув прикованными к кровати руками.

Присоединяйся к клубу, детка.

— Деб, уже поздно. Она спит. А я чертовски устал. К тому времени, когда я ее разбужу, разберусь с ее плачем, потому что она не захочет уходить, одену и привезу к тебе, будет уже за полночь.

Голос у нее, как чертовски острая бритва:

— Мне насрать, Вэндал! И не думай, будто я не слышу лязг цепей на фоне. Я точно знаю, чем ты там занимаешься. Я хочу, чтобы моя дочь была дома. Сейчас же. Она была у тебя всю неделю.

Я сузил глаза, глядя на цепи и сучку, которая намеренно делала так, чтобы их было отчетливо слышно. Я не могу идти в суд. Не снова.

— Ну, так, может, еще пару часиков? Она спит в своей кровати. Она отлично провела день в зоопарке и очень устала. Позволь ей остаться. Я накормлю ее завтраком и привезу домой к девяти. Неужели это так чертовски важно?

— Чертовски важно, что ты не получишь то, что хочешь только потому, что ты рок-звезда. Я хочу, чтобы она ночевала сегодня дома, или я звоню своему адвокату!

Отключилась.

Я глубоко и протяжно выдохнул и слез с Рени.

— Серьезно? — спросила она, когда я освободил ее руки от цепей. — Скажи, что ты не отступишь перед ней. Мы вроде как в середине процесса были.

Я свесил ноги с края кровати, бросил презерватив в мусорное ведро и потянулся за нашей одеждой, которая валялась на полу, бросая ей ее вещи.

— У меня нет особого сраного выбора, разве не так? Я больше не могу иметь дело со всем этим адвокатским дерьмом. Я люблю проводить время со своей девочкой; я не могу рисковать, вдруг Деб исхитрится и лишит меня еще больше прав на посещение.

Я два года потратил на прохождение всевозможных тестов на алкоголь и наркотики,

чтобы добиться посещений. Я так не облажаюсь.

— Одевайся, — прорычал я.

— Я не могу просто остаться здесь? Я не в лучшем состоянии для ночных поездок.

Я встал, натягивая джинсы на бедра, и застегнул ширинку, не утруждаясь, чтобы застегнуть и пуговицу.

— Нет. В прошлый раз, когда я разрешил тебе остаться тут одной, ты наплевала на свое обещание. Эта привилегия аннулирована, — я сделал паузу. — Разве что, я оставлю тебя прикованной к постели, пока не вернусь.

— Придурок, — пробормотала она себе под нос, когда я выходил из комнаты. Проигнорировав ее, я отбросил пинком свои ботинки, идя по коридору в комнату моей дочери.

Кейти — единственный луч солнечного света в моей жизни, быстро уснула в своей кровати, укрытая своим розовым одеялком. Я сел на край крошечного матраса и включил небольшую лампу около нее.

Я нежно потряс ее.

— Просыпайся, детка.

Она пошевелилась, прижимая к груди своего плюшевого мишку. Она открыла свои большие карие глаза и сонно посмотрела на меня.

— Давай, дорогая. Я должен отвезти тебя домой.

Она скривилась:

— Нееет, папочка. Я сплю здесь, с тобой.

Я убрал с ее личика темные кудряшки.

— Знаю, милая, но мамочка очень скучает по тебе и хочет, чтобы ты приехала домой.

Появились слезы, разбивая мое сердце надвое. Ненавижу, что эта ведьма заставляет меня делать.

Моя дочь схватила меня за руку:

— Папочка, я не хочу ехать.

Я взял ее на руки, прижал к себе, и она сразу же обхватила своими маленькими ручками меня за шею. Я вдохнул ее детский запах, понимая, что не смогу взять ее на руки следующие две недели. Каждый раз, когда вижу ее, она кажется больше и говорит больше. Ненавижу Деб, но ни за что не позволю, чтобы у моей дочери было такое же паскудное детство, какое было у меня с отцом, который ушел, так ни разу и не обернувшись. Хватит и того, что у нее мать — эгоистичная сука и лечащийся наркоман — отец, рок-звезда, любитель приковывать женщин. Я делаю все, чтобы, пока она со мной, она получала тонны любви и внимания, несмотря ни на что.

— Не плачь, Букашка-Кейти. Мы очень скоро с тобой увидимся.

Я вытер ее слезы своими пальцами.

Она толкнула мне в лицо своего мишку.

— Тедди хочет остаться с тобой, папочка. Он будет о тебе заботиться.

Я рассмеялся и взял у нее из рук Тедди.

— Я разрешу ему спать в твоей кровати. Он будет лежать здесь и ждать твоего возвращения, — сказал я ей, укладывая Тедди под одеяло.

Она улыбнулась мне своей лучшей улыбкой, а я поцеловал ее в пухлую щечку. Я отнес ее в гостиную, где Рени сидела на диване, одетая в мини-юбку и туфли на высоких каблуках.

— Можем уже ехать, а потом вернемся и продолжим то, что начали? — у Рени в голове

играла одна-единственная пластинка, и ее эффект охотно распространялся на меня, как арахисовое масло. В любое время. Где угодно. Мне нравится получать то, что я хочу, но она превращается в настоящую занозу, когда я не трахаю ее.

Удерживая Кейти на бедре, другой рукой я захватил ее сумку с одеждой и ключи от машины.

— Рени, я совершенно обессилен. И просто хочу завалиться спать, когда вернусь домой. Прими это или уходи.

Кейти положила голову на мое плечо, снова засыпая. Последние несколько дней были просто сумасшедшими, мы ходили в зоопарк, на карнавал, еще в две больницы, где мы с Кейти проводывали больных детишек и дарили им плюшевых медведей. Мы начали так делать в прошлом году, когда маленькой девочке из детского сада нужно было надолго остаться в больнице. Прошлым вечером, после того, как уложил Кейти, я не спал всю ночь, размышляя над треками для нового CD группы. По моим беглым подсчетам, я не спал больше двадцати шести часов.

— Если бы она так чертовски сильно хотела забрать ее, почему сама не могла приехать за ней? — заныла Рени, идя за мной в гараж. Я посадил спящую Кейти в автокресло на заднем сидении и указал Рени сесть с пассажирской стороны:

— Поехали. Тащи свой зад в машину.

Зевнув, я сел за руль моего нового Мустанга и нажал на кнопку, чтобы открылись двери гаража, Рени проскользнула на сидение рядом со мной.

— Как же дует, блин, — пробормотала она.

— Слушай, я сказал, что ты можешь остаться на пару дней, пока в твоей квартире не испарится запах краски. Я не соглашался на то, что ты все время будешь скулить у меня под боком. Поэтому помолчи.

Рени покачала головой и поникла на своем сидении:

— Как скажешь, Вэн.

Я проверил Кейти в зеркале заднего вида, когда выехал на дорогу. Она уснула, голова немного наклонилась набок, а губки были приоткрыты. Я не смог сдержать улыбку. Как я люблю эту малышку.

Пятнадцать минут езды, и Рени тоже уснула. Я боролся со сном, чтобы продолжать бодрствовать, а неосвещенная дорога с деревьями практически убаюкивала меня. Я закинул в рот жвачку, надеясь, что сахар даст мне немного энергии, включил громче радио, глядя на Кейти в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что не разбужу ее. Она привыкла к громкой музыке, но я не хотел рисковать, она могла проснуться и началась бы новая истерика.

Постукивая пальцами по рулю, я начал составлять мысленный список того, что мне нужно завтра сделать. Выспаться. Выпить галлон кофе. Заехать за Лукасом. Поехать в студию и порепетировать. Игнорировать Аша и его тараканов. Может, поужинаю с Лукасом и постараюсь вести себя по-братски. Поеду домой, расслаблюсь под хорошее кино и...

С-т-о-л-к-н-о-в-е-н-и-е.

Авария.

Глава 2

Вэндал

Откуда-то издали голос позвал меня по имени. Похоже на эхо, будто он прозвучал из длинного туннеля. Я попытался заткнуть его, но он все равно прорывался, пробуждая меня из глубокого, спокойного места, где я парил.

— Он очнулся. Вэндал, мы здесь.

Лукас склонился надо мной, выглядел он довольно паршиво, будто под кайфом. Если я что и знаю о своем брате, которого практически не знаю, так это то, что он так не отрывается.

— Ты меня слышишь? — его лицо перекосило от беспокойства.

— Какого хрена? — я попытался сесть. — Где я?

Смесь сильного замешательства и боли врезалась в мою голову, когда я попытался выяснить, где я и как сюда попал.

Меня рассматривало и другое лицо:

— Вэндал, просто отдыхай. Ты в больнице. Мы все здесь.

Ария. Моя тетя. Она сжала мою руку, которая лежала на краю койки.

Я на больничной койке.

— Какого хрена происходит? — я выдернул свою руку из ее. Ненавижу, когда ко мне прикасаются, и она это знает.

— Ты попал в аварию. Но с тобой все будет в порядке, — голос у Арии был спокойный, как и всегда, но взгляд, который она бросала в сторону Лукаса, говорил совсем о другом.

Она снова посмотрела на Лукаса, а потом на дверь:

— Пойди и найди врача, — сказала она ему. Он секунду смотрел на меня, а затем кивнул ей перед тем, как исчезнуть из моего поля зрения.

Я повернулся к тете. У нее был такой растерянный вид, что мне почти стало плохо за то, что я так выдернул у нее свою руку. Почти.

— Какого черта здесь происходит? — спросил я. Позади нее белые жалюзи закрывали окно, но солнце все же проникало между рейками. Мне это солнце показалось совсем неуместным. Будто его сейчас не должно здесь быть, потому что всего пару минут назад я вез Кейти домой по ночи. Моя голова метнулась к Арии.

— Кейти... где Кейти?

Ее глаза наполнились и заблестели от слез, и она снова взяла мою руку. Я заметил, как она перевела взгляд на дверь, а потом снова на меня.

— Вэндал, дорогой, — ее голос дал трещину, и она прикрыла рот ладонью, пытаясь успокоиться. Ария — женщина, от которой так и веет элегантностью и высшим классом. Знаменитый автор романов, она никогда не лезет за словом в карман и всегда знает, что нужно сказать и когда. Я тайно восхищаюсь ею и завидую ее сыновьям за то, что их мать такая удивительная женщина. В отличие от шлюхи-наркоманки, которая родила меня.

— Ария, где, черт возьми, моя дочь? — страх рос во мне так стремительно, что я его буквально слышал. Рев в ушах и голове пытался вытеснить мои собственные мысли из головы.

— Где она, мать вашу? — закричал я на нее.

Она закачала головой, слезы текли по ее щекам.

— Она не выжила, — прошептала она.

Нет.

Нет. Нет. Нет.

— Скажи мне, где моя дочь, — мой голос превратился в резкий невнятный шепот.

Грудная клетка тяжело вздымалась и опускалась, я этого не контролировал, но чувствовал, словно не могу дышать.

Лукас вернулся в палату вместе с врачом, медсестра шла следом. Я дотянулся до своего младшего брата и крепко схватил его за руку.

— Лукас, где Кейти? Она в приемной, так? Она там? Можешь привести ее сюда?

Врач сделал шаг вперед:

— Мистер Валентайн, мне очень жаль...

Я перебил его до того, как он закончил свою фразу.

— Я говорю с моим гребаным братом.

Я повернулся к Лукасу, и он медленно покачал головой. Его волосы упали на лицо, но я успел увидеть, что он плачет.

— Пожалуйста, просто приведи ее ко мне, Лукас... Наверное, ей так страшно... С ней ведь все хорошо, правда?

У меня закружилась голова, и я ухватился за простыни, стараясь прийти в себя. Она не могла умереть. Как в тот раз, когда она бродила по торговому центру и потерялась на десять минут. Я испытывал точно такой же страх, но тогда она вернулась. Она вернется.

— Вэндал, ее больше нет.

— Заткнись на хрен, Лукас! — я повернулся к доктору, пульс мой зашкаливал. Штуковины, к которым я был подключен, запищали и замигали, как игры-аркады в 1980-х.

— Просто приведите ко мне мою дочь, пожалуйста.

— Мистер Валентайн, вы врезались в другой автомобиль. Ваша дочь, женщина на пассажирском сидении и второй водитель скончались. Еще один пассажир отделался несколькими травмами, но мы ожидаем, когда она полностью поправится. Сочувствую вашей утрате. Мы сделали все, что могли, но, к сожалению, травмы оказались слишком серьезными. У Вас травма головы и несколько сломанных ребер, еще множество порезов и ушибов. Я понимаю, что это ужасные новости, но сейчас важно, чтобы вы оставались спокойным ради собственного благополучия.

— Пошел ты! — я завертелся на койке, и мой череп и ребра пронзила боль как от ножевых порезов. — Все вы. Убирайтесь. Это Деб вас подговорила, я прав? Чтобы забрать у меня Кейти? Я убью эту ебнутую суку!

Лукас положил руки мне на плечи.

— Нет, Вэн, тебе нужно отдохнуть, ладно? Я останусь здесь. Я не оставлю тебя.

Я скинул с себя его руку:

— Отвали. Все вы, просто отвалите!

Я сел и свесил ноги через край койки, но меня накрыло волной очередного головокружения и тошноты. Я ухватился за край койки, когда врач и медсестра бросились, чтобы подхватить меня за руки, отталкивая в сторону моего брата.

— Мистер Валентайн, мы введем Вам успокоительное, чтобы вы расслабились.

До того, как я понял, что произошло, медсестра ввела лекарство в капельницу. Несколько секунд, и моя голова закружилась еще больше, и меня затошнило еще сильнее. Кейти... она не могла умереть. Только не моя девочка. Мой единственный лучик. Они ошибаются. Она никак не могла умереть.

— Мы предоставим токсикологический отчет через несколько часов, — голос врача прозвучал нечетко и где-то далеко.

— Спасибо, доктор, — ответила Ария. — Мы ценим Ваше благоразумие и оказываемую

помощь в личном деле. Мой муж скоро будет здесь, чтобы подписать соглашение.

— Подождите, — отозвался Лукас, — какой еще токсикологический отчет? Он чистый.

— В подобных случаях это стандартная процедура. Это часть расследования несчастного случая, — пояснил врач.

Когда я попытался вспомнить прошлую ночь, голова разболелась еще сильнее. Я помнил, что сильно вымотался, старался не уснуть, пока ехал за рулем. Я помню, как смотрел на Кейти в зеркало заднего вида. А потом ничего. Пусто. Срань господня. Кажется, я уснул за рулем. Я убил мою малышку. И Рени. Блядь. Блядь.

Моя грудь вздымалась сама по себе.

— Лукас, думаю, я уснул. Чертово дерьмо. Кейти... прошу, скажи мне, что это неправда... Прошу, Лукас...

Каждый мускул моего тела дрожал, кожу сковал сильнейший страх.

Лукас и Ария наклонились ко мне, и тетя очень мягко мне сказала:

— Дорогой, это был несчастный случай. Ужасный случай. Но это не твоя вина. Мы пройдем через это вместе, ладно? Мы все будем здесь с тобой. Ты не один, я обещаю тебе. Все знают, что это несчастный случай.

Несчастный случай.

— Может быть, это другой автомобиль врезался в твой. Ночью на дороге очень темно, фонарей практически нет. Мы не знаем, что случилось. Но скоро узнаем, — добавил Лукас.

Голова пульсировала. Я не мог ничего вспомнить о том, что произошло, как бы не пытался. Я поднял руку, чтобы прикоснуться к голове и почувствовал, что она забинтована.

— Мистер Валентайн, пожалуйста, не трогайте бинты. Сейчас важно, чтобы Вы постарались отдохнуть. Снотворное вот-вот подействует. Я скоро вернусь и проверю Вас. Нужно будет сделать еще несколько тестов.

Лукас притянул один из стульев для посетителей ближе к койке и сел на него. Он повернулся к нашей тете, у него были красные и опухшие глаза.

— Ария, может, поговорите с парнями, расскажете последние известия или поедете домой и немного отдохнете? Я останусь с ним.

— Уверен? Может, мне остаться... — ее голос затих. Больше я ничего не слышал. Ничего не хотел слышать. Хочу, чтобы все звуки замерли.

Зрение стало расплывчатым, и глаза закрылись. Я заморгал и уставился в потолок, но видел только Кейти. Это нереально. Ничего из этого ни хрена не произошло. Я позволил векам закрыться, и лекарство взяло надо мной верх. Давно я уже не ощущал, как меня затягивает в оцепенение, к которому я раньше так часто прибегал. И я охотно поддался, будто встретил старого друга.

Глава 3

Вэндал

Из этого ночного кошмара, в который я попал, нет выхода. Сон не принес облегчения. Я видел ее во сне, как она улыбается, протягивая мне свою ручку. Я слышал ее тоненький, сладкий голосок, ее невинный смех. Когда же я проснулся, реальность заструилась по моим венам, вымывая ее, забирая ее у меня раз за разом.

— Может, останешься у меня на пару дней? — предложил Лукас, глядя, как я скидываю свое барахло в пластиковый пакет, который дала мне медсестра. Моя одежда в крови, и я не

могу не думать, моя ли она, Кейти или Рени. Сегодня я выписываюсь из больницы, а завтра хороню свою пятилетнюю дочь. Все, чего я хочу, это найти в этой больнице скальпель, закрыться в уборной и вскрыть себе вены.

— Нет, — ответил я.

— Ты можешь поехать с нами, — предложил Шторм, приобняв рукой свою невесту Эви. Я послал ухмылку своему кузену. Будто я захочу остаться с этими отвратительно-счастливыми голубками, которые не могут держать рук при себе и все время улыбаются. Тот скальпель вызывает ко мне.

— Мы будем рады, если ты останешься с нами, Вэндал. Я сделала домашнее чили в крокпоте (*медленноварка — прим. пер*). Шторм сказал, что это одно из твоих любимых блюд, — улыбнулась мне Эви, но поежилась от моего ледяного взгляда. Ее прозвали Снежной цыпочкой. Теперь я вспомнил. Я сделал шаг к ней, и она немного придвинулась к Шторму.

— Я, мать твою, завтра буду хоронить своего ребенка. Думаешь, я хочу сидеть рядом с вами, двумя мудаками, и жрать чили?

Я наслаждался тем, как улыбка исчезла с ее лица, и как она потупила взгляд в пол. *Вот именно, дорогуша, даже не смотри на меня. Я, блядь, проглочу твою душу.* Шторм посмотрел на меня, разрываясь между желанием защитить свою девушку от большого плохого волка или возможностью дать мне выпустить немного накопившегося гнева. Однажды он поймет, что никого нельзя любить.

Лукас коснулся моей руки:

— Вэндал, остынь. Мы просто пытаемся помочь.

Я отстранился от него:

— Мне не нужна ничья помощь. Мне ничего не нужно.

Кроме моей дочери. И если она не может быть со мной, я сию же минуту возьму скальпель и отрежу эту боль от моего тела.

Я взял свою сумку:

— Мы можем идти?

Лукас должен был подвезти меня домой, раз уж мой новенький Мустанг теперь превратился в кучу металлолома, стекла и смерти.

— Нужно подождать, когда вернется врач и выпишет тебя, и еще остались кое-какие вещи, с которыми нужно что-то сделать. Я уже говорил об этом, ты забыл?

Я закатил глаза и сел на край койки. Мне нужно добраться домой и убраться от всех. Они буквально душат меня своими благими намерениями и вниманием, и у меня нет ни малейшего представления, как мне принять их, благодаря тому, что я выходец из самой облажавшейся части этой семьи — я говорю об отце, которого ни разу не видел с пятилетнего возраста. Только около пяти лет назад я узнал, что у меня есть брат и целое собрание кузенов. Можно и не упоминать, что я приспособливаюсь ко всей этой семейной фигне намного медленнее, чем они.

— С дороги, — огрызнулся женский голос.

Я повернулся к шуму за дверью и увидел, как Деб проталкивается в мою палату мимо Шторма, так и знал, что она объявится здесь.

— Ты, — сказала она, указывая на меня, ей едва удастся стоять прямо. Я даже не знаю, пьяная она или просто психически неуравновешенная. А может и то и другое.

— Ты убил мою дочь, — задохнулась она, — ты, чертов убийца.

Я встал на ноги, оперся на больничную тележку и подошел к женщине, которая дала жизнь единственному человеку, которого я любил.

— Ты заставила меня ехать, Деб. Твой гребаный эгоизм и привычка все контролировать привели к этому.

Я ударил по стене рядом с ее головой, и мой кулак пробил гипсокартон.

— Она была бы жива, если бы ты разрешила ей остаться еще на одну ночь. Но неужели, Деб? Тебе обязательно было угрожать мне и заставлять садиться за руль посреди ночи, когда я сказал, что измотан?

— Ненавижу тебя! Ты убил моего ребенка! — она стала бить меня.

Шторм схватил ее и оттянул от меня:

— Деб, пожалуйста. Сейчас не время и не место для этого, — сказал он приглушенно, удерживая ее со спины.

— Ему самое место в тюрьме! Он убийца!

— Никто не сядет в тюрьму, Деб, — ответил Лукас, вставая между нами. — Это был несчастный случай. Чертов несчастный случай. Просто уходи. Это никому не нужно. Все мы подавлены.

Она впилась в меня взглядом, поверх плеча Лукаса, тогда Шторм попытался выставить ее за дверь.

— Я заставлю тебя страдать за то, что ты сделал, Вэндал! Ты, чертов детоубийца!

— Я страдаю всю свою жизнь, ты, сука! Никогда больше не приближайся ко мне. Нам больше нечего сказать друг другу.

В палату вошел охранник и выставил Деб, сразу после этого в палату зашел мой врач:

— Я понимаю, что ситуация напряженная, но, молодые люди, вы можете не забывать, что это больница? Здесь кругом больные, — заворчал он, будто мы все идиоты.

Я не смог сдержаться от саркастичного смеха:

— Ага, одну такую только что вывели.

— Что здесь произошло? — он указал на дыру в стене. — Вам придется возместить ущерб, мистер Валентайн.

— Ладно. Пофиг. Я могу ехать домой?

Опытный врач окинул взглядом мою руку:

— Я должен позвать медсестру, чтобы она для начала обработала вашу руку. И, возможно, я предложу Вам поговорить с нашим психиатром? Полагаю, Вам понадобится консультация в связи с гневом и горем, которые Вас переполняют, мистер Валентайн.

Лукас кивнул в знак согласия.

— Думаю, это хорошая идея, Вэн. Если ты с кем-нибудь поговоришь...

— Вашу мать. Нет уж. Мне не нужны эти разговорчики.

Что мне действительно нужно, так это вернуться домой и переговорить несколько часов с моим старым добрым другом Джеком Дэниелсом.

— Ваш брат прав, — сказал мне док и вручил Лукасу визитку. — Это ее контактная информация. Может, когда ситуация немного... стабилизируется, он захочет ей позвонить.

— Он, вообще-то, в этой комнате, — с сарказмом заметил я. — И он не будет разговаривать с психиатром.

Я едва мог спокойно усидеть на койке, пока медсестра дезинфицировала и перевязывала мои кровоточащие и опухшие суставы. Похоже, что только одной медсестре и

доктору позволено заниматься моим лечением, пока я здесь, чтобы уменьшить мои шансы встречи с другим персоналом, на случай, если кто-то из них окажется фанатом нашей группы. И у меня такое чувство, что это мои тетя с дядей приложили усилия, кому-то заплатив за это.

— Мистер Валентайн, я не решаюсь выписать Вам рецепт на болеутоляющее, учитывая Ваше нынешнее состояние. Хотя я и считаю, что вам нужно что-то, что поможет вам немного успокоиться, — прокомментировал врач. Я даже не слышал, когда он успел вернуться в палату.

— Не волнуйтесь, док. Я не собираюсь выпить все содержимое бутылки. Уже проходили.

— Вэндал... ну давай, мужик, — подал голос Шторм со своего угла палаты, его невеста ухватила за его руку, будто боялась, что может заблудиться, если отпустит его.

— Что, Шторм? Не хочешь говорить о том, что у нас с тобой и у моего младшего брата общего?

Я наблюдал, как он с беспокойством посмотрел на свою невесту Эви, и знал, что он не рассказывал ей о его собственном залете в психушку пару лет назад. Само собой, я не был еще частью этой семьи, когда все произошло, но благодаря Гуглу я обо всем знаю. А у моего младшего братца, который мне вроде как нравится, на обоих запястьях глубокие, четкие шрамы, которые от моих глаз не смогли скрыть его тату.

Даже забавно, сколько у нас общего, как параллельно шли наши жизни, хотя мы и не росли вместе.

Только я подумал, что уже могу свалить отсюда, как Ария, мой адвокат Сэм, менеджер нашей группы Дон и наш специалист по рекламе Хелен вошли в палату.

— Что теперь, блядь? Я хочу, наконец, свалить отсюда.

— Вэндал, мы должны поговорить о несчастном случае и о попытке спасти ситуацию, чтобы ни тебя, ни группу, ни твою семью не втянули во всякие грязные сплетни и желтую прессу, — сказала Хелен, придвигая стул к моей койке.

Она достала свой iPad и начала стучать по экрану. Скорее всего, сучка решила обновить свой статус в Фейсбуке.

— Во-первых, один из твоих ушлепков помог спасти твою задницу. Ты забыл изменить свое свидетельство о рождении на имя, которое тебе дали при рождении, Вэндала Валентайна, коим ты и являешься. Поэтому, юридически ты еще Алекс Доусон.

Ну что ж, по крайней мере, мои приемные родители хоть что-то сделали правильно.

Хелен продолжила:

— А это значит, что во всех отчетах об аварии записано именно это имя, так как все твои документы, подтверждающие личность, указывают на это имя.

— Вэндал, мне нужно, чтобы на следующей неделе ты зашел ко мне в офис, чтобы уладить все вопросы, и ты снова смог использовать свое настоящее имя, — сказал Сэм.

— Ладно... я позвоню потом и договоримся о времени, — ответил я. У меня совершенно вылетел из головы этот юридический вопрос о смене имени. Когда бабуля нашла меня и рассказала о моем настоящем имени, я сразу же стал пользоваться им, не задумываясь о подаче документов. Мне просто хотелось начать сначала с именем, данным мне при рождении.

— Деб плохо справляется со своими эмоциями, что можно понять, — вставила Ария. —

Мы предложили ей кругленькую сумму, чтобы она не рассказала СМИ о несчастном случае с Кейти и не стала упоминать твое имя, или группу, или что-нибудь в этом роде. Она подписала соглашение о неразглашении и другие юридические документы, с которыми, я уверена, ты не захочешь возиться. Суть в том, что она будет вести себя тихо.

— Выходит, эта сука делает деньги на смерти нашей дочери? Вы что, блядь, прикалываетесь?

Ария прикоснулась к моему плечу:

— Вэндал, все хорошо. Если благодаря этому она будет молчать, пусть будет так. Мы можем себе это позволить. Не волнуйся об этом и не теряй время на размышления, пожалуйста.

— К счастью, из-за того, что это довольно маленький город, а твоих деда и бабу, тетю, дядю и братьев хорошо знают и любят, мы смогли заплатить некоторым людям на телевидении, чтобы они хранили молчание и убедили их подписать такие же документы. Кроме того, раз группа состоит из членов семьи, то можно не волноваться, что кто-то из них проговорится или продаст историю, и еще несколько людей, которые тесно сотрудничают с группой, также согласились помалкивать и подписать все юридические документы.

- Я готов продать его историю за хорошую цену, — полушутя сказал Ашер.

— Разве ты сейчас не должен быть на четвертом этаже? — выпалил я ему в ответ.

— Ребята, довольно, — вмешалась Ария. — Ашер, здесь нет ничего смешного, и Вэндал, это было совершенно неуместно.

Мы с двоюродным братом уставились друг на друга.

Хелен щелкнула пальцами перед нашими лицами:

— Больница замечательно справилась, сохраняя твое пребывание здесь в тайне. Все сотрудники, которые занимаются тобой, Кейти и Рени тоже подписали соглашение о неразглашении. Единственный родственник Рени, с которым она поддерживала какую-то связь, — это ее старший брат, но ему все равно на тебя и на нее, что касается данной темы. Кажется, он практически вздохнул с облегчением, что ее больше нет. Очевидно, она провела в реабилитационных центрах большую часть своей жизни.

— Кто-то отлично разбирается в женщинах, — добавил Ашер.

Я показал ему средний палец:

— Свали на хрен.

— Вам двоим лучше закопать топор войны, — Дон поднялся на ноги и стал ходить по палате. — Мы все уже устали от этого, и группе это никак не поможет. Сейчас происходит довольно серьезная хрень. Вы уже не играете в своем подвале.

— И наконец, — продолжила Хелен, — оба похоронных бюро согласились на общее усмотрение, и все возникшие вопросы, которые есть и будут, будут решаться соответствующим образом. Я считаю, что мы позаботились обо всех сторонах так, чтобы ни одна часть этой трагедии не попала в чужие руки, по крайней мере, это все, что мы могли сделать. Вчера мы выпустили небольшую подборку для СМИ, о том, что произошла ужасная авария, и мы просим посочувствовать и позволить сохранить конфиденциальность всех ее участников в такое непростое время. Я советую тебе ненадолго затаиться, Вэндал.

— Спасибо за помощь со всем этим, — ответил я, у меня кругом шла голова только от мыслей о той сумме денег, которую потратили на то, чтобы заставить людей молчать. Даже знать не хочу, откуда эти деньги.

Пока Лукас вез меня домой, я не сказал ни слова. У меня было ощущение, что со дня аварии прошло несколько гребанных лет, в действительности же это произошло только три дня назад.

— Я мог бы остаться с тобой на несколько дней, чтобы ты не был один.

— Мне нравится быть одному, я к этому привык, — голос мой прозвучал подавленно и отстраненно даже для меня.

На секунду он оторвал взгляд от дороги, чтобы прочитать правду по моему лицу:

— Ты не обязан быть один. Я знаю, что ты чувствуешь, Вэндал. Моя жизнь не сильно отличалась от твоей. Разница только в том, что сейчас я пытаюсь сделать ее лучше.

Я уставился в окно, разглядывая мелькающие деревья.

— Я позволил себе сблизиться с Кейти, а теперь ее нет, Лукас. Думаю, предельно ясно, что мне не суждено завести семью.

— У тебя еще есть мы. И мы никуда не денемся.

Я знаю, что детство у Лукаса было таким же отстойным, как и у меня. Он родился через шесть лет после меня, а наш отец бросил его, когда тот еще был совсем ребенком с восемнадцатилетней матерью, которая передала его деду и бабушке, и они растили Лукаса, пока не умерли. Тогда подростком его занесли в систему для усыновления. Когда мы впервые встретились пять лет назад, он был так рад, что у него есть родной старший брат и целая куча двоюродных, которых ни один из нас до этого не видел. Само собой, я оказался сплошным разочарованием, как старший брат, эдакий анти-социальный мудака. Разве я мог сравниться с нашими идеальными братьями Валентайнами с их такими же идеальными родителями?

Хотя этот малыш не сдался. Он был полон решимости стать частью моей жизни, и чтобы мы оба вошли в доброжелательный круг нашей новой семьи. Мало-помалу я старался принять этих людей, как свою семью, и, в общем-то, они классные люди. Хотя я до сих пор не могу свыкнуться с этим.

Лукас повернул к длинной подъездной дороге к моему дому и остановил машину у лужайки.

— Мне зайти с тобой? — спросил он.

Я покачал головой:

— Нет, мне нужно побыть одному, — я посмотрел через ветровое стекло на дом, который казался еще более одиноким, чем обычно. — Лукас, спасибо, что был рядом последние несколько дней. Сам знаешь, я не очень хорош во всей этом хрени, и в голове сейчас просто пиздец, но я ценю то, что ты рядом.

— В любое время. Если тебе что-то понадобится, просто позвони, ладно? Плевать, что именно или сколько будет времени... что угодно.

Я потянулся к заднему сидению и забрал свою сумку.

— Спасибо, мужик.

Он откашлялся и заколебался на секунду:

— Завтра... я могу приехать и забрать тебя, мы можем поехать вместе.

От мысли о завтрашнем дне у меня сжало в груди. Хотел бы я как-то остановить время и отложить «завтра» на несколько лет. Блядь, да навсегда. Я не готов похоронить свою крошку. Я никогда не буду готов попрощаться с моей Кейти.

Я прижал пальцы по лбу:

— Э, да. Думаю, это неплохая идея. Не думаю, что смогу... — я тяжело сглотнул и постарался не дать волю слезам, которые угрожали вырваться на свободу и ни за что не остановиться. Я, мать его, не смогу совладать с этим.

— Вэндал, можешь не продолжать. Я буду здесь завтра утром. Уже на месте меня будет ждать Иви. С тобой все будет нормально?

Я откинулся на спинку сидения и покачал головой.

— Нет, черт возьми. Я уже никогда не буду в норме, Лукас.

— Мы все ее любили. Она была замечательным ребенком. Но ты должен попытаться двигаться дальше, понимаешь? Знаю, все это дерьмо разрывает тебя на части, но не позволяй этому затянуть тебя на дно. Договорились?

— Ага, — растеряно ответил я. — Будь здесь завтра.

Я вышел из машины до того, как разрыдался перед ним. Ни за что, блядь, на свете не дам слабинку у кого-то на глазах.

Войдя в дом, я не почувствовал, что вернулся к себе. Я купил этот дом два года назад, когда, наконец, добился совместной опеки над Кейти. Мне хотелось, чтобы у нее была своя спальня, когда она будет ночевать у меня, и милый двор, где будет играть. Я старался дать ей некую нормальность в своем безумном образе жизни. Не то чтобы я что-то знал об этой норме.

Но теперь все это не имеет значения, потому что ее больше нет.

Дома было как-то жутко. Слишком тихо. Здесь больше не было жизни. Вот так просто, в одно мгновение все исчезло. У меня никогда не было семьи, да я никогда ее и не *хотел*, а потом неожиданно у меня появился незапланированный ребенок от какой-то чокнутой суки, которую я трахнул после концерта, а потом какое-то время держал поблизости, чтобы было с кем отрываться. Следующее, что я понял, я стал отцом и должен бороться против мира просто, чтобы видеться со своим ребенком. Я пропустил первые три года ее жизни, потому что ее мать просто хотела вести себя, как стерва. Кейти была ангелом и заслуживала большего, чем двоих уебков в роли родителей. Может, поэтому ее и забрали у нас.

Я медленно прошел по темному коридору и остановился у двери в комнату Кейти. Ее розовый ночник был включен, освещая комнату. Я не хотел заходить, но не смог остановиться. Сочетание ее присутствия и ее голоса стало невыносимым, и я упал на колени посреди комнаты. Боль в груди невозможно было сравнить ни с чем из того, что я чувствовал до этого, будто у меня вырвали сердце и разрезали на мелкие кусочки. До чего же я хотел вернуть ее. Хотел ощутить ее маленькую ручку в своей руке, еще раз уложить ее в постель. Подняв голову, мой взгляд упал на Тедди, укутанного медведя Кейти, которого она оставила здесь, чтобы «он заботился обо мне». Я подполз к небольшой кровати и положил голову рядом с маленьким медведем, которого еще несколько дней назад мы вместе укрыли ее одеялом, пока она не вернется. Прижав лицо к медведю, я больше не мог сдерживать слез.

Глава 4

Вэндал

Стоя на похоронах собственной дочери, я был не больше тени. Боль, которая терзает мое сердце и душу, превратила меня в неподвижного зомби. Я вроде как здесь, но меня здесь нет. Я стою рядом с маленьким, белым закрытым гробом, пока люди подходят колонной и

говорят всякую хрень. Я молчу.

Закрытый гроб. Любой, кто когда-либо хоронил дорогого человека в закрытом гробу, знает, что под этой крышкой что-то ужасное. И я знаю это. И не могу перестать об этом думать. Я хочу открыть его и посмотреть на свою крошку. Хочу увидеть те увечья, которые она получила из-за меня, так я смогу мучать себя этой картиной всю оставшуюся жизнь. Мне нужно испытать ту боль, что она, должно быть, почувствовала. Я хочу проживать ее и страдать, как того заслуживаю.

— Вэндал? — скрипучий голос моей бабушки выдернул меня из размышлений.

Я повернулся и опустил глаза где-то на фут, чтобы встретиться взглядом с бабушкой. Она сжала мою руку:

— Не погружайся в мрачные уголки разума, милый. Кейти всегда будет присматривать за тобой.

— Бабуль...

Она потянулась к моей руке, и я сделал то же самое, потому что нет способа избежать чего-то, когда бабуля этого хочет. Она — это пять футов седовласой почтительности. Это женщина, которая пять лет назад отыскала меня, когда узнала, что у ее сына было два взрослых сына, о которых он никогда ей не говорил. Это она настояла, чтобы мы с Лукасом получили равные доли миллионов в наследство от нашего деда. Бабуля изменила мою жизнь. Если бы только она разыскала нас раньше.

Она вывела меня на крыльцо у похоронного дома. Свежий воздух хорошо на меня подействовал и помог немного очистить голову.

Она улыбнулась мне и погладила мои длинные черные волосы. Только ей я разрешал касаться своих волос.

— Потерять ребенка — это худшее, через что человек может пройти, — сказала она, снова заговорив. — Частичка нас умирает вместе с ним.

Я кивнул и задался вопросом, кого из детей Валентайнов она похоронила и когда.

— Лучше не станет, — продолжила она, — сам знаешь, какой бред говорят люди на эту тему. Но ты научишься двигаться дальше, а ее образ будет жить в твоём сердце. Боль никогда не уйдет. Ты всегда будешь размышлять, как бы она выглядела во столько-то лет или во столько-то. Ты будешь развивать с ней тайные отношения, и это нормально.

Она сильнее сжала мою руку:

— Ты сможешь пройти через это, Вэндал. Ради нее и ради себя.

— Это моя вина, бабуль. Я никогда не должен был садиться в ту чертову машину.

Я по-прежнему винил себя, хотя расследование аварии и не дало результата. Другой водитель выпил пару стопок за ужином. Он не был пьян, но вполне мог быть не совсем трезв. Я знаю, что меня оправдали. На дороге было темно, к тому же, на том участке много поворотов. Может, мы оба виновны и оба отключились в тот самый роковой момент. Я никогда не узнаю этого наверняка, но глубоко внутри, в районе кишечника, я знаю, что это моя вина.

— Милый, жизнь сама по себе — это серия ошибок, сожалений, неправильных решений, трагедий и лишь иногда проблески удачи. Это не твоя вина. Ты любил ее. И ты бы никогда не причинил ей боль.

Я покачался вперед и назад на ногах. Я слышал ее слова, но не знал, смогу ли когда-нибудь поверить им.

Я остался у могилы Кейти, пока все не разошлись, после того как Деб в истерическом плаче увезла ее семья.

— Вэндал, нам пора идти. — Я почти забыл, что Лукас был здесь, стоял, прислонившись к огромному дубу, наблюдая за мной.

Я не мог оторвать взгляда от холмика свеженасыпанной земли, рядом с которой сидел. Моя прекрасная малышка, которая спала под розовым одеялком, в окружении своих плюшевых медведей, сейчас лежит в ящике в этой земле. Я боролся с желанием раскопать руками землю и похоронить себя с ней. Мне хотелось, чтобы эта грязь заполнила мое горло, задушила меня, тогда я бы смог уснуть вместе с ней навсегда.

Ботинки Лукаса оказались рядом со мной.

— Темнеет. Извини, Вэн, но нам нужно ехать.

— Я не могу оставить ее.

Он засунул руки в карманы.

— Я знаю. Но я должен отвезти тебя домой. И Иви ждет у меня дома.

Я бросил камешек, который держал в ладони.

— Должно быть, миленько. Ее муж знает, где она сейчас? — как только эти слова вырвались из моего рта, я пожалел о сказанном. Мне нравится причинять людям боль; я кайфую от этого. Мне хочется, чтобы они почувствовали боль, которую чувствую я, и разочарование, которое мне приходится испытывать. Мне это просто кажется справедливым. Хотя это и не справедливо по отношению к Лукасу.

— Не стоит об этом говорить, Вэндал. Я понимаю, что тебе больно, но не нужно кидаться в меня своим дерьмовым сарказмом. Я еду домой. Если хочешь ехать, вставай.

Я не поднял взгляда, когда он ушел от меня к своей машине. Я не сомневался, что он оставит меня здесь после того, что я сказал ему, потому что я этого заслужил.

Минуты перетекли в часы, синее небо сперва окрасилось оранжевым, а потом стало серым. Я не хотел оставлять ее здесь, но понимал, что не могу просидеть на кладбище всю ночь. Поцеловав кончики своих пальцев, я приложил их к холмику земли, которое стало новым одеялом для моей дочери.

— Спи спокойно, моя девочка, — прошептал я. — Я скоро вернусь.

Когда я дошел к концу узкой тропинки и вышел через кованые ворота кладбища, то увидел на парковке одинокий автомобиль. Я потащился к черному Corvette и сел в машину. Не говоря ни слова, Лукас завел автомобиль и выехал на дорогу. Я повернулся к нему, но его глаза оставались прикованными к дороге. Его татуированные руки оставались напряженными, пока он держал руль, углубившись в собственные мысли.

— Прости, я засранец, — сказал я после нескольких минут молчаливой езды, тогда он, наконец, признал мое присутствие.

— Я забуду об этом, потому что знаю, как тебе больно, — сказал он. — Но еще я скажу вот что: я охренеть, как из кожи лезу, чтобы узнать тебя. Я думал, как круто было, когда мы вместе открыли тату-салон и присоединились к группе. В отличие от тебя, я был рад новой семье и тому, что вокруг меня теперь люди, которые понимают и принимают меня. Но ты... Я просто, блядь, не знаю, мужик. Ты ведешь себя так, будто всех нас ненавидишь.

Я попытался сесть поудобнее на тесном сидении. Наверное, Corvettes придумали для

лилипупов. Мне всего лишь хотелось вернуться домой и остаться в одиночестве, тогда я смог бы выпить, глотнуть пару таблеток и моя боль бы занемела. Последнее, чего мне сейчас хотелось, так это говорить по душам с младшим братом.

— Я не ненавижу тебя, Лукас. У меня просто плохо получается сходиться с людьми.

Он сжал челюсть:

— Может, тебе стоит лучше *пытаться*, Вэндал. Тебе никогда не приходило в голову, что, может быть, Кейти не была единственным человеком, который в тебе нуждался? Или, может быть, люди, которые стараются быть рядом ради тебя, хотят увидеть какую-то ответную реакцию? Нельзя только брать, брать и брать, — он мельком глянул на меня и обратно перевел взгляд на дорогу. — Иногда ты бываешь просто невыносим, и тогда я удивляюсь, почему меня это вообще заботит. Если на протяжении какого-то времени только прогонять собаку пинками, в конце концов, она не захочет возвращаться. Подумай об этом.

Я кивнул и поиграл с нитками на своих штанах.

— Я подумаю об этом, Лукас.

Больше ни один из нас не проронил ни слова по дороге к моему дому.

Может, я и безрассудный, но все решения, которые я принимал в своей жизни саморазрушения, были просто принятыми решениями. Может, путь, который подтолкнул меня к принятию таких решений, не зависел от меня в большинстве случаев, но, в конце концов, это были мои решения.

Я был чист и трезв в течение двух лет, и я сделал этот выбор, чтобы быть хорошим отцом для Кейти. А сейчас я сижу на кровати с бутылкой водки и пузырьком таблеток, и я решаю вернуться к своему старому способу прожигания жизни.

Потягивая неразбавленную, обжигающую жидкость, лежа посреди кровати, мои мысли вернулись к Рени. Я более, чем уверен, что сейчас она тоже покоится под землей. Хотя было установлено, что ее смерть также результат несчастного случая, мою вину за то, что в ту ночь она оказалась со мной в машине, никто не отменял. Она умерла, пытаясь быть кем-то больше, чем была на самом деле. Для меня она была не больше, чем игрушка для секса и невиновная жертва моей неспособности построить доверительные отношения с людьми. Я не знал ее настолько, чтобы горевать по ней, но мне было хреново из-за того, что ее жизнь оборвалась. Она хотела большего, чем я мог ей дать, хотя я всегда честен с женщинами, с которыми трахаюсь. Они знают, что не будет ни любви, ни обязательств, ни заботы. Будет только веселье и трах. Ничего больше. Тем не менее, кажется, женщины всегда думают, что получают больше, и каждая считает, что станет той единственной, что изменит меня.

Я закинулся таблеткой и запил ее водкой.

Змея всегда остается змеей. А горбатого только могила исправит.

Глава 5

Вэндал

Из глубокого, оцепеневшего сна меня вырвал стук и звон в дверь. Не прекращающийся, блядь. Когда мне стало ясно, что после десятиминутного стука они не собираются уходить, я пошел через коридор, держась рукой за свои больные ребра. На мне были только спортивные штаны, и, перешагнув через мусор, кучу пустых бутылок и разбросанную на пороге почту, я открыл дверь. На пороге стояла Эви с полными пакетами из продуктового.

— Какого хрена тебе надо? — выплюнул я.

Она протиснулась мимо меня и поставила пакеты на мою, заваленную всяким мусором, кухонную стойку, скинув пару пустых бутылок из-под водки на пол.

— Ты пропустил последние пять репетиций, — сказала она, оглядывая помещение с нескрываемым отвращением. — Никто не видел тебя уже две недели.

Я подошел к холодильнику, достал пиво, открыл его и сделал большой глоток.

— Кто ты такая? Уже стала гребаным менеджером нашей группы?

Она начала скидывать всю грязную посуду в раковину, потом подошла к холодильнику, перетащив с собой и мусорное ведро, чтобы выбросить старую еду, которая уже начала там гнить.

— Это просто отвратительно, Вэндал!

— Да ни хрена. Спросила бы, есть ли мне вообще какое-то дело до этого. И хули ты здесь делаешь?

— Я пришла проведать тебя и принесла немного еды. Еще поубирать здесь, раз уж это необходимо, — она посмотрела на меня с головы до ног, а потом указала на мой живот. — Ты похудел.

Она завладела моей кухней, словно торнадо, положила продукты в холодильник, перерыла одежду в шкафах и выбросила весь хлам.

После всего звона и грохота, который она не переставая воспроизводила на кухне, как только до меня дошло, я потянулся за еще одной банкой пива:

— Я не нуждаюсь в твоей сраной помощи. Шторм знает, что ты здесь, строишь из себя горничную для его конченного братца?

— Да, он в курсе, где я. И ты не конченный, Вэндал. Все о тебе переживают. И ты нужен им на репетициях, группа не может выступать без басиста. Еще тебе не помешает принять душ, почувствуешь себя лучше.

Выпив залпом остатки пива, я бросил пустую банку на столешницу, на которой она только убрала, и решил посмеяться над ней:

— Можете все отвалить.

Эвелин сделала глубокий вдох и посмотрела на меня с опаской. Я знаю, что она побаивается меня, но вот она здесь, стоит прямо на линии огня. И я уже не уверен, она такая непоколебимая или просто дура.

— Спасибо за еду. А теперь вали из моего дома.

Я развернулся и направился обратно к кровати, но она схватила меня за руку. Когда я уставился на нее и вырвал свою руку из ее хватки, но она продолжила стоять, похожая на потерявшегося щенка с подрагивающей нижней губой. Слова, сказанные Лукасом, с болью отозвались во мне: *«Если на протяжении какого-то времени только прогонять собаку пинками, в конце концов, она не захочет возвращаться»*.

Не знаю почему, но ее глаза, в которых поблескивали слезы, доконали меня. Я боролся с собой, чтобы не заплакать перед ней, но не смог контролировать слезы и боль, которая снова наполнила мою грудь. Я сел на холодных кафельный пол, и она присела рядом со мной, обняв меня своими крохотными руками, как только могла, притягивая к себе.

— Все хорошо, — она снова и снова шептала мне эти два слова. Ничего не хорошо, но сидя рядом с ней, я не чувствовал себя уже таким одиноким.

Не уверен, сколько времени я проплакал на полу рядом с ней, но после того как я успокоился, она взяла меня за руку, отвела в спальню и накинула на меня одеяло, когда я

завалился на кровать.

Когда я проснулся несколько часов спустя, ее уже не было, но везде было убрано, а стирка постирана и сложена. Дверь в комнату Кейти была по-прежнему закрытой, и я понадеялся, что Эвелин не заходила туда и ничего не трогала, потому что я хотел, чтобы все было так, как оставила Кейти. Я пошел на кухню, чтобы перекусить что-нибудь из того, что принесла Эвелин, и увидел на холодильнике записку.

«Я вернусь на следующей неделе. И буду приходить до тех пор, пока больше не придется. Эвелин»

Я смял записку и выбросил в мусорное ведро.

Я взял свою бас-гитару и сел на диван, чтобы поиграть, но так и не смог погрузиться в музыку. Все звучало просто отстойно. Другой фетиш позвал меня по имени, и я знал, что он не оставит меня в покое, пока я не сдамся. Я положил гитару на кофейный столик и пошел в главную спальню. У задней стенки шкафика стояла маленькая черная, цвета оникса, коробочка, которая была у меня с двенадцати лет. Я сделал ее сам, тогда я еще не знал, что мне в нее положить, но вскоре в ней лежало то, что было мне дороже всего.

Я поставил коробочку на край ванны и открыл крышку. Внутри было несколько блестящих лезвий для бритвы и одно очень старое, ржавое, в засохшей крови. Мое самое первое лезвие, которое я все эти годы храню, как сувенир.

Я достал одно из лезвий, и сердце забилось сильнее, узнавая эйфорию, которая была уже на подходе. Я сдвинул в сторону свои спортивные и провел лезвием вниз по внешней части бедра, алая полоса следовала за лезвием, как брошенная любовница. Боль всегда была мне лучшим другом и величайшим избавлением. Я еще раз провел лезвием, надавливая в этот раз сильнее, прикрывая глаза, когда боль и агония покинули мою душу, переместившись в ногу и медленно покидая мое тело капля за каплей, которые медленно стекали по моей плоти.

На следующий день я решил сходить в студию и развеяться немного с группой, я уже пропустил до хрена репетиций и более, чем уверен, что парней это начало выводить из себя.

— Где тебя носило, черт возьми? — требовательно спросил Ашер, стоило мне войти в студию. Я поставил свой чехол с бас-гитарой и попытался сфокусировать на нем взгляд. Похмелье всегда было моей больной темой.

— Остынь, чел, я же здесь, — пробормотал я.

Мой кузен Тэлон поставил свою гитару и подошел ко мне, усаживая меня на один из ближайших стульев:

— Ты снова ужрался в стельку. Неужели ты ехал в таком состоянии?

Я кивнул и усмехнулся:

— Думаю, «все еще» больше подходит, чем «снова», Тэл.

Он покачал головой в ответ на мои слова и повернулся к своим братьям:

— Он просто в говно, парни. Не стоит ему здесь находиться.

Нико, огромная псина Шторма, подбежала ко мне и положила голову мне на ногу. Я запустил руку в его длинную шерсть. Кейти любила этого пса и часто использовала его в качестве подушки, клала на него голову и дремала вместе с ним на полу, пока мы часами репетировали. Я собирался подарить ей щенка на следующий день рождения. Я наклонился

и прислонился головой к большой, пушистой голове пса. Мне хотелось почувствовать то, что чувствовала Кейти.

— Вэндал, черт возьми. Мы знаем, что тебе больно, но это дерьмо должно прекратиться. Ты не можешь продолжать тупо напиваться; ты же разрушаешь собственную жизнь. Кейти бы не хотела, чтобы ты так жил. *Мы* тоже этого не хотим, — голос Шторма привлек внимание пса, и он отошел от меня к своему хозяину.

— У нас намечается тур, Вэн. *Искоро*, — напомнил Ашер, — и черта с два ты будешь играть в таком состоянии. Я не позволю тебе развалить мою группу своим дерьмом. И насрать, насколько ты хороший басист. Мы тут задницы надрывали, кроме того, что все пытались помочь тебе, но ты не можешь продолжать бухать или быть под кайфом двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю.

Шторм встал перед Ашером и положил руку ему на плечо, наш вечный миротворец:

— Вэндал, мы тут поговорили. Ты же знаешь, мы все чертовски пытались помочь тебе, но ты даже не пожелал помочь себе.

Он глубоко вздохнул и потрепал Нико по голове, прежде чем посмотреть на меня:

— Мы думаем, будет лучше, если ты на какое-то время покинешь группу, а мы подыщем того, кто сможет подменить тебя во время тура. Я очень надеюсь, что в следующем году тебе станет лучше, и ты сможешь вернуться. Это то, чего все мы хотим. Нам просто кажется, что тебе нужно больше времени, может, тебе лучше вернуться в реабилитационный центр или поговорить с доктором. Все, что тебе нужно.

Поверить не могу в это дерьмо; они выкинули меня из группы. Кейти и группа — вся моя жизнь. Быть частью «Эшес и Эмберс» — для меня как мечта. Все эти годы репетиций и выступлений наконец-то помогли мне кое-чего добиться. Аш взял меня в группу не потому, что я ему нравился, и не потому, что мы семья. Этот хрен ненавидит меня. Но он кайфует от моей игры на басы, и мой стиль им идеально подходит.

Я поднялся на ноги и посмотрел на Шторма, немного покачиваясь, перед глазами комната казалась мне расплывчатой.

— Когда мне *станет лучше*? Это то, что мне нужно сделать? Я и не думал, что болен.

Шторм затянулся своей электронной сигаретой и выпустил дым:

— Я не это имел в виду. Я стараюсь быть тактичным.

Я послал ему дьявольскую усмешку:

— Знаешь, кто тактичен, Шторм? Твоя подружка. Ты хоть задумывался, почему она приходит ко мне домой каждую неделю? Может, ей так скучно сидеть дома. Мне кажется, она хочет, чтобы я привязал ее к своей постели.

Шторм набросился на меня:

— Ну ты и уебок!

Тэллон схватил его и отвел назад кулак Шторма до того, как тот достиг моего лица.

— Не трать время, Шторм, — сказал Тэллон. — Он не понимает сейчас, что несет. Он же обдолбанный.

— Как обычно, — добавил Ашер. — Уходи и дай знать, когда ты снова начнешь серьезно относиться к делам группы. У нас нет времени на всю эту хрень. Мне своих дел хватает.

Я схватил свою бас-гитару и повернулся к нему, посмотрел ему в глаза и потом перевел взгляд к его груди. Я решил слегка задеть ключ от старого шкафа со «скелетом», который

висел у него на шее, и который он никогда не снимал.

— Конечно, тебе давно пора разобраться с реальностью, — пробормотал я. — Она ведь никогда не вернется.

Он зашипел на меня.

— Проваливай отсюда к чертям собачьим, — прорычал он сквозь зубы.

Я хлопнул дверью позади и направился к своей машине. Нахуй их. Они никогда не найдут достойного басиста, чтобы заменить меня, а фанаты будут в бешенстве. Я один из самых популярных в группе. Они еще будут умолять меня вернуться, и пофиг, буду я пьян или нет.

Когда я снова сел за руль, чтобы уехать домой, я прекрасно понимал, что не стоит ехать самому, но мне уже было насрать на это дерьмо. Мне больше было нечего терять. Захотелось протянуть руку судьбе, как это только было возможно, потому что я тоже должен был умереть в той аварии, но судьба тут облажалась. И нет ничего такого в том, что я сам протягивал руку помощи высшим силам.

Глава 6

Вэндал

Надгробный камень напоминал произведение искусства. Сейчас, когда я стоял напротив него, я понял, почему на его изготовление ушло три месяца. Похоже, я должен извиниться перед парнем, который его делал, за то, что гнал на него за продолжительность работы. На камне было выгравировано цветочное поле с изображением Кейти, которая бежала и смеялась с плюшевым мишкой в руке. Каждая деталь настолько реальна, что стоит каждого потраченного пенни.

Я прихожу на ее могилу каждую вторую субботу, потому что именно в этот день я бы забирал ее к себе. Я просто еще не готов отпустить отведенное нам время. Каждый раз я приношу с собой плюшевого мишку, и вот сейчас около ее могилы предостаточно таких небольших подарков, и других подарков, которые приносил ей каждый член семьи, как я полагаю.

Я залез на огромный дуб, который затеняет эту часть кладбища, и устроился на большой, толстой ветке, прислонившись к стволу. Мне нравится сила дерева, еще мне нравится думать, что оно оберегает мою малышку. Я сижу на нем каждый раз, когда прихожу сюда, позволяя умиротворению проникнуть в меня. Может, это и ненормально, но здесь я чувствую спокойствие и свою принадлежность к земле, в которой лежит моя дочь. Только здесь я чувствую, что мое место здесь.

У меня начали неметь ноги, поэтому я повернулся, чтобы свесить их с ветки, когда увидел какое-то движение краем глаза, тогда медленно развернулся и посмотрел на девушку, которая стояла на коленях перед могилой довольно-таки далеко от моего дерева. Я впервые увидел еще кого-то на кладбище за все то время, что приходил сюда, посидеть с Кейти. Со своего места я отчетливо слышал, как она тихо говорит с надгробием, лежа свежие цветы на только выросшую траву. Дерьмо. Я понадеялся уйти, но не мог спрыгнуть с дерева, тем самым перепугать до чертиков тех, кто тоже был на кладбище. Я засунул в уши наушники и стал слушать какие-то треки, ожидая ее ухода, но вскоре мое внимание переключилось на нее, она завывала как раненный зверь. Я вытянул наушники и покосился в ее направлении. Она стояла на коленях, обхватив руками голову, покачиваясь вперед-назад, в безудержных

рыданиях. Я отвел взгляд, слишком хорошо зная, что она сейчас чувствует. Горе — злой монстр, который пожирает тебя заживо.

На город уже начали опускаться сумерки, когда плакальщица, наконец, ушла, и я смог слезть со своего дерева. Я подошел к могиле, у которой она плакала, болезненное любопытство подтолкнуло меня прочесть надгробие. Двадцать семь лет. Я уже собирался уйти, но что-то меня остановило. Я развернулся и уставился на дату смерти. Эта дата будет высечена в моем разуме и сердце до конца жизни, потому что это тот же день, когда умерла Кейти.

Ледяной поток распространился по моим венам, пока я смотрел на дату, и некоторые отрывки информации о той аварии всплыли в моей голове. Помню, как Лукас сказал, что другой водитель был молод, с ним в машине была его жена, которая довольно сильно пострадала.

Я чертовски уверен, что прямо сейчас стою у могилы еще одного человека, которого, возможно, убил.

Просто охренеть.

Домой я ехал на своем байке, выбрав длинный путь, чтобы очистить голову от всех мыслей, что там роились. Я ни разу не спрашивал о дополнительной информации о пассажирах другой машины, даже не уверен, что их имена хоть раз кто-то упоминал. А мне и так было достаточно тяжело принять смерть Кейти, но сейчас, увидев произошедшее со стороны других пострадавших, у меня поехала крыша. Я не могу выкинуть из головы образ той плачущей и завывающей девушки.

Я вернулся домой уже когда стемнело, и не прошло и десяти минут, как кто-то позвонил в мою дверь. Я поставил свой стакан и пошел к двери и открыл ее с нескрываемой досадой.

— Что теперь? — потребовал я, когда Эвелин прошла мимо меня, неся маленькую перевозку для животных. Совершенно сбитый толку, я смотрел, как она открывает маленькую дверь этой пластмассовой клетки.

— Это еще что, черт возьми? — спросил я, когда она прижала к моей груди маленького, пушистого зверька.

— Котенок.

— Какого хрена с ним не так? — я немного отодвинул его от себя и уставился на его мордочку. Он косоглазил. Очень.

— Он слепой, — вот так просто ответила она.

Я внимательнее присмотрелся к крохотному, серому с белыми лапками котенку.

— Слепой? У него, блядь, совсем глаз нет, Эви.

Я поверить не мог в то, на что смотрел.

— Знаю, Вэндал. Этого крошечного котенка мучали какие-то злые подростки. Сейчас он в норме, но ему удалили глаза хирургическим путем после того, что с ним случилось. Но теперь у него зажили все травмы, и он готов вернуться домой. Он был на попечении три месяца, пока у него заживали травмы и пока он заново учился приспосабливаться. Ему всего шесть месяцев.

Его мучали? Кто, блядь, издевается над котятами? Инстинктивно, я ближе прижал его к груди, и он энергично замурлыкал.

В замешательстве, я посмотрел на Эви.

— И почему он здесь?

— Ты его полюбишь. Но тебе действительно придется проявлять свою любовь к нему. И у «него» есть имя, познакомься со Стерлингом.

Я покачал головой и попытался вернуть котенка ей:

— О, нет. Нет, нет и еще раз нет. Я не смогу позаботиться о котенке, Эв. У меня никогда не было кошки. Или собаки. Даже этих чертовых рыбок или растений.

Ее лицо озарила сладкая, но смелая улыбка:

— Ну, теперь ты гордый обладатель слепого котенка, и это не обсуждается. Вы нужны друг другу. Вас обоих потрепало. Он абсолютно спокойно может есть, пить и отыскивать свой маленький домик. Просто поставь его вещи в безопасное место, покажи, где что стоит и больше не переставляй.

Она замолчала на секунду и посмотрела на мою ногу.

— У тебя на шортах кровь?

Блядь. Видимо, я захватил грязные шорты, когда вернулся домой и решил сменить джинсы на что-то более удобное.

— Несколько дней назад я порезал себя, — ответил я, не глядя на нее. Я сфокусировался на котенке, нежно поглаживал его по голове, пока он мурлыкал и вибрировал.

— Ты, что делал?

Я поднял глаза и встретился с ней взглядом.

— Забей, — мой тон уже не был таким дружелюбным.

Она съежилась, как хорошая девочка и отвела взгляд в сторону. Я видел, как она боролась с желанием что-то сказать и пониманием, что лучше не провоцировать монстра во мне.

Я ближе прижал котенка, который терся о мое лицо, и смотрел, как Эви вышла за дверь и вернулась, таща огромную упаковку кошачьего корма, а потом поставила ее в коридоре.

Она посмотрела на меня и мимоходом почесала котенка по голове.

— Поверь мне, Вэндал. Ты меня еще за это поблаговаришь.

Я осторожно поставил котенка на пол, и он тут же выгнул спинку, а после потерся о мою ногу.

— Ты мне даже не нравишься, — сказал я Эви. Что было ложью, потому что она мне вроде как нравилась. Мало-помалу я привык к тому, что, хоть она и может быть занозой в заднице, она хороший друг и сердце у нее на месте, а это намного больше, чем я могу сказать о большинстве людей.

— Мне все равно, нравлюсь я тебе или нет, — ответила она с улыбкой, — Просто полюби котенка. Это все. Звони или пиши, если будут какие-то вопросы. Если тебе нужно будет куда-то уйти или уехать в тур, я или сиделка за домашними животными присмотрим за ним. Убедись, что у него всегда есть еда и вода и не выпускай его на улицу. Хорошо?

— Ээ... Ладно?

Поверить не могу, что я позволил ей сделать из себя кошатника.

— Замечательно. Поработай над своим обаянием, Стерлинг, — сказала она котенку, потом развернулась и ушла, оставив меня стоять в ступоре посреди кухни.

Я провел руками по своим длинным волосам и глубоко вздохнул. Мне не хватало еще и этого дерьма.

Я быстро решил, что сейчас лучше всего будет игнорировать котенка и позволить ему свыкнуться с мыслью, что он сам по себе. Жизнь — дерьмо, даже для котят, очевидно. Он будет в безопасности и сыт, что определенно лучше того, к чему он привык, он должен быть

благодарен мне за это.

Я вернулся в гостиную к своему стакану, и девушка с кладбища закралась в мои мысли. Я захватил ноутбук и ввел в поисковик имя Ника Беннетта, его некролог высветился по первой ссылке в результатах поиска. Я допил свой Джек Дэниелс, пока просматривал его некролог, высматривая ее имя. *Табита*. Я вернулся на исходную страницу и погуглил ее имя, нашел ее страничку в социальной сети. Очевидно, Табита не парится о своей частной жизни, ее профайл достаточно открыт, чтобы я мог просмотреть ее статусы, фотки и список друзей. Секунду я сомневался, а потом кликнул на ее аватарку, тем самым увеличивая ее, чтобы рассмотреть взъерошенные светлые волосы, огромные, как у лани, глаза, в которых мужчина легко мог потеряться. Я почувствовал, будто эти глаза смотрят прямо мне в душу, и что-то во мне дернулось. В ее взгляде я разглядел ту редкую детскую игривость и чувственность, которую я жаждал уже дольше, чем мог вспомнить, хотя и не очень-то открывался сам, чтобы разыскать такую. Я проклинал всю иронию, что увидел это именно в той женщине, к разрушению чьей жизни я приложил руку. Я закрыл фото и пролистал ее статусы. Самый последний был опубликован две недели назад.

«Я не могу. Для меня больше ничего не имеет значения. Я хочу уснуть навсегда».

Я кивнул в знак согласия. Ага. Проходил. *Все еще прохожу.*

Ее пост лайкнули двадцать четыре человека. Какого хрена это понравилось тем людям? Также несколько ее друзей сделали репост этой записи, со словами, что они с ней. Вот интересно, сколько из них действительно проходят через это вместе с ней. Догадываюсь, что не так уж и много.

Я прокрутил записи за две недели до этого.

«Мне так тебя не хватает. Жизнь без тебя — ничто:».

И за несколько дней до этого

«Пошло ты, солнце. Даже тебе не по силам осветить мой день. Теперь тьма — мой единственный друг».

И еще за пару дней до этого

«Меня поглощает боль и одиночество. Пожалуйста, не звоните мне и не говорите, что все будет хорошо. Я тоже умерла в той машине».

Да. Ее боль так идеально отражает мою собственную, будто близнец.

Потом пошло множество постов, которые предшествовали трагедии.

«Чтоб меня, эти печеньки просто объедение #толстаязадница #ням-ням»

«Не могу дождаться, когда Ник вернется домой!»

«Че за нах, почему я не могу забеременеть??»

«Юху, на убойном шопинге с лучшей подругой!»

«Куда, блин, пропали мои носки? Неужели в стиральной машине есть чертов портал?»

«Смотрю «Месть» #КомандаЭйдена»* (revenge — американский сериал, прим. пер)

На лице растянулась нетипичная для меня улыбка, пока я прокручивал ее глупые, случайные посты. На стене было много ее фотографий, его фотографий или с ними двумя. На каждой были запечатлены улыбки. Идеальная, красивая молодая пара. Я кликнул на другой альбом, в котором было полно фоток бабочек, птиц, белок, цветов и еще несколько с ней, где-то в лесу, на ней надето винтажное платье, она лежит в листьях и несколько других девушек, предположительно, ее подруг, в таком же ракурсе. Должно быть, это какая-то тематическая фотосессия. Наверное, фотография и позирование для фото — ее хобби. У нее та самая нетипичная красота — сочетание нежности и сексуальности, со щепоткой

застенчивой невинности. Она миниатюрная, где-то 153 см ростом, судя по фото. У нее именно такая внешность и аура, которая так манит мою темную сторону, чтобы почувствовать ее под собой, но я отказываюсь дальше мыслить в этом направлении. Вместо этого, я отдаю предпочтение громким, болтливым дешевкам, потому что с ними я абсолютно ничего не чувствую.

Я проверил собственную страницу в социальной сети, там были обычные посты от фанатов, большинство от цыпочек, большинство из них носили футболки, которые поступили в продажу несколько месяцев назад, на них была напечатана надпись «Становись испорченной» (Vandal — Вэндал (как имя); портить, разрушать (как глагол); игра слов — прим. пер.). Черная ткань плотно облегла их огромные, вероятно, не настоящие сиськи. Ни слова об аварии. Рано или поздно, кто-то заговорит об этом или же произойдет утечка, и я даже не хочу думать о том, с чем мне тогда придется иметь дело.

Я вернулся на страницу Табиты, но странный шум прервал мое продолжение фестиваля постов в роли сталкера. Я отложил ноут и проследовал за источником шума прямо на кухню, котенок сидел именно там, где я его оставил, какого черта, час назад? Вот дерьмо. Я, блядь, придушу Эви.

Я стал на колени и погладил котенка по голове, а он потянулся к моей руке. Его серебристо-серая шерсть была такой мягкой и пушистой, как у кролика.

— Ладно, приятель, давай вместе разбирать твоё дерьмо.

Я поднял его и держал на руках, пока ставил его блюдца для еды на кухне, а переноску в прихожей. Я ставил его перед каждой из его вещей и давал время понюхать их, надеясь, что он запомнит, где они теперь будут. В последнюю очередь мне сейчас нужно, чтобы слепой котенок уничтожил мой дом. Я наблюдал за ним с необъяснимым интересом, как он передвигался по кухне, слегка наклонив голову, будто запоминал каждый шаг, каждый запах. Он вернулся ко мне и торжественно потерся о мои ноги. Хмм. Похоже, Стерлинг преодолел свои затруднения. Может быть, из этого стоит вынести урок.

Я вернулся к ноуту и провел остаток ночи, пролистывая посты и фото Табиты от самых последних до первых, которые она начала загружать, когда зарегистрировалась в соц. сети четыре года назад. Моя новообретенная одержимость, узнать о ней как можно больше, отлично отвлекла от моих обычных ночных ритуалов самоистязания. Немного «покопавшись», я понял, что она уволилась с работы несколько недель назад, и, судя по ее постам, я могу сказать, что после аварии она отталкивает друзей и свою семью. Лишь несколько человек писали ей на стене, спрашивая, куда она пропала, говоря, что им не хватает ее на работе, что они ждут, чтобы она перезвонила. Она не ответила ни на один из этих постов. Девчонка перешла из состояния счастливой, глупой и обожающей свою жизнь и мужа жены, к ненависти ко всему, что хоть отдаленно напоминает счастье. Она считает, что жизнь предала ее, но, на самом-то деле, это только дело рук одного мудака, который принял неверное решение, которое разрушило всю ее жизнь.

Узы, которые связывают нас, могут быть не всегда заметны, но они есть, словно тонкие, призрачные вены. Не знаю, почему так, но эту вену я перерезать не хочу.

Глава 7

Вэндал

В последующие две недели я каждый раз просыпался с этим вибрирующим котом на

моей груди или под боком. Не смотря на то, что он слепой, он все время наблюдает за мной. Следует за мной из комнаты в комнату, как пушистая тень, потом усаживается рядом, иногда кладет свою лапу поверх моей ноги или свою голову около моей. Он жаждет близости, и я даю ему таковую, хотя и ненавижу, когда ко мне кто-то прикасается. Но каким-то образом он перелез через мои стены.

Кейти бы полюбила Стерлинга. Иногда, когда он играет со своей игрушкой, и да, именно играет, не спрашивайте меня как, или выкидывает что-нибудь неожиданное, и я ловлю себя на том, что смеюсь и практически улавливаю эхо смеха Кейти рядом. Я никогда не был одним из тех, кто размышляет о загробной жизни, но в последнее время я задался вопросом, наблюдает ли она за мной оттуда.

В этом доме меня всюду преследуют воспоминания о Кейти, и я чувствую, что большую часть времени схожу с ума. Несколько дней назад Лукас предложил мне выбраться из дома ненадолго и поехать в маленький домик на озере, который меня уговорила купить бабуля два года назад, утверждая, что «всем нам нужно место, куда бы мы могли сбегать время от времени». Во-первых, я сказал ей, что у нее не все дома. У меня в жизни не было своего дома — сама идея, что у меня их будет два, показалась мне безумной, да и пустой тратой денег. Я с трудом мог назвать «жизнью» проживание хотя бы в одном из домов, в которых рос, перекочевывая из приюта в приют до тех пор, пока в шестнадцать я не сказал себе «на хрен», а после жил на улицах или у друзей, которые были намного старше меня. Я сменил сон на жалких диванах на проживание в сраной квартире, а потом на покупку сразу двух домов. Совсем не плохо для татуированного белого парня с длинными волосами.

Я позвонил Лукасу:

— Я перееду на месяц на озеро. Поэтому не сходи, блядь, с ума, если приедешь к моему дому, а меня не будет, ладно?

Удерживая телефон плечом, я отыскал кошачью миску, которая снова была пуста. Сколько же ест один котенок?

— Постарайся избавиться от всего дерьма, пока будешь там, — сказал он, — Я тут подумал, почему бы тебе не вернуться в наш салон где-то через месяц? Клиенты скучают по тебе, и я бы не отказался от помощи. Уже подумывал нанять кого-то, но предпочёл бы, чтобы ты вернулся.

— Лукас, я не знаю, готов ли к этому, — сказал я, наблюдая, как котенок играет в хоккей с мячиком для пинг-понга.

Он продолжил свою болтовню:

— Просто послушай меня, Вэн. Даже если ты вернешься и продолжишь играть в «Э&Э» только через несколько месяцев, мне кажется, тебе бы пошло на пользу вернуться на какое-то время в салон. Ну, знаешь, выбраться из дома и побыть в окружении людей.

— Я не люблю людей...

— Вэн, я знаю... но ты потрясный мастер тату. Не обязательно отсиживаться и загнивать только потому, что ты не играешь сейчас. Ты же, блядь, помешан на этом, так не отказывайся от обоих увлечений. Хотя делать людям портики ты тоже не можешь.

— Лукас, я, мать твою, не идиот. Сам знаю. Я занимаюсь этим дерьмом подольше твоего...

— Чувак, остынь, блядь. Я должен был это сказать, ладно? Мое имя тоже значится на

вывеске. Мы партнеры. Этот салон — моя жизнь, и я не могу позволить, чтобы что-то его уничтожило.

Я начинаю ходить по гостиной от раздражения, все думают, будто я собираюсь разрушить его или ее жизнь или группу или тату-салон. Не то чтобы они были неправы, но мне уже до смерти осточертело слушать об этом.

Хотя и сам знаю, Лукас прав. Мне нужно чем-то себя занять. Я просто еще не готов. Может, если начну тыкать маленькие иглы в людей, мне станет лучше. Им будет больно, я буду делать вид, что это вовсе не так, и наблюдать, как крошечные струйки крови прорываются через плоть. О да, я был бы не против снова таким заняться.

— Я тебе перезвоню, — сказал я через пару секунд, — но думаю, тут ты прав. Мне тоже этого не хватает. Кто, мать его, знает, позволит ли Аш мне когда-то вернуться в группу? Дай мне несколько недель, чтобы остыть и собраться с мыслями, тогда я вернусь, и посмотрим, как оно будет.

— Неплохой план, брат. Звони, если что-нибудь понадобится.

Я завершил звонок, все еще размышляя о том, чтобы вернуться к работе в тату-салоне.

Набрал еще один номер, на этот раз Эви.

— Алло? — ответила она на втором гудке.

— Это я.

— Кто, я?

Я закатил глаза, потому что знал, что сучка узнала мой голос и просто хочет подразнить меня.

— Чертов я.

— Интересный способ представиться.

— Мне нужна услуга. Я уезжаю на озеро на пару недель. Думаю, мне не мешает убраться из дома и подальше от воспоминаний, как все вы продолжаете твердить. От этого места у меня уже едет крыша.

— Мне кажется, это хорошая идея, Вэндал. Сменить обстановку будет правильным решением.

— Я поеду не раньше полудня субботы. Ты можешь съездить туда в субботу утром и убрать там все, убедиться, что ничего нигде не валяется? Ну, знаешь, типа ее игрушек или что-то из вещей...

— Конечно. Я привезу с собой немного еды. Если там будет что-то из вещей Кейти, я перенесу их в коробку в подвал. Без проблем.

— Я поеду на своем байке, так что, может, ты отвезешь туда этого чертового котенка для меня?

— Ты уже любишь этого *чертового* котенка, да? — поддразнила она.

— Да, кажется, так, блядь, оно и есть. Его переноска стоит в коридоре в шкафу. Может, стоит купить ему что-то, что будет ждать его на озере? Типа маленькой коробки и мисок для еды или еще чего? Так у него будут свои вещи в обоих местах.

Я задался вопросом, чем еще он сможет себя занять?

— Еще купить ему один из тех многоуровневых домиков. Я не хочу, чтобы он к чертям

собачьим расцарапал всю мою мебель. Дам тебе наличку при встрече.

Котенок прыгнул мне на колени, и я рассеяно начал его поглаживать, пока он счастливо топтался по моей ноге.

— С ним ведь все будет хорошо на новом месте через пару недель? А ты отвезешь его обратно, когда я буду готов вернуться домой? — спросил я ее.

— Само собой, отвезу. И с ним все будет хорошо; я покажу ему, где будут его вещи, когда приеду туда. Дашь ему день или два, чтобы приспособиться, — я осторожно отцепил когти Стерлинга от своих джинсов. — Я рада, что ты взял его себе.

Ее голос полез вверх на несколько октав от счастья.

— Да, да, да. Твой дьявольский план сработал. Спасибо за все, Эви. И передай Шторму... передай Шторму, что я прошу прощение за то, что наговорил ему. Я был тогда не в себе. Ну, больше, чем обычно.

— Он знает. И не злится на тебя. Шторм просто хочет, чтобы у тебя все наладилось. Все этого хотят, — она чихнула, а потом заговорила снова. — Они не наказывают тебя, им просто хочется, чтобы ты оправился после произошедшего.

— Я пытаюсь, Эвелин, — ответил я, наполовину искренне. Я встал и переместил Стерлинга на его кошачью кровать на полу. — Я напишу тебе, когда буду там.

Стоило мне положить телефон, как мой взгляд зацепила желтая бумажка для заметок возле ноута. Она так сильно взывала к моему вниманию, что я бы не удивился, отрасти у нее сейчас ноги, она бегала бы за мной вокруг дома. Я начал вести сам с собой переговоры. Я мог бы лечь на диван, выпивать, принять несколько обезболивающих и в оцепенении пересматривать ужастики со Стерлингом, дремлющим на моей груди. Или я мог бы протянуть руку за бумажкой для заметок и последовать тому, что на ней написано. Я пересёк комнату и взял в руку маленькую желтую бумажку, несколько секунд просто смотрел на нее, а потом положил в карман и захватил ключи от машины.

На протяжении жизни у меня было много пристрастий. У всех них был голос, требующий, чтобы их слышали, соблазняя меня, чтобы я сдался на их милость. И стоит этому начаться, как я лишаясь всякой силы игнорировать их. Мне необходимо только одно — успокоить этот голос и утолить желание дьявола нынешнего дня, каким бы он ни предстал.

Сегодня — это адрес в другой конец города, и голоса ведут меня прямо из дома к моей темно-синей Камаро. Пока я веду машину, слушаю некоторые из моих любимых рок-композиций; окна опущены, волосы развиваются. Давно я не чувствовал этого.

Я не слишком хорошо знаком с этой частью города, но с помощью GPS спустя тридцать минут я сворачиваю на тихую улицу, которая указана на бумажке, и медленно «ползу» мимо домов, пока не вижу дом с номером 1999. Этот номер заставляет меня волноваться, и это не имеет ничего общего с песней Принца (Prince — “1999”) (Prince — Принц Роджерс Нельсон американский певец, большую часть своей карьеры выступавший под именем Принц — прим. ред.), который поет о чертовой вечеринке. В тот год я стал мужиком, послал куда подальше все то дерьмо, название которому мой дом, и ушел, чтобы жить своей жизнью.

Дом, на который я уставился, как ястреб, был небольшим, одноэтажным со щипцовой крышей и с довольно типичными голубыми ставнями и соответствующей входной дверью. Траву не мешало бы подстричь, а почтовый ящик трещал по швам от писем. И я более чем

уверен, что это потому, что она не заморачивается насчет этого, а вовсе не потому, что она укатила в путешествие в Хэмптон. На подъездной дорожке припаркован небольшой серебряный внедорожник. Хотел бы я увидеть задний двор, но не хотелось бы, чтобы кто-то увидел, как я пробираюсь туда.

Главное, что она здесь.

Нет, это не преследование. Ну, не то что бы. Я называю это наблюдением из-за интереса. Яркие разноцветные цветы растут вдоль кирпичной аллеи к входной двери, а ветер колышет самые низкие ветви дуба в своем собственном ритме, создавая нежную мелодию от движения ветра. Крошечный гном и три статуи кроликов окружают каменную купальню для птиц, в которой нет воды. Ей нравятся странности. Бьюсь об заклад, она любитель ангелов и фей, еще она улыбается бабочкам и приходит в восторг от колибри.

Единственный способ сделать кого-то счастливым — это *узнать*, что делает его или ее таковым. Или же, как вариант, чтобы вселить в кого-то чувство страха, необходимо знать, что пугает этого человека. А зная, как использовать эти чувства, необходимо терпение и контроль, чтобы сплести из них паутину оболыщения и доверия.

У меня есть оба эти качества.

По дороге домой я прикупил огромный стейк и бутерброд с сыром, а еще шесть банок пива. Я ел в гостиной, прикармливая маленькими кусочками Стерлинга, которому нравилось держать под своим контролем все, что связано с питанием. Когда я доел, то прошел в комнату Кейти и сел на край ее кровати. Котенок проследовал за мной и медленно обошел комнату, обнюхивая все вокруг, его маленькие ушки при этом двигались во все стороны. Иногда мой мозг дает сбой, в такие минуты я думаю, что могу что-нибудь предпринять и вернуть Кейти, словно все это было одной большой ошибкой или плохим сном. Мне хочется, чтобы он закончился, но этого, мать его, никогда не случится.

Немного посмотрев на вещи Кейти, я закидываюсь парочкой снотворного и проверяю соц. страничку Табиты перед тем, как завалиться на диван. Она уже давненько ничего не постила, но я по-прежнему каждый вечер проверяю, просто чтобы увидеть, делилась ли она своими новыми мыслями. И сегодня она поделилась.

«Тот, кто сказал, что жизнь слишком коротка, очевидно, никогда не испытывал страданий или потерю, потому что жизнь слишком длинная. Один длинный, ничтожный день, который тянется просто бесконечно. Бессонница прибрала к рукам мою жизнь. Я не спала несколько дней, а когда мне, наконец, удалось уснуть на час-другой, мне приснился ужасный кошмар. Ненавижу эту жизнь.»

Насколько чертовски верно. Все-таки жизнь для счастливых людей.

Я скучаю по Кейти больше, чем могу выразить словами, но она — моя дочь, моя плоть и кровь. Я думаю о том, как слышал тогда плач отчаяния Табиты у могилы Ника. Если бы в той аварии погиб я, никто бы не лил слезы у моей могилы и не тосковал обо мне даже спустя пару месяцев. И, как ни странно, я испытываю ревность к такой сильной любви Табиты к своему мужу.

В одном из многих онлайн фотоальбомов Табиты, я нашел еще одно ее фото — она сидит на старой лестнице, смотрит в объектив, ее огромные глаза наполовину скрыты челкой, небольшая ложбинка между грудей выставлена на показ из черного платья, которое надето на ней. Я сохранил это фото себе на компьютер и теперь могу быстро открыть его,

когда захочу и фантазировать о ней, стоящей на коленях, глядя на меня своими пленяющими глазами, тем самым взглядом.

Она возбуждает меня.

Глава 8

Вэндал

Я кинул кое-какие шмотки в дорожную сумку и запрыгнул на свой байк, предчувствуя переезд на озеро на следующие несколько недель. Последние три месяца для меня выдались слишком мучительными, как и эта жизнь в доме без Кейти. Мне нужно уехать подальше от этого. По дороге я сделал остановку на кладбище, чтобы увидеться с Кейти еще раз перед отъездом, и еще проверить одну из подножек, я слышал, как она грохотала по дороге. Я достал маленькую сумку с инструментами и подкрутил подножку на стоянке.

Справа от меня раздался какой-то звук, который исходил со стороны, где было мое дерево. Я отложил инструменты в сторону и откинул с лица волосы, глядя в сторону, откуда доносился шум. Вытирая грязные руки о джинсы, я захватил маленького плюшевого медведя и направился к могиле Кейти.

Я слышал ее плачь, но едва мог разглядеть ее в этот раз, потому что она сидела прямо на земле, по другую сторону надгробия. Снова увидеть ее было так неожиданно, но и сопротивляться желанию подойти к ней я не мог, потому что уже чертовски долго думал об этом. И не мог просто развернуться и уйти. Это как будто ее передали мне.

Когда она увидела меня, сначала ужасно удивилась, просто смотрела вверх на сто девяносто четырех метрового меня с небольшой толикой страха в своих слезливых глазах. *Ох, эти глаза.* Задержав дыхание, я ожидал какого-то проблеска узнавания, но ничего не произошло. Я медленно выдохнул.

— У тебя на лице что-то черное, — сказала она, всхлипывая. Ее голос был мягче, чем я ожидал.

Я присел перед ней и провел пальцем по ее щеке, стирая след от слез и потекшей косметики под ее глазом. Она слегка вздрогнула и втянула воздух.

— Как и у тебя, — ответил я.

Мне понравилось, как мое сердце забилося в груди от прикосновения к ее теплой, нежной плоти. То же чувство я испытываю, когда режу себя, только намного лучше. У нее свое собственное сердцебиение, свое дыхание, своя кровь и страх.

Я чертовски хочу этого.

Она вытерла лицо тыльной стороной ладони и прервала наш зрительный контакт. Ее взгляд упал на медведя, которого я держал в руке.

Она кивнула своим подергивающимся подбородком в его сторону:

— Ты держишь в руке плюшевого медведя.

Я повертел мягкую игрушку в своих грязных руках.

— Держу.

— Почему?

Я посмотрел на могилу своей дочери. Лучи солнца пробивались сквозь листья моего дерева и освещали ее надгробие, отчего оно светилось. Я принял это как знак.

Я повернулся к Табите и протянул ей медведя.

— Я собирался отдать его кое-кому, но, думаю, тебе он нужен больше.

Когда она забирала его, ее рука тряслась, а потом она прижала его к себе.

— Спасибо, — ее голос был чуть громче шепота.

Она тяжело сглотнула и прикрыла глаза. Кейти бы хотела, чтобы он был у Табиты. Медведям всегда предназначалось кого-то подбадривать. Почему бы не скорбящую вдову?

Я не мог оторвать от нее взгляда. Она совершенно выбила из меня воздух. Она так красива в своем горе. Она разбита. Я вижу это в ее безжизненных глазах. И сейчас мне хочется собрать ее тем единственным способом, который мне известен.

Я поднялся на ноги и протянул ей руку:

— Не хочешь проехаться?

Ее глаза расширились, а пальцы сильнее сжали медведя, после чего она медленно вложила свою крохотную руку в мою. Я поднял ее на ноги, макушкой она едва доставала до середины моей груди. Она посмотрела на могилу и сделала глубокий прерывистый вдох.

— Да, — наконец сказала она с легким кивком. — Забери меня отсюда.

Это все, что мне нужно было услышать.

Она проследовала за мной к байку и удивила меня, когда села позади, без вопросов и всякого проявления реакции. Я видел в ней вызов, когда она усаживалась на сидение и прятала медведя в свою сумочку. На меня она вообще не смотрела, просто уставилась вдаль, ничего не выражающим взглядом. Я завел байк, и двигатель громко взревел, но она даже не подпрыгнула от этого звука. Я завязал волосы назад, надел солнцезащитные очки и повернулся, чтобы взглянуть на нее. Я не ношу шлем, так как не существует такого закона, да и запасного для нее у меня не было. Кажется, ее это не беспокоило, как и большинство цыпочек. Может, она как я, и тоже проверяет судьбу. *Верно, нас выбросило на обочину жизни. Сыграем еще разок?*

— Держись дорогуша или тут же слетишь на хрен.

— Не уверена, что меня это должно волновать, — ответила она, но крепко обняла меня за талию.

Да, детка. Обними тьму вместе со мной.

Я выехал со стоянки, оставив позади ее машину и наших утраченных близких. Пока ветер хлестал наши длинные волосы позади нас, я думал, что мы оба чувствуем, что это начало для того, чтобы отпустить прошлое.

Дом у озера в часе езды, запрятан глубоко в горах. У меня ни одной гребаной мысли о том, что я делаю, но ее руки прижаты ко мне все время, пока мы едем по извилистой дороге в окружении пышных деревьев, и все разновидности темных мыслей роятся в моей голове. От ощущения ее маленьких, раздвинутых бедер, прижатых к моим ногам, у меня болит член.

Поездка на байке всегда была для меня способом убежать — только я, дорога и ветер и больше ничего. С чикой, прижатой ко мне и наградившей меня стояком, нарушается Дзен, который я обычно чувствую в поездке, но я не жалуюсь.

Пару раз она опиралась щекой о мое плечо, ее руки крепче обнимали меня, зарываясь в меня.

Растворяясь во мне.

Подъездная дорога покрыта гравием и поднимает пыль, поэтому я притормаживаю на повороте, и нас не заносит. Я останавливаюсь прямо перед гаражом и вырубаю двигатель. Она берет с меня пример и спрыгивает, ходит немного, чтобы размять ноги, пока я открываю гараж и закатываю байк с пульсирующим членом в штанах. Я вытаскиваю свои вещи в дорожной сумке и нахожу ее на берегу озера.

— Где мы? — спрашивает она, когда слышит, что я подошел сзади.

— У меня, — я проследовал за нее немигающим взглядом над водой. — Хочешь зайти в дом?

Она рассеяно кивнула и скрестила руки на груди, обнимая себя. Я еще не видел, чтобы кто-то выглядел таким потерянным.

Я кивнул в сторону дома:

— Пойдем.

Я пошел к дому, а она пошла следом за мной в нескольких метрах позади.

Когда мы вошли, Стерлинг сидел в коридоре, словно ждал меня. Я наклонился и погладил его по голове, и он тихо мяукнул в ответ.

— О, нет! — она молниеносно наклонилась и взяла его на руки. — Что с ним произошло?

Я бросил ключи на шкафчик у двери.

— Нда, мне его подарил друг. Его зовут Стерлинг. Над ним издевались какие-то больные ебанутые дети, так он потерял глаза. Хотя сейчас с ним все нормально, никакой боли. Вообще-то, скорее даже невероятно, как он ориентируется вокруг.

В ужасе она приоткрыла рот и стала гладить его по голове, и, конечно же, ему это понравилось.

— Бедный малыш, — проговорила она нежным голосом. Потом посмотрела на меня. — Так мило, что ты заботишься о нем. Он прелестен.

Так, Стерлинг магнит для цыпочек. Стоит поблагодарить Эви за этот маленький бонус.

Я пожал печами:

— Не такое уж это большое дело. Я просто кормлю его и позволяю играть неподалеку.

— Я бы убила тех уебков, которые причинили ему страдания, — ее голос был пронизан ненавистью, и мне это понравилось. Под всей этой печалью в ней есть мужество. Для нее еще есть надежда, но мне интересно, что бы она сделала, узнай, кто я.

Я пошел на кухню и достал две бутылки с водой, которые Эви оставила в холодильнике, рядом с чертовой тонной еды для меня. Табита пошла за мной, так и держа котенка.

Я улыбнулся и предложил ей воды.

— Он может ходить, знаешь ли, — сказал я ей. Она покраснела и осторожно поставила котенка на пол, и наблюдала, как он попрыгал через комнату. Выпрямившись, она вытерла глаза и осмотрелась.

— Я могу воспользоваться ванной и умыться? Я такая грязная.

Я сделал шаг к ней, и она не отступила.

— Мне нравятся грязные, — сказал я. Мой взгляд путешествовал от ее пухлых губ к глазам. Я убрал с ее лица прядь волос и заправил ей за ухо, мой палец слегка коснулся ее покрасневшей щеки. Она втянула воздух, но не прервала зрительного контакта.

— Ванная вниз по коридору, — сказал я.

Я сделал шаг назад, и она практически убежала по коридору, подальше от меня.

Нужно было отвезти ее домой. Я понимал, что поступаю неправильно, но, кажется, эта часть меня всегда побеждает, потому что во мне больше плохого, чем хорошего. И, кроме того, веселее быть плохим.

Она вышла через пару минут, волосы расчесаны, а темные пятна туши исчезли с лица.

— Извини, я ужасно выглядела... — ее голос затих.

— Горе само по себе уродливо.

Она покачала головой:

— Нет... это не так.

Я поставил свою бутылку с водой и подошел ближе к ней, опираясь бедром о кухонный стол.

— Почему ты приехала сюда со мной?

Она немного наклонила голову и закусил губу:

— Чтобы забыть.

— Забыть, что?

— Просто... — она посмотрела в окно на озеро. — Все.

По ее щекам побежали слезы:

— Его... меня... боль. Все это, — она выдохнула и вытерла рукой глаза. — У меня такое чувство, словно это убивает меня. Я чувствую, что хочу умереть и не знаю, как это остановить. Я никогда так себя не чувствовала, никогда.

Я мысленно вернулся к ее статусам, какой счастливой и капризной она была до аварии, и как досадно, что ее свет погас.

— Меня пугают собственные мысли. У меня столько ненависти к человеку, который спровоцировал ту аварию. Как несправедливо, что он жив, а мой муж погиб. Я так одинока, будто никто меня на самом деле не понимает. Они просто хотят, чтобы я стала такой, какой была...

Она закашляла и сделала глоток воды:

— Я больше не тот человек, и я устала пытаться стать им. Я просто... выдохлась. Не хочу думать или что-то делать или *еще* что. Хочу, что все это остановилось. Хочу нажать на кнопку перезапуска.

Это я сделал. Эта красивая, как пикси, девушка больше не улыбается из-за моих ужасных ошибок. Я не могу изменить результат той аварии или вернуть Кейти, Рени или Ника, но я могу привести в порядок Табиту. Я могу перевернуть всю эту хрень обратно. Знаю об этом, без всяких сомнений, потому что знаю себя и знаю боль и удовольствие, и я знаю, как разрушить, обновить и исправить это дерьмо, и все начинается только с того, что нужно уничтожить ее до самого основания, завоевать ее доверие и вдохнуть в нее жизнь.

Я не разбираюсь во всей этой хрени, типа любви и романтики, но я знаю, что настоящее подчинение простирается гораздо глубже, чем любовь. И дает оно больше; и забирает больше. Любовь хрупкая, ее можно разрушить. Подчинение — сильное и со временем только крепнет. Уходя, любовь оставляет людей слабыми и опустошенными, вот как она сейчас. У таких мужиков, как я, настроен радар на женщин, которые нуждаются в подчинении. И храня молчание, она кричит о нем так же, как я, молча, умоляю ее дать это мне. Надеюсь, я не ошибаюсь, но внутренний голос говорит, что я прав.

Я приподнял ее подбородок и заставил посмотреть на меня:

— Скорее всего, ты мне не поверишь, но я понимаю больше, чем ты думаешь. Я точно

знаю, что ты чувствуешь, — я сделал глубокий вдох и заглянул ей в глаза, — Я могу помочь, если ты этого хочешь. Я мог бы помочь тебе забыть. Я могу помочь выбраться из заточения этого ужасного пространства в твоей голове. Но ты должна довериться мне.

Я говорил, как чокнутый псих, но не мог подобрать более подходящих слов, чтобы описать то, что хотел сказать. Я молча проклинал себя за неумение выражаться.

— Я тебя даже не знаю, — ее голос дрожал, но не было и намека на страх. Для этого она еще находится в чрезмерном оцепенении.

— Иногда мы не можем доверять тому, что *знаем*, тогда нужно довериться *неизвестности*.

— Ты действительно считаешь, что можешь помочь мне? Я уже была у психотерапевта, но она бесполезна как кусок дерьма. Я чувствовал, что она... она анализирует меня. Судит меня. И я прекратила ходить к ней.

— Я не чертов терапевт. Но я знаю, как это прекратить.

Она облизала губы, на миг показался ее розовый язычок, и мой член дернулся.

— Тогда я вся твоя, — сказала она на выдохе. — Заставь меня забыть. Заставь меня снова хотеть жить. Все остальное я уже перепробовала. Я не стал терять ни секунды на принятие этого вызова и поднял обе ладони к ее лицу, удерживая ее на месте, пока мои губы не коснулись ее губ. Я целовал ее с нежностью перышка, едва касаясь ее губ, пробуя ее дыхание, оставаясь мучительно близко к ней, слегка проводя языком по ее нижней губе; она задрожала и затрепетала от моего прикосновения. Она задышалась, но приоткрыла свой рот для моего языка, который хотел изучить ее. Ее маленькие руки крепко вцепились в мою рубашку, повиснув по бокам.

Через несколько секунд я отодвинулся, а она еле стояла на ногах. Я положил руки ей на талию, чтобы поддержать ее. Я наслаждался тем эффектом, который оказал на нее. Это именно то, чего я хотел.

— Ты в порядке? — спросил я, изучая ее лицо.

— Да... — она медленно подняла руку и прикоснулась к моим волосам, словно гладила дикого зверя в зоопарке. — У тебя такие блестящие и здоровые волосы.

Она произнесла это так тихо, скорее для самой себя, а потом потянула меня за волосы, пытаясь притянуть мою голову для еще одного поцелуя. Ох, у этой малышки есть огонек. Я схватил ее за руку и дьявольски усмехнулся ей.

— Скажи мне, чего ты хочешь, дорогая.

Она покачала головой и попыталась вырвать руку из моей хватки, но я не позволил.

— Скажи это.

Это безобидная команда, чтобы оценить ее готовность отдавать.

— Больше этого, — прошептала она, и одинокая слеза медленно скатилась по ее щеке. Она смахнула ее пальцем, у нее покраснели щеки. — Извини... последнее время я много плачу...

Я наклонился и соприкоснулся своим лбом с ее.

— Не извиняйся. Даже небеса плачут.

Я закрыл глаза и вдыхал ванильный аромат ее шампуня какое-то время, а потом поднял ее, обхватив ее ногами свою талию, и поцеловал ее глубоко и долго. Мои руки на ее заднице, плотно прижимают ее тело к моему. Она обхватила руками меня за шею, пока я нес ее по коридору в свою спальню, закрыв за собой пинком дверь. Стерлингу еще не приходилось

иметь дело с разновидностями секса, и я не хочу обнаружить, что он пытается пробраться сюда посреди процесса или начал свой фестиваль мурлыканья.

Я бросил ее на кровать и упал на нее сверху, стараясь не раздавить. Она — самая крошечная чика из тех, что я когда-либо трахал, и мой мозг распирает от идей, что я могу сделать с кем-то таким крошечным и легким. Хотя это может и подождать. Сегодня все будет для нее, потому что ей нужно сбежать из своей системы.

Я ожидал, что она будет лежать, замерев, но она, как не в себе, потянулась к моей рубашке, желая помочь мне избавиться от нее. Я сел поверх нее и позволил ей стащить рубашку через голову. Ее руки остановились, а глаза расширились, когда она раздела меня. Ее глаза путешествовали по красочным татуировкам, которые покрывали мою широкую грудь и руки. Я знаю, что мой вид ее, в большей степени, шокирует, и она, скорее всего, не привыкла к таким огромным накаченным парням с длинными иссиня-черными волосами, в татуировках. К тому времени, как я закончу с ней, у нее будут лишь смутные воспоминания обо всех мужчинах, с которыми она была до меня. Она останется Вэндализирована на всю свою жизнь.

Я взял ее руки в свои и привязал их над ее головой за матрасом, медленно скользя поверх ее тела своим, пока мои губы не встретились с ее. Я жадно поцеловал ее, заявляя права на ее дыхание. Я переместил свои губы к ее шее, посасывая и покусывая ее нежную плоть, покрывая вождением каждый сантиметр ее кожи, к которому прикоснулся. Я хочу увидеть доказательства нашего траха, когда закончу с ней. Я схватил за тонкую ткань ее кофточки и разорвал ее по середине быстрым хорошо отработанным движением, оставляя без прикрытия фиолетовый лифчик, который скрывает ее грудь. Я скользнул языком между ее мягких холмиков, которые через атласный материал сжимали мои ладони. Я провел языком по ее соску, увлажняя тонкую ткань, которая покрывала его.

Немного отодвинувшись от нее, я потянулся и достал маленький нож из ремня на лодыжке и быстрым движением запястья открыл его, обнажая лезвие. Ее глаза расширились от страха, а дыхание ускорилося, когда она смотрела, как я подношу нож ближе к ней. Я провел лезвием между ее грудями, под небольшим кусочком материи, и резко дернул лезвие, разрезая бюстгальтер пополам. Две части ткани упали в разные стороны, обнажая грудь. Я закрыл лезвие и бросил нож на пол. Ее сиськи такие маленькие в моих руках, но упругие и круглые, соски прижимаются к моим ладоням, когда я осторожно сжимаю и ласкаю их.

Я грубо поцеловал ее в губы.

— Ты такая красивая, — прорычал я перед тем, как переместить свой язык от ее губ вниз, чтобы пососать один из этих маленьких упругих бутонов, пока другой рукой дразнил сосок, крутя его между указательным и большим пальцами. Ее тело извивалось подо мной, когда ее руки, наконец, поняли, что их ничто не удерживает, она запустила их в мои волосы, в то время как я пировал на ее груди, пока она не застонала.

Я медленно встал и передвинулся к краю кровати, пристально наблюдая за ней, как и она наблюдала сейчас за мной. Я схватил одну из ее ног и снял ботинок, потом другой. Она жевала нижнюю губу, наблюдая за мной, ведя внутреннюю битву с собой. Часть ее хотела остановить меня, а другая желала идти по краю, чтобы сбежать от боли и горя.

Я потянулся к ее талии и стянул с нее джинсы и трусики одним быстрым движением, бросив их на пол. Мгновение я впитывал ее взглядом: нагую, миниатюрную и бледную на моем темном одеяле, такую, что захватывает дух. Она похожа на маленького падшего ангела. Длинный, зубчатый шрам простирался по ее боку и еще несколько было на ногах. Конечно,

это результат аварии. Мои ошибки выгравированы на ее идеальном теле навечно.

Приковав свой взгляд к ее, я скинул свои ботинки, расстегнул ремень, потом пуговицу на джинсах, ширинку и вышел из джинсов. Пока я шел к тумбочке, чтобы достать презерватив и быстро надеть его, она смотрела на потолок. Мой член был тверд как скала, стоял по стойке и изнывал от желания оказаться в ее сладкой киске.

Устраиваясь между ее ног, я провел руками по внутренней поверхности ее бедер, мои пальцы приветствовали ее влажные, гладкие губки. Она не знает, но для меня это настолько же трудно, это преодоление личных пределов для нас обоих. Думаю, эта крошка может уничтожить меня даже больше, чем уничтожил ее я.

Ее мышцы сжались вокруг моих пальцев, увлекая подальше от этих мыслей. Она раздвинула для меня ноги в молчаливом приглашении, и я вошел в нее сильно и глубоко, отчего она закричала и выгнула дугой спину.

— Вот черт, — задохнулась она. *О да.*

Я прижался к ней всем телом и поцеловал ее грубо, продолжая жесткими толчками входить в ее тугую киску, захватив в кулак ее волосы, чтобы она не могла отвернуть голову от меня. Мы, не отрывая взгляда, смотрели друг другу в глаза, заглядывая друг другу в душу. Она обхватила ногами меня за талию, а ногтями глубоко впивалась в мою спину, с силой проводя ими вниз и впиваясь еще сильнее с каждым толчком моих бедер. Я почувствовал свою теплую кровь там, где были ее ногти, и по ощущениям это было как небеса.

Она захныкала, и я нежнее поцеловал ее в губы.

— Не останавливайся, — хриплым голосом прошептал я у ее губ. — Исцарапай меня. Сделай мне больно. Направь на меня всю свою боль.

И она так и сделала. Чем жестче я ее трахал, тем сильнее она впивалась в меня своими ноготками, кусала меня за плечо и шею. Боль меня только еще больше заводила, голова пошла кругом от такой эйфории, и я ощутил головокружение и совершенно потерялся в нем. Я хочу, чтобы прямо сейчас мир остановился с моим членом в этой сломленной девушке, которая связана со мной нашим общим запутанным опустошением.

Она достигла кульминации дико, избивая меня, ногтями она впиалась мне в зад, кричала все, кроме моего имени, потому что его она пока еще не знает. Я сдерживался до того момента, когда у нее не закончился воздух, а потом медленно входил и выходил из нее, не спеша, глубоко, дюйм за дюймом, смакуя каждую тугую, влажную ее часть, пока не кончил сам.

Она начала дрожать и плакать, когда ее оргазм исчез, я вышел из нее, быстро стянул презерватив и выбросил его в небольшое мусорное ведро рядом с кроватью. Перекатившись на свою половину кровати, я осторожно обнял ее рукой.

— Все хорошо, — успокоил ее я, потянув одеяло, чтобы прикрыть ее.

— Извини... я просто так устала и давно не спала... — она закрыла руками лицо. — Я не понимаю, что делаю. Мне так чертовски страшно.

— Оставайся на месте.

Я натянул джинсы и пошел в ванную, порылся в аптечке, пока не нашел то, что искал. Я захватил для нее воду на кухне и протянул ей таблетку и воду.

— Что это? — спросила она с опаской.

— Просто валиум. Это поможет уснуть.

— Здесь?

— Тебе нужно домой?

Она покачала головой, крутя на пальце обручальное кольцо.

— Нет. Там ничего нет. Я ненавижу там находиться. Он сейчас всюду.

— Тогда прими это и позволь себе поспать, сколько захочешь. Хорошо?

Она уставилась на меня прищуренным взглядом:

— Ты уверен?

— Да. Поверь, у меня было предостаточно бессонных ночей. Ты почувствуешь себя лучше, если немного отдохнешь. Я буду в гостинной с котенком.

Она пожала плечами, положила таблетку в рот и запила ее небольшим количеством воды, наблюдая за мной поверх бутылки. Потом легла обратно на подушку и продолжила смотреть на меня этим ошеломленным выражением на лице.

— Я понятия не имею, кто ты такой и что, черт возьми, только что произошло. Я такого не вытворяю. Никогда. Не понимаю, что на меня нашло.

Улыбаясь, я укрыл ее одеялом, так же, как делал это для Кейти.

— Как и я, так что оно того стоило. А теперь спи.

Глава 9

Табита

Меня разбудило солнце, которое светило мне в лицо. Я неуверенно села и выглянула в окно, увидев за ним озеро. Здесь так красиво и мирно. Небо практически безоблачное. Я быстро оглядела комнату, в которой ночевала. Сводчатые потолки с необработанными деревянными балками, паркетный пол с толстыми коврами, мебель из вишневого дерева... Огромный электрический камин из камня, который занял один угол комнаты. Все выглядит так уютно и роскошно, и так не к месту для парня, который здесь живет. Тепло разлилось между моих ног, стоило воспоминаниям о нем вспыхнуть в моей голове, словно в замедленном кино. Я никогда не встречала такого как он. Его голос — такой глубокий. Сексуальный, но успокаивающий. А эти потрясающие длинные черные волосы. Размазанная грязь на его лице и руках. Мускулы, как у борцов, и все эти татуировки. Клянусь, его глаза черные, как туз пик.

Я вернулась к воспоминаниям о том, как эти черные глаза глядели прямо в самые глубины меня, когда он двигался во мне. Он определенно знал, как касаться меня, где касаться, словно мы занимались любовью целую вечность. Он знал, как взять контроль и просто позволить мне *быть*.

Я позволила ему касаться себя. От чувства вины за это, я задрожала. Если бы Ник мог сейчас меня видеть, он был бы полон отвращения ко мне, а именно этого я и хочу. Мужчины, которого я люблю, больше нет, поэтому мне кажется вполне справедливым, что женщина, которую он любил, тоже должна исчезнуть.

Я слабо слышала голоса, которые исходили откуда-то из дома. Женский голос и его глубокий.

Вот срань, я даже не знаю, кто он.

Ты такая свинья, Табита. Шлюха.

Я поискала взглядом мою одежду и нашла джинсы в пару метрах от кровати. Кофточка и лифчик были разорваны на части и валялись в другом конце комнаты. Нож тоже валялся

на полу, и я снова вздрогнула, вспомнив, как чувствовала лезвие у моей кожи; такое холодное и острое.

И тебе это понравилось.

Я решила обчистить его комод и нашла белую футболку. Она просто огромна, поэтому я завязала ее в узел на спине и прокралась в коридор, размышляя, стоит ли мне пойти к нему или просто прятаться в спальне. Голоса доносились из кухни, поэтому я медленно прошла по коридору, надеясь, что не прерываю что-то, чего не должна. Из всего, что я знаю, он вполне может быть женат, и я только что спала в кровати его жены.

Она первая увидела меня и замолчала, ее лицо буквально замерло на полуслове. Она повернулась к нему:

— Эм, кто это? Я не знала, что у тебя тут компания. Почему, черт возьми, ты ничего не сказал?

— Она спала, — он готовил кофе, и на нем были только джинсы.

Даже отсюда я видела длинные следы от ногтей на его спине, которые я оставила прошлой ночью. Неужели она этого не видит? Почему не спрашивает об этом?

Она продолжила смотреть на меня все с тем же видом, поэтому я решила, что она ему скорее девушка. Хотя разозлённой она не выглядела, скорее просто шокированной.

— Я... прошу прощение... — пробормотала я, не зная, что сказать. — Мне пора.

И как, идиотка? Ты же приехала сюда с ним.

— Нет, — сказал он мне, нервно проводя рукой по своим волосам. — Она просто друг. На самом деле, девушка моего двоюродного брата.

— Если точнее, *невеста*, — исправила она.

Он скорчил ей гримасу:

— Да неважно, — и снова повернулся ко мне, — она просто проверяла меня и кота.

Она кивнула в знак согласия.

— Я заволновалась, что не слышала от него ничего с прошлого вечера, поэтому просто заехала проверить, как он. Я не хотела вмешиваться.

Она взяла ключи и сумочку:

— Ну, тогда я поехала, — на полпути к двери она повернулась к нему, — позвони мне позже, — а потом ко мне, — приятно было познакомиться.

— Мне тоже, — ответила я, споря с собой, стоит ли попросить ее подбросить меня, но она вышла за дверь слишком быстро. Не уверена, что поверила в эту историю с девушкой брата или невестой.

Я стояла в коридоре и ощущала неловкость, словно только что произошло что-то странное, будто он не хотел, чтобы она увидела меня здесь.

— Эм, прости. Я проснулась и слышала голоса...

— Все нормально, забудь. Я старался дать тебе отдохнуть. Лучше себя чувствуешь?

Я сделала пару шагов в кухню и осмотрелась.

— Немного не по себе. Уже наступило завтра? Я проспала всю ночь?

Он кивнул и подошел к холодильнику, достал стеклянный графин с апельсиновым соком.

— Проспала. Сока?

— Да... спасибо.

Он налил сок в небольшой стакан и протянул его мне, наши пальцы соприкоснулись. Я

словила его взгляд, который путешествовал по моей груди.

— Тебе идет моя футболка, — он приподнял брови и пошевелил ими.

Уверена, что вспыхнула тысячью оттенков красного. Не верится, что я стояла здесь с выпирающими сосками перед его другом.

— Ты разорвал мою кофточку. И лифчик. Я взяла ее из твоего комода. Надеюсь, это ничего.

Он подцепил пальцами пояс моих джинсов и притянул меня ближе.

— Я куплю тебе новую кофточку.

Находясь так близко к нему, мой пульс снова ускорился. До этого у меня никогда не было секса на одну ночь, и я не представляю, все так и должно быть сейчас, или как я должна себя вести. По телевизору девчонка обычно сбегает на следующее утро домой, и они больше никогда не говорят друг с другом.

Шлюха. Ты переспала с типом, которого встретила у могилы своего мужа.

Я закрыла глаза и постаралась игнорировать голоса в голове. Кажется, они никогда не заткнутся.

Когда я снова открыла глаза, увидела, что он пристально смотрит на меня, словно пытается прочесть мои мысли.

— Нет, мне не нужна новая кофточка. Хотя, спасибо. Мне нужно идти. Ты мог бы подбросить меня к моей машине?

Которая все еще на кладбище.

Он глубоко выдохнул:

— Я тут подумал... я собираюсь остаться здесь на месяц. Что-то вроде отдыха для психики, — он медленно провел вниз по моей руке и взял меня за руку, — почему бы тебе не остаться здесь со мной? У тебя такой вид, словно тебе бы не помешал такой отпуск.

Должно быть, я неправильно расслышала. Совершенно незнакомый мужчина никак не мог предложить мне провести с ним целый месяц.

— Извини, что?

— Думаю, тебе это тоже нужно. Я видел тебя на кладбище до этого. Я наблюдал за тобой.

Я отодвинулась от него, как если бы он загорелся.

— Что? Зачем? Ты больной? Никто не наблюдает за людьми на кладбище. Это священное место. Да что, черт возьми, с тобой не так?

Он даже не дрогнул и не пытался оправдаться. Вместо этого, он спокойно мне ответил:

— Потому что, наблюдая за тобой, я чувствую.

— Что, черт возьми, может заставить тебя чувствовать, наблюдая за женщиной, которая плачет на могиле мужа?

Он смотрел мне прямо в глаза:

— Много чего, вообще-то. Но в основном зависть.

— Зависть? — повторила я с недоверием. — Перед чем?

— Значить так много для кого-то.

Я совсем не ожидала такого ответа от него или его неприкрытого откровения. Я перекрестила на груди руки и уставилась на него:

— На это у меня нет никакого ответа. Извини.

— Я тоже потерял кое-кого, — сказал он, глядя в пол. — И я подразумевал именно то, что говорил вчера.

Он поднял глаза и встретился со мной взглядом. Его темные глаза были полны боли. Мне стало интересно, мой взгляд выглядит так же со стороны. Видят ли люди то же, когда смотрят на меня?

— Я могу помочь тебе забыть, — продолжил он. — Помочь, чтобы боль ушла.

— Как?

— Останься здесь со мной на этот месяц. Подари мне один месяц своей жизни. Отпусти все... позволь мне контролировать каждую часть тебя. Доверься мне, это освободит тебя от всего этого дерьма. Это поможет нам обоим.

Я отошла от него, пытаюсь понять, что именно он сказал.

— Я не понимаю... отдать себя тебе? Что это вообще значит?

Он преодолел пространство между нами, беря мои руки в свои:

— Иногда лучше, когда не понимаешь, а позволяешь себе чувствовать, когда все просто происходит. Отпусти все, не думай об этом. Я не причиню тебе боль. Обещаю, я позабочусь о тебе и заберу все это дерьмо подальше.

Я заколебалась от интенсивности его взгляда и слов, которые могли значить очень много всего. Страшных событий, которые происходят в темноте. Я читала о таких в любовных романах и помню, как думала, что это страшно, но так захватывающе.

— Будет ли это чем-то... сексуальным? — спросила я дрожащим голосом. Я облизала губы, у меня пересохло во рту.

— Да, кое-что будет. Иногда я буду нежно тебя связывать, чтобы ты не могла коснуться меня, ты окажешься в моем распоряжении для касаний, я заставлю тебя чувствовать, а ты будешь просто лежать и наслаждаться происходящим, — у него в глазах вспыхнули искры, когда он начал описывать то, чего хотел. — Или я могу приказать тебе прикасаться ко мне, потому что иногда приятно, когда тебе говорят, что делать. Но намного больше, чем это. Дело не в сексе. Это гораздо глубже. Намного, намного глубже.

— И по окончании месяца? Что тогда?

— Ты станешь сильнее, как и я. А насчет остального, увидим. Ни один из нас сейчас не в том состоянии, чтобы думать наперед.

Это не то, чего я ожидала.

Я могу вернуться к себе в пустой дом, к одиночеству, к подавляющей ответственности ко всему, или же остаться здесь с этим таинственным незнакомцем и позволить ему делать все, что ему взбредет в голову, что, по его мнению, поможет мне. Хуже уже быть не может. Я уже достигла дна: потеряла мужа, ушла с работы, счета накапливаются, а мысли о суициде посещают ежедневно. Этот парень может прямо сейчас прикончить меня, и я не уверена, что мне было бы до этого какое-то дело. Или он мог бы снова трахнуть меня и оставить в моей памяти неизгладимый след об обжигающем безумии, как сделал это прошлой ночью, и заставить меня хоть ненадолго забыть обо всем своим роскошным телом. К тому же, где-то в доме у него есть тайник с валиумом, которым я смогу воспользоваться для осуществления своего первоначального плана — уснуть навсегда, если его идея не сработает.

— Отлично, я останусь.

В его глазах блеснул пыл, и он властно поцеловал меня в губы, крепко сжимая мои руки в своих, не отпуская.

Я вернула ему поцелуй с тем же рвением. Что-то в нем дало во мне трещину. Отступая

перед ним, все во мне твердило, что из этого ничего не получится, но я слишком истощена как морально, так и физически, чтобы подвергать это решение сомнению или его самого. Если он хочет позаботиться обо мне и втянуть меня в такой себе эротически-эмоциональный заезд, почему бы и нет? Если это изменит мою жизнь, замечательно. Если же нет, тогда, по крайней мере, я испытаю что-то отличное от всего, чтобы испытывала прежде, и брошу себе вызов и не выберу безопасный путь.

Глава 10

Вэндал

Она одета в мою старую белую футболку, через ткань которой видны напряженные соски, и заметны следы от укусов, идущие вниз по шее — одного этого вида достаточно для того, чтобы я захотел разложить её на кухонном столе и оттрахать до потери сознания. Будь проклята Эвелин за то, что появилась здесь и помешала нашему утру. Главное, что имеет значение теперь — это то, что Табита согласилась остаться. Когда я с ней, во мне разжигается огонь, который, как я думал, погас давным-давно.

Я безмолвно веду её в ванную, снимаю с нее одежду, потом раздеваюсь сам. Провожу пальцем вниз по шраму на её боку. Кожа розовая, неровная и новая. Она отталкивает мою руку, и я немедленно возвращаю ее назад на ее ребра.

— Никогда больше не отталкивай меня, — говорю я низким и ровным голосом. — Расскажи, как это случилось.

— Нет, — слезы текут по её щекам.

— Ты должна мне доверять, только так у нас все получится.

Она опирается на раковину:

— Это произошло в автомобильной аварии, в которой погиб мой муж. В нас врезалась другая машина. Думаю, что кусок машины застрял во мне, — она смотрит вниз на шрам. — Он уродливый.

Встав на колени перед ней, я провожу языком по длине её шрама, идущего от бедра и в сторону груди, вызывая мурашки на её коже. *Я сделал это.* Это могло убить её. Она весит больше ста фунтов [45 кг]; не представляю, как она выжила после аварии. Хотел бы я, чтобы мой ребенок был настолько же удачлив.

— Ты прекрасна, — говорю ей, и это правда. У нее классическая, даже старомодная красота, фарфоровая кожа, большие небесно-голубые глаза, естественные светлые волосы. Она на самом деле очень милая. Слишком милая для такого парня, как я.

— Я... нет. Вовсе нет, — отвечает она.

Всегда самые красивые люди — те, которые не имеют ни малейшего представления об этом.

Мы принимаем душ вместе, я ласкаю её тело лавандовым мылом, но она подавлена. Горячая вода жжет глубокие царапины на моей спине, оставленные ею прошлой ночью, но мне плевать. Я приму от нее любую боль, потому что заслуживаю ее так же сильно, как и хочу.

— Я так и буду ходить без одежды? Или в этом и состоит твой маленький план? Кстати, что насчет моей машины? — наконец говорит она после того, как мы выходим из душа.

Я беру одно из полотенец, которыми мы только что вытирались, и складываю его в аккуратный красивый квадрат, кладя на пол перед собой.

— Я дам тебе одежду и позабочусь о твоей машине. Вставай на колени.

— Как именно ты позаботишься о моей машине?

— Я подгоню её к твоему дому. Есть ли еще что-то, о чем нужно позаботиться? У тебя есть домашние животные или подобное дерьмо?

— Нет, у меня нет такого дерьма. Но я могу позвонить соседке, сказать, что меня не будет, и попросить её присмотреть за квартирой в мое отсутствие.

Я киваю и указываю на полотенце:

— На колени.

Она смотрит на меня вопросительно:

— Почему ты продолжаешь повторять это? — тянется к своей одежде, но я отодвигаю её:

— Встань для меня на колени, на полотенце.

— Ты серьезно?

— Серьезней некуда.

Она обнаженная встает на колени и смотрит на меня сверху вниз. Мой член сразу же становится твердым, и она пытается смотреть на что-либо, кроме него.

— Почему ты заставил меня встать на колени? — спрашивает девушка.

Не могу сдержаться и улыбаюсь, так как её невинность очень сильно отличается от всего, к чему я привык. Это возбуждает меня намного больше, чем те опытные шлюхи, с которыми я обычно имел дело.

— Чтобы ты отсосала мне, — я откидываю волосы с её лица для того, чтобы увидеть её бесценную реакцию. Её глаза буквально становятся по пять копеек. Она трясет головой, и ее рот распахивается, что только усиливает мое желание.

— Я не буду этого делать, — она сгибает ногу, чтобы встать, но я мягко кладу руку на её голову, удерживая на месте.

— Еще как будешь

Она смотрит на меня вызывающе, убирает мою руку и встает:

— А что, если не сделаю?

Ах. Она хочет поиграть. Я ожидал этого, впрочем, я знаю, как с ней справиться.

Яжимаю плечами и оборачиваю полотенце вокруг талии:

— Я не буду принуждать тебя.

Я выхожу из ванной, оставляя ее там и надеясь на ожидаемую реакцию. Она нуждается в твердой руке, но я не могу давить на нее, так как сейчас она эмоциональна нестабильна. Я иду в гостиную, сажусь на диван и включаю телевизор. Стерлинг запрыгивает ко мне, и я рассеянно глажу его, пока жду, когда она выйдет. Спустя пять минут Табита появляется на пороге комнаты, обернутая в полотенце, и смотрит на меня какое-то время.

— Сейчас ты собираешься меня игнорировать?

Да. Я ничего не говорю и продолжаю переключать каналы.

— Хээй?

Я даже не взглянул на нее. Через несколько минут она подходит ко мне. Я смотрю мимо нее на телевизор.

Наконец, она встает на колени и кладет свои руки на мои бедра. Я выключаю телевизор, выбрасываю пульт, разворачиваюсь, переключая все свое внимание на нее, и разворачиваю полотенце на талии. Развожу ноги, и она становится между ними. Неповиновение в ее глазах, что я видел ранее, теперь заменяет что-то среднее между гневом и желанием, но это

нормально. Изучить язык ее тела, глаза, тон голоса, манеры и привычки будет моей главной задачей в ближайшие дни.

Я беру свой член и начинаю медленно двигать рукой под её очарованным взглядом. Её губы слегка раскрываются, а руки сжимают мои бедра. Ярываюсь между желанием ощутить ее губы на мне и желанием подрочить, в то время как она будет наблюдать за мной. *Решения, решения.*

Она удивляет меня тем, что кладет свою маленькую ручку поверх моей, и наши руки сжимают мой каменный член. Она смотрит, как мы двигаемся вместе, затем склоняет свою голову ко мне, её губы опускаются на мою скользкую головку, а язык кружит вокруг моих пальцев. Я убираю руку, и из меня вырывается протяжный вздох, когда она заглатывает мой член глубже. Блядь.

Я откидываю голову назад, на спинку дивана, и закрываю глаза, наслаждаясь ощущением её рта на мне. Её киска и рот превосходны, и это лишь маленькая часть того, что я испытал вместе с ней, не знаю, как смогу отпустить её через месяц.

Меня всегда тянуло к распутным чикам с громкими голосами, дрянным прошлым и отсутствием морали. Они готовы сделать все, что скажешь, не заботясь о том, что я могу причинить им боль или унижить. В глубине души они просто хотят внимания и поэтому позволяют мне использовать их. Таби не такая. Она милая и чуткая. Заставлять делать её что-то распутное возбуждает меня. Мне нравится предлагать ей запретный плод и видеть, как затем она уже сама тянется к нему рукой, поэтому я делаю это снова и снова.

Она сжимает основание моего члена одной рукой, продолжая сосать, другая рука перемещается вверх по ноге, через бедро, и останавливается на моем животе, касаясь кубиков пресса.

Внезапно её руки и рот исчезают. Мои глаза резко распахиваются, и я вижу, как она уходит из комнаты. *Что за хрень?* Я вскакиваю и иду за ней:

— Эй, куда, черт возьми, ты уходишь?

Не могу поверить в это. Раньше никто не уходил от меня в процессе. Она смотрит на меня через плечо, в то время как я иду за ней по коридору в спальню.

— Ну и как это — быть брошенным?

Это случилось впервые, и просто так я это точно не оставлю. Таби просто нажала на кнопку, которую не должна была нажимать. Я легко ловлю её и оборачиваю свои руки вокруг неё, обнимая сзади и крепко прижимая к себе.

— Ты хочешь поиграть? — шепчу я ей на ухо. — Тогда давай поиграем. — Я тянусь к тумбочке и вытаскиваю длинную черную нейлоновую веревку, которую спрятал там давным-давно, одной рукой прижимая к себе девушку. За несколько секунд, прежде чем она успела бы понять что-либо, я связываю её руки вместе за спиной. После этого разворачиваю лицом к себе.

— Какого черта ты творишь? Развяжи меня! — требует она.

— Не дождешься, — отвечаю я, покусывая её шею. — Я пытался не торопить события, но ты сделала это невозможным. — Целую ее, облизывая губы. Я могу почувствовать свой вкус на них. — Я живу для этого, дорогая. Ты пока не знаешь, но ты нуждаешься в этом.

Она снова пытается протестовать, но я успокаиваю её поцелуем, моя рука движется в сторону её груди, чтобы нежно ущипнуть за сосок. Она издает тихий стон.

— На колени.

Она свирепо смотрит на меня и не двигается.

— Не заставляй меня повторять. Это будет последний раз, когда ты дразнила меня.

— Мне жаль.

Её голос дрожит, и думаю, она боится меня сейчас, что одновременно хорошо и плохо.

— Докажи. — Я нежно надавливаю на её плечи, пока она не опускается передо мной на колени, дрожа и пытаюсь не потерять равновесие.

Со связанными руками она может захватить мой пульсирующий член только ртом. Я мог бы помочь ей, сев на кровать, но хочу преподать урок. Никто не смеет мне указывать, даже она. Теперь, когда она вывела меня из себя, её рот чувствуется еще лучше. На диване она медленно посасывала меня, и это было удивительно, но сейчас она сосет яростно и жестко, что будит во мне зверя. Я наматываю её волосы на руку и придерживаю за шею, и резко подаюсь бедрами вперед. Не так сильно, чтобы член коснулся стенки горла, и она закашлялась, но достаточно для того, чтобы показать, что я здесь главный.

Я кончил в её рот быстрее, чем хотел бы, но сдерживаться уже не было сил. Медленно вытаскиваю член и смотрю, как она глотает, давится и яростно смотрит на меня, пока капля моей спермы стекает по её подбородку. Наклоняюсь и стираю каплю большим пальцем, а затем размазываю по её нижней губе как помаду.

— Нам нужно поговорить, — говорю я, садясь рядом с ней на пол.

— Освободи меня.

— Не сейчас, — она пристально смотрит на меня, но я её игнорирую. — Ты знаешь, что здесь происходит. В игре между Домом и Сабмиссивом очень тонкая грань, но у тебя *может* получиться, а игра сможет *пойти на пользу*.

— Дом и Сабмиссив... Ты имеешь ввиду как «Пятьдесят»...

Я кладу свой палец на её губы:

— Даже не смей произносить это. Мне нужно, чтобы ты меня уважала, не провоцируй. Я *позабочусь* о тебе. Заставлю чувствовать то, чего ты раньше не чувствовала. Я могу вытащить тебя из этой депрессии, но ты должна доверять мне. — Я развязываю её руки и нежно растираю запястья. — Даю тебе слово: я не причиню тебе боли. Думай об этом как о психическом и физическом отдыхе. Не беспокойся ни о чем. Я *возьму на себя всю ответственность*. Ты должна делать только то, что я скажу тебе. Подношу её запястье к губам и целую место, покрасневшее от веревки. — Большая часть этого заключается в передачи власти, доверии к кому-то другому, позволении ему взять контроль на себя и уважении. Знаешь, это словно сидеть на пассажирском сидении в течение долгой поездки, когда тебе вовсе не нужно обращать внимание на дорогу. Ты можешь просто смотреть на пейзаж, мечтать, вздремнуть, слушать музыку и верить, что тебя доставят в нужное место в безопасности? Это то же самое. — Она приподнимает брови в сомнении. — Просто позволь мне сесть за руль. Ты сможешь сделать это?

— Да, думаю, да.

— Ты этого *хочешь*?

Какое-то время она раздумывает, и я нервно задерживаю дыхание. Она может сказать «нет» и попросить отвезти её домой, и я больше никогда не увижу её снова.

Теперь, когда мы провели некоторое время вместе, я не хочу, чтобы она уходила.

— Думаю, что я согласна... Да.

Я снова могу дышать.

— Хорошо. Я тоже хочу тебя. Я могу понять, когда ты провоцируешь меня, играешь в кошки-мышки. Это, блядь, здорово, но мне нужно знать, когда остановиться, а когда нет.

Нужно знать, что именно ты подразумеваешь.

— Как стоп-слово? Я читала об этом.

— Да, точно. Выбери какое-нибудь.

На мгновение она задумывается:

— Красный. Он значит остановку.

— Красный подходит.

— Могу я спросить?

— Конечно.

Она переводит взгляд на веревку, лежащую на полу:

— Ты делал это раньше?

Я беру веревку и аккуратно складываю её:

— Да, я всегда нуждался в этом. Желание. Фетиш. Называй, как хочешь. Я связываю женщин и трахаю. Так было всегда. Все это было только ради удовольствия, ничего серьезного. У меня никогда не было настоящих отношений Дома и Сабы, основанных на постоянстве. Я всегда хотел этого, но не встретил подходящего человека, с которым мог бы попробовать. Это сложно.

— Но ты хочешь со мной? Случайной девушкой, которую встретил на кладбище?

— Да, без сомнения.

— Я, действительно, мало что об этом знаю. Не хочу становиться рабыней.

— Блядь, нет. Я тоже этого не хочу. Я знаю пару. Женщина — президент корпорации, на нее возложена огромная ответственность, она подвергается большому стрессу, отвечает за все в компании и хороша в этом. Но дома она — Сабмиссив, а её партнер — Доминант. Она нуждается в этом с ним, так как ей необходимо отпустить и передать контроль тому, кого она любит и кому доверяет. Она не должна принимать решения и говорить людям, что делать. Ей нравится быть под контролем. Я изучаю лицо Таби, чтобы увидеть какую-нибудь реакцию или проблеск понимания, но она просто слушает меня, наклонив голову, как делает ребенок, когда ему на ночь рассказывают сказку. *Как делала Кэти.*

— Это трудно понять. Все отношения разные, но каждые построены на компромиссе.

Она кивает.

— В этом есть смысл. Я понимаю.

Некоторые люди полностью поглощены болью. Как ты говорила, они хотят иметь раба или быть рабом. Для меня нет особой разницы. — Взяв её за руку, я встаю и веду её к кровати, где нам будет удобнее. — Думаю, это началось в моем детстве. Я был озлоблен. Мой приемный отец сильно избивал меня, ему нравилось унижать и опускать меня, я не мог ничего сделать. Он любил запира́ть меня в моей комнате. Я думаю, что именно поэтому мне нужно сейчас держать все под контролем. Также я ненавижу, когда меня трогают, поэтому и начал связывать женщин во время секса, так они не могут ко мне притронуться.

Она прерывает меня:

— Ты не любишь, когда к тебе прикасаются? Это странно. Я думала, что в сексе это самая важная часть.

— Для некоторых. Для других же — это невероятное желание трахать того, кто не может к тебе прикоснуться, а с другой стороны, заниматься сексом, воздержавшись от прикосновений. Скажи мне, что ты чувствовала, пока отсасывала мне с завязанными за спиной руками?

Её щеки покраснели, она смотрит на свои маленькие, розовые пальчики, сжимающие

одеяло.

— Скажи мне. Я должен знать, что ты чувствуешь.

Она делает глубокий вдох, прежде чем ответить:

— Это было страшно... но странно захватывающе. Ты будешь смеяться, но я всегда ненавидела оральный секс, так как думала, что делаю это неправильно или недостаточно хорошо, также у меня был страх перед глотанием и удушьем, — она смотрит на меня из-под длинных черных ресниц. — Но с твоим требовательным поведением и связанными руками, я не могла отказаться. Как бы нелепо не звучало, это сделало все намного проще.

— Видишь? — улыбаюсь я ей. — Отказ от контроля может приносить удовольствие. И это делает меня чертовски счастливым.

— Я действительно заставила тебя почувствовать себя хорошо?

— Ты заставила почувствовать себя намного лучше, чем хорошо. Я никогда не кончал так быстро. Ты выглядела такой чертовски красивой, а твои игры толкнули меня через край.

Я хожу по тонкому льду. Такая привязанность не была частью моего плана. Не то чтобы у меня был определенный план. Знаю только то, что не могу перестать думать о ней, после того как увидел, и хотеть быть ближе. Чувствовать её. Слушать её. Быть частью её. Я не ожидал, что она так понравится мне. Или что я буду желать её так сильно. Или нравиться ей. *Мне пиздец.*

Встав, я иду в гардероб, чтобы взять какую-нибудь одежду. Когда возвращаюсь, она смотрит немигающим взглядом в стену, как это делает Стерлинг.

— Я собираюсь ненадолго уйти.

Она резко вскинула голову:

— Ты бросаешь меня здесь?

— Да, — я не хочу, чтобы она была со мной, если я встречу кого-то, кто узнает меня. Я пока не готов сказать ей, что состою в Эшес&Эмберс или, что это я — тот парень, кто врезался в нее.

Она резко бросает на меня взгляд:

— Когда вернешься?

— Расслабься. Я только сбегаяю в магазин. Захватчу что-нибудь для себя и одежду для тебя. Какой у тебя размер? S? (S — small, маленький)

— Ага. Я правда не могу пойти с тобой?

Я качаю головой и натягиваю черную футболку через голову.

— Нет. Слушай меня. Я верю, что ты не будешь трогать мое дерьмо, пока меня не будет. Если я узнаю, что ты тронула какую-либо из моих вещей, то отшлепаю твою задницу до красна. Иди за мной. — Я направляюсь в гостиную, она следует за мной. — Я хочу, чтобы ты оставалась на этом диване вместе с котом и не двигалась, хорошо?

Она хмуро смотрит на меня как ребенок:

— В чем твоя проблема? Я не собираюсь красть твои вещи.

Я беспокоюсь не о краже, а о том, что она увидит что-то с моим именем на нем, а у меня нет сейчас времени обходить весь дом и прятать вещи. Я держу этот дом в чистоте, и тут нет почты, но должно быть что-то подобное.

— Знаю, что ты не такая. Просто не люблю, когда люди рассматривают мои личные вещи.

Она падает на диван, тянет кота на колени и берет пульт:

— Мне неинтересно.

— Тебе что-нибудь нужно? Какую еду ты любишь?

— Нет, спасибо. Я теперь едва ем.

— Сегодня это изменится. Я приготовлю нам ужин

— Ты не заставишь меня есть. Я использую стоп-слово.

Я закатываю глаза:

— Ты не можешь использовать стоп-слово из-за ужина. Это нелепо.

Она стреляет в меня косым взглядом, и я вдруг чувствую, что живу с подростком.

— Я ненадолго, — говорю, хватая ключи от машины.

— К нам тут никто из твоих бывших не заглянет на огонек? — колко отвечает она.

Я ухмыляюсь и быстро пересекаю комнату, вставая рядом с ней:

— Неужели ты ревнуешь к Эвелин?

— Кто такая Эвелин?

Я так сильно хочу отшлепать её. Маленькая подстрекательница. Не успеешь оглянуться, как из кроткой и подавленной, она превращается в маленькую ведьмочку.

— Ты напрашиваешься на порку.

— Иди уже, — она даже не смотрит на меня.

— Встань.

— Зачем?

— Не задавай вопросов. Просто сделай это.

Она аккуратно отодвигает кота и встает, накручивая прядь волос на палец и прикусывая губу. — Поцелуй меня на прощание, — говорю я мягким голосом, стараясь успокоить её.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я не люблю прощаний, — отвечает она с легкой грустью в голосе.

— Это я могу понять. Тогда поцелуй меня просто потому, что я тебе нравлюсь.

Она смотрит на меня из-под своей растрепанной челки:

— Может быть, ты мне не нравишься. — Знаю, она только дразнится, но её слова отрезвляют меня. Это не похоже на меня, обычно мне наплевать на мнение других людей, но ей я хочу нравиться, более того, хочу, чтобы она нуждалась во мне.

— Я привык не нравиться людям, так что вступай в гребаный клуб, — сказав это, я ухожу, хлопнув дверью.

Я беру машину вместо байка для того, чтобы уместить все покупки. По пути в магазин пытаюсь поднять себе настроение с помощью музыки, но это не работает. Может, стоит перестать играть с огнем и отвезти её домой? Я не должен трахаться с вдовой того, кого случайно убил. Это самая ебанутая вещь, которую я когда-либо делал. Лукас убьет меня, если узнает, и Шторма хватит приступ. Ашер сотрет с лица земли. *Самодовольные ублюдки.*

Но эта девушка... эта маленькая сломанная кукла, которая всегда улыбается и пишет дебильные статусы типа: «ОМГ (OMG — Oh my God) *Боже мой, эти печеньки прекрасны!*». Она очаровала меня. Она разбудила во мне желание и облегчила боль. Я хочу как её темную сторону, так и чувственную невинность. Я хочу ловить её улыбку своими губами, чувствовать то же, что и чувствует она, видеть, что видит она. Мне необходимо, чтобы она была счастлива, думаю, что её счастье заразит и меня. Не хочу, чтобы она сдавалась.

Я выбираю продукты, несколько спортивных штанов, футболки и трусики для нее, затем блуждаю в хозяйственном магазине, расположенном неподалеку. Она слишком хрупкая для веревок и цепей. Вместо этого, я хочу оплести ее нитями жемчуга и шелковыми лентами, связав красоту с красотой, а затем оставить на теле Табиты свой уродливый порочный отпечаток, повторив это снова и снова. По дороге домой я проигрываю прошлую ночь у себя в голове. Я удивлен тем, как охотно она пошла за мной и позволила прикоснуться к себе. Не думаю, что ошибся в ней, и она спит с кем попало. Она сводит меня с ума. Я хочу верить, что она хотела меня также сильно, но теперь я знаю, что это далеко от правды. Должно быть, она хочет, чтобы я погубил её.

Дерьмо.

Глава 11

Табита

Маленький слепой котенок действует на меня успокаивающе, его мурлыканье словно колыбельная. Я нежно почесываю его лоб. Казалось бы, что котенок, которого мучили и лишили глаз, будет бояться и сторониться людей. Но это не так. Он любящий и доверчивый, готов дать жизни и людям еще один шанс. У меня никогда не было домашних животных, однако этот комочек шерсти будит во мне желание завести такого же. Было бы здорово иметь милого котенка, обниматься с ним по ночам, может тогда я не буду чувствовать себя так одиноко в пустом доме. Интересно, позволил бы мне незнакомец забрать его. Он не похож на того, кто хотел бы иметь питомца-инвалида.

— Хочешь переехать ко мне, малыш? — говорю я детским голосом.

Он мурлычет громче и переворачивается на спину так, чтобы я могла почесать его животик, заставляя меня смеяться. Думаю, я случайно расстроила доминирующего парня. Правда я не хотела, просто теперь не могу контролировать свои эмоции. Я в полной неразберихе после того, как погиб Ник, и большую часть времени чувствую себя так, будто бы стою на краю пропасти. Всего несколько месяцев назад жизнь была совершенно другой. Мы пытались завести ребенка. У нас у обоих была хорошая работа и отличные друзья. Мы были счастливы, по крайней мере, большую часть времени, и счастливее многих пар, которых я знаю. Меня переполняют воспоминания, и в горле образуется ком.

А сейчас...

Сейчас я лежу на диване какого-то парня, парня, трахнувшего и связавшего меня во время минета, парня, который хочет отшлепать и подчинить меня. Есть в нем что-то невероятно заманчивое и сексуально магнетическое, что-то запретное. Я хочу сдаться ему, сама не знаю почему. Он был прав насчет освобождения контроля, это заставляет меня чувствовать себя лучше. На самом деле, намного лучше. Но теперь, все почему-то ощущается иначе. Это так же волнующе, как падение без страховки, когда ты знаешь заранее, что будешь поймана. Это извращенно, но, сколько бы я не сопротивлялась, это все равно возбуждает.

Ты — свинья.

Глубоко в нем живет темнота, которая тянет его за собой. Он многое скрывает от меня, не позволяя мне увидеть настоящего его. Знаю, в нем есть нечто большее. Он — ящик Пандоры, и, наверное, я не должна с ним играть, но уже чувствую себя пойманной на крючок. Честно говоря, думаю, что причиной его потребности в контроле является страх

одинокчества и потери. Если он будет контролировать отношения, то не будет неожиданностей и боли. Пока он в магазине, я подумываю вызвать такси и убраться отсюда к черту, прежде чем увязну в этом ещё глубже, но не могу заставить себя сделать это. Я заинтригована им и тем, что он предлагает. Мне нравится, как он ломает лед вокруг меня, помогает мне почувствовать снова, пробуждает чувства, которые я ранее не испытывала, дает мне возможность найти новую себя.

Вчера я хотела умереть, но сегодня хочу лишь избавиться от девушки, какой была раньше и встретить ту, кем могу стать.

Это начало...

Дверь закрывается, и котенок подпрыгивает, разбудив меня. Я оглядываюсь вокруг, дезориентированная, он становится надо мной, держа несколько пакетов.

— Прости, должно быть, я задремала.

— Не извиняйся. Я хочу, чтобы ты как следует отдохнула. Ты истощена. И слишком худая.

Я следую за ним на кухню, чтобы помочь разгрузить продукты. Все это так знакомо и по-домашнему.

Я думала, мужчинам нравятся худые.

Он подмигивает мне, и бабочки начинают порхать в моем животе.

— Мне нравятся с изгибами, чтобы было за что подержать. Ты слишком худая. Мой член весит больше, чем ты.

Делая брезгливое выражение лица, я говорю:

— Фуу. Это так... агх. Даже не представляю.

Он смеется, а я трясусь головой и занимаю себя покупками. Он расставляет продукты в холодильнике, его длинные черные волосы спадают на мускулистые спину и плечи. Вчера в моей голове был полный беспорядок, чтобы заметить, как великолепно и сексуально он выглядит. Он обладает таким типом чувственности, которая заставляет женщин замирать и мгновенно становиться мокрыми от одного взгляда на него. Его кожа смуглая, черты лица и длинные черные волосы выдают в нем коренного американца. А эти мускулы и татуировки... ох...

— Сожалею, что расстроила тебя... тогда перед отъездом.

Он пожимает плечами:

— Я не расстроился, — он лжет.

— Я думала, что это работает в двух направлениях.

— Что ты имеешь в виду?

— Этим утром ты сказал, что тебе нужно знать, что я чувствую. Так вот, мне тоже это нужно.

— Прости, но не в моей привычке говорить о своих чувствах, — он достает воду в бутылках, фрукты и туалетные принадлежности. — Мне нужно знать о твоих чувствах, чтобы я мог лучше понять твои потребности и помочь.

Я беру пакет молока из его рук и кладу в холодильник.

— А кто поможет тебе? — спрашиваю демонстративно.

— Я купил тебе одежду, — отвечает он, указывая на сумку на столе и полностью игнорируя мой вопрос.

Порывшись в сумке, нахожу спортивные штаны, несколько маленьких футболок и простые трусики-бикини.

— Боже, как модно! — шучу я.

— В моде нет необходимости. Большую часть времени ты будешь голая и на коленях, — говорит он, после чего делает паузу. — Или на четвереньках.

Моя предательская киска трепещет в ответ.

Я пытаюсь сменить тему:

— Что насчет моей машины?

— Напиши адрес, и я вызову эвакуатор. Я заплачу, — он открывает выдвижной ящик и достает оттуда ручку и оборванный листок бумаги с эмблемой отеля.

— У тебя нет работы? — спрашиваю его, записывая свой адрес. И имени?

Он забирает бумагу и пронзает меня долгим взглядом, будто бы смотрит сквозь мои глаза прямо в мысли, заставляя чувствовать себя уязвимой.

Наконец он отвечает:

— Мы поговорим об этом позже.

— Серьезно? Мы собираемся потом поговорить о твоём имени?

Он не дрогнул:

— Это то, что я сказал.

— А мое имя узнать не хочешь?

— Я буду называть тебя так, как захочу.

— Ладно, — бормочу я и выхожу через раздвижные стеклянные двери, которые ведут на задний двор, убедившись, что они останутся закрытыми после меня, и Стерлинг не сможет заблудиться. Холодный ветер дует с озера. На мне только его тонкая футболка, но это меня не беспокоит. В пределах видимости нет других домов, так что никто не увидит мои заостренные соски и голые ноги.

Подойдя к небольшому деревянному причалу, расположенному во дворе, я нахожу маленькую лодку. Трудно представить его в этой лодке, он слишком большой для нее. Мне кажется, он бы потопил её. Я залезаю и отвязываю веревку от деревянного столба. Тут есть два весла, но я их не использую — пусть ветер несет меня по воде. С середины озера я могу увидеть другие дома, у каждого из них есть свой причал и лодки. Пока его не было, я не исследовала дом, но теперь жалею, что не сделала этого. Там точно были другие комнаты, но тогда у меня отсутствовал интерес. Может быть, в доме есть комната для гостей, в которой он позволит мне остаться. Только если он не ожидает, что я буду проводить в его постели каждую ночь. *С ним?* Не уверена, что смогу.

Шевелю левой рукой, глядя на свое обручальное кольцо. Все мои воспоминания кажутся такими далекими, и я не понимаю, как столько всего могло случиться в течение нескольких месяцев. Как будто это было в прошлой жизни. Не могу вспомнить те радость и счастье, что я чувствовала каждый день до аварии. Можно подумать, что я смотрю кино, и ничего из этого со мной никогда не происходило.

Иногда я не уверена, оплакиваю ли утрату Ника или самой себя.

Я выглядываю из лодки и смотрю на свое отражение. Я больше не узнаю себя. Девушка в воде выглядит как после кораблекрушения. Покачивание на воде делает меня сонной, хотела бы я иметь одеяло и подушку, чтобы свернуться калачиком на дне лодки и заснуть. Еще лучше было бы упасть за борт, опуститься на дно и просто остаться там.

Доминирующий парень в таком же беспорядке, как и я. Возможно, даже в большем. Он

кажется печальным, мрачным, сбившемся с пути, немного мудаком, но все же в нем есть мимолетные проблески заботы и сострадания. Тот факт, что я так легко, без раздумий, села к нему на мотоцикл и позволила привезти себя в его дом в лесу, ужасно пугает.

Я оглядываюсь на дом и вижу, что он стоит на причале с бутылкой в руке. Меня отнесло дальше, чем я предполагала, сомневаюсь, что ветер вернет лодку назад, поэтому беру весла и гребу обратно. Его брови нахмурены. Когда я приближаюсь, он хватает веревку с моей стороны и привязывает её к столбу. Я смотрю, как его пальцы завязывают узел, и чувствую влагу между ног, думая о том, как он так же связывал мои руки.

Он берет меня за руку и помогает подняться на причал.

— Что, черт возьми, ты делаешь? Я думал, с тобой что-то случилось, — он поднимает бутылку водки и делает глоток. *Это нехорошо.*

— Что могло случиться? Я же только плавала вокруг.

— В следующий раз скажи мне. Ты не можешь просто так исчезать.

— Я бы хотела просто так исчезнуть. А почему ты пьешь?

— Потому что это то, что я делаю, — он приобнимает меня и ведет к дому. — Тут слишком холодно, пойдем.

Как только мы входим внутрь, я чувствую запах готовящейся еды. Должно быть, он начал делать ужин, пока меня не было. Парень не похож на кулинара, но подозреваю, что он еще полон сюрпризов.

— Пахнет вкусно. Что ты готовишь?

— Курицу кордон блю и рис с овощами.

Я не могу скрыть свое удивление:

— Правда? Ты сделал это?

Он делает ещё один глоток водки, прежде чем ответить мне, и я начинаю беспокоиться о том, почему он пьет, и сколько это будет продолжаться. Я не хочу застрять здесь с разгневанным или психованным пьяницей.

— Да, это я сделал. Моя бабушка любит готовить. Иногда я прихожу к ней, и мы вместе проводим весь день за готовкой.

Эта сцена вызывает у меня улыбку. Я знаю не так много людей, которые проводят свое время подобным образом, особенно таких, которые выглядят, как он.

Стерлинг входит в комнату и, мяукая, начинает тереться о мои ноги.

— Оуу... он у тебя еще и разговаривает. Милаш.

Он берет другой напиток и открывает небольшую дверь кладовой, доставая кошачий корм.

— Он проголодался. Этот засранец ест без остановки.

Я беру коробку с кормом у него из рук и наполняю миску, смеясь над тем, как быстро котенок подбегает к еде.

— Не называй его засранцем, он лишь котенок. Может быть, он голодал, когда его пытали.

— Дерьмо, я никогда не думал об этом.

Я кладу корм обратно и замечаю еще больше алкоголя.

Оборачиваюсь и смотрю на него:

— Почему ты так много пьешь?

— Это пустяк. Поверь мне, — его глаза в тонких красных венах, и его слова становятся

немного невнятными.

Что за хрень он творит с собой?

— У тебя проблемы с алкоголем? — я требую от него ответа.

Он смеется:

— У меня много проблем.

Раздраженная, я убираю бутылку подальше от него:

— Я не останусь здесь, если ты собираешься пить.

Выливаю в раковину то, что осталось в бутылке, надеясь, что это не приведет его в бешенство.

— Что, блядь? — кричит он. — Зачем ты это сделала?

Я пячусь от него:

— Я отказываюсь оставаться здесь, если ты будешь пить. Мой отец был алкоголиком. Забудь... Я не позволю тебе и пальцем ко мне притронуться, орудовать ножами, связывать или делать со мной какое-нибудь другое сумасшедшее дерьмо, если ты пьян или под кайфом. Ты сказал, что я должна доверять тебе, но я не смогу этого сделать, если ты будешь пить.

Мы палимся друг на друга в течение нескольких минут. Его глаза потемнели от гнева, руки сжались в кулаки по бокам. У меня мелькнула мысль, что я о нем ничего не знаю и он может сделать со мной все что угодно.

— Хватит от меня убегать, — наконец говорит он.

— И? — подталкиваю я его, поднимая брови.

— И что? Мне не нравится это. Я не буду пить.

— Хорошо, без выпивки, или я уйду.

Он вздыхает, проводя рукой по волосам:

— Отлично. Если тебя это беспокоит, я не буду.

— Спасибо.

— Иди сюда.

Я не двигаюсь с места.

— Иди. Сюда. — повторяет он.

Я смягчаюсь и иду вперед, останавливаясь в нескольких дюймах от него. Он прикасается к моей щеке, и я вытягиваю шею, чтобы посмотреть на него.

— Почему ты убегаешь? — спрашивает он низким мягким голосом, смотря мне в глаза.

Пожав плечами, я окунаюсь в тепло его рук:

— Я, правда, не знаю. Я постоянно чувствую, что должна бежать прочь... быть где-то еще с кем-то, кто поможет мне почувствовать себя лучше. Однако этого никогда не происходит, и, в конце концов, я просто плачу и злюсь на саму себя. Я не знаю, как ещё это объяснить, кроме того, что мой мозг и моё сердце чувствуют себя потерянными.

Некоторое время он смотрит мне в глаза, и я знаю, что он понимает. Наконец-то хоть кто-то понимает меня.

— Мы справимся, и тебе будет лучше, — он наклоняется и целует меня. — Пойдем в спальню. Мне нужно снять с тебя мерки.

Я позволила отвезти меня в спальню, но не поняла.

— Снять мерки? Зачем?

Он снимает мою футболку через голову, как будто это самая естественная вещь в мире. Я выхожу из своих трусиков, опираясь на него, чтобы удержать равновесие.

— Я собираюсь тебе кое-что купить, — говорит он.

Это пробудило во мне интерес. Что же такое он собирается купить мне, для чего нужно измерять меня голой. Помню, что читала о психе, который похитил женщину и держал её в ящике у себя под кроватью в течение нескольких недель, выпуская только для того, чтобы поиздеваться над ней. Мне стало страшно при мысли о том, что тоже самое происходит и со мной.

Он идет к комоду и возвращается с измерительной лентой, затем начинает измерять почти каждую часть моего тела: рост, грудь, талию, бедра, делая заметки в своем телефоне.

— Окей, ты заставил меня задуматься. Что ты собираешься купить мне?

Он скользит рукой между моих бедер:

— Это секрет, — его палец надавливает между моими уже влажными складками. — Это смогут доставить сюда только через неделю.

Он медленно скользит пальцем во мне и наклоняется, чтобы поцеловать мою шею, посасывая у основания горла. Я откидываюсь на спинку кресла, вытягивая шею и желая ощутить ещё больше его рта на мне. Его зубы задевают кожу, вызывая дрожь по спине.

— Раздвинь ноги для меня, — шепчет он, и я повинуюсь, шире разводя ноги. Я провожу ладонями вверх по его рукам и сжимаю плечи, в то время как он проталкивает в меня два пальца. Он тянет меня за волосы, вытягивая мою шею ещё больше и насилуя мою плоть своими губами и языком.

— Убери от меня руки и положи их себе за спину.

Мое сердце встрепенулось. Мне нравится прикасаться к нему, чувствовать его мускулы. Я люблю то, каким сильным и твердым он ощущается.

— Я упаду, — протестую.

Он кусает мою губу:

— Я не дам тебе упасть. Никогда...

Я опускаю руки и свожу их вместе за нижней частью спины.

— Хорошая девочка, — он обхватывает меня рукой, удерживая напротив него, пока палец другой руки трахает меня, входя и выходя, в то время как его большой палец вырисовывает круги вокруг клитора. Мои ноги трясутся и ослабевают, когда он приближает меня к оргазму. Его пальцы волшебны, он знает, как и где ко мне прикоснуться, не могу удержать свое тело вдали от него. Я должна сосредоточиться на том, чтобы мои руки оставались у меня за спиной, а не хватались за него.

— Ты хочешь кончить, не так ли? — слышу сексуальный и скрипучий шепот. Его рука замедляется, едва двигаясь внутри меня. Я выгибаюсь ему навстречу, нуждаясь в продолжении, но он не двигается, удерживая меня верхом на его руке.

— Да, — я пытаюсь поцеловать его, но он отворачивается, дразня меня. Я сдерживаюсь изо всех сил, чтобы не застонать от желания.

— Умоляй.

Пусть гордость идет к черту.

— Пожалуйста...

— Еще раз.

Боже, ну он и ублюдок...

— Пожалуйста, позволь мне кончить.

Он стонет и вонзает пальцы внутрь меня, вращая ими вокруг моего центра. Его большой палец трет мой клитор так, будто от этого зависит его жизнь. Его губы снова находят мои и целуют так глубоко, страстно и требовательно, словно мы целуемся для того, чтобы дышать.

Никогда раньше я не чувствовала такой страсти и остроты в поцелуе мужчины, и это толкает меня через край. Я мечусь от оргазма, мои мышцы сжимаются вокруг его пальцев, похороненных глубоко во мне. Он крепко держит меня, в то время как мое тело дрожит, а ноги угрожают отказать. Его поцелуи замедляются, до тех пор, пока не становятся мягкими и протяжными, его губы едва касаются моих, наше дыхание выравнивается.

Осторожно опуская меня на кровать, он держит меня, пока я отхожу от оргазма.

— Думаю, ужин готов, — говорит он, нарушая тишину. — Давай поедим, а потом поиграем еще немного.

Твою мать... он серьезно? Я не уверена, что смогу выдержать еще больше.

— Сейчас вернусь, — говорит он и исчезает в коридоре. Он возвращается с купленной одеждой и кладет её на кровать.

— Одевайся и присоединяйся ко мне за ужином, — он целует меня еще раз. — Это было прекрасно, кстати. Люблю заставлять тебя умолять и кончать.

Мои конечности такие же вялые, как вареная лапша, когда я одеваюсь. Мне действительно необходимо поспать, чтобы восстановиться после этой эскапады, но запах пищи заставляет мой желудок ворчать так сильно, и я понимаю, что за эти месяцы впервые по-настоящему хочу есть.

Я нахожу его на кухне, на которой он, стоя у плиты, с его длинными волосами и татуированными мышцами, выглядит так неуместно. Стерлинг в его ногах буквально воет в полную силу своих маленьких легких.

— Ох... что с ним случилось? — спрашиваю я.

Он качает головой:

— Кажется, он кричит из-за запаха. Он разбудил его солитера (tapeworm — солитер, ленточный червь) или что-то в этом роде.

Он смотрит на котенка, трущегося о его лодыжки.

— Я не знаю, о чем, блядь, думала Эвелин, когда отдала мне его. Без понятия, что с ним делать.

— Тебе дала его девушка, которая была здесь раньше?

— Да. Она волонтер по спасению домашних животных или подобная херня. Не знаю, я не слежу за этим.

— Почему она отдала тебе слепого котенка? — мне снова интересно, происходит ли что-нибудь между ними. Дарить домашнее животное — это интимный подарок.

Он заполняет две тарелки рисом с курицей и накрывает на стол.

— Она думает, что он мне поможет. По крайней мере, она так сказала.

— Поможет тебе с чем?

— С горем, я думаю. Иди, садись, — я знаю, что он уклоняется от разговора и не хочет обсуждать это. Я хочу, чтобы он рассказал мне, по кому скорбит и как долго. Я хочу узнать больше о нем и о том, что он будет делать со мной. Интересно, чувствует ли он бесконечную агонию потери так же, как и я, разрывает ли она его сердце, как и мое, каждый раз, когда он о ней думает. Хочу знать, видит ли он в будущем сплошную темноту, как это делаю я.

Глава 12

Вэндал

Она уставилась в пространство и даже не посмотрела на меня, когда я сел за стол. По

выражению её глаз я мог сказать, что она думала о нем. Не обо мне. Она опять отстранилась от меня, хотя и не уходила. Я разрезал курицу на её тарелке на маленькие кусочки.

— Твои глаза должны смотреть только на меня, когда я вхожу в комнату, — говорю я ей. — Я должен быть единственным мужчиной в твоих мыслях.

Она резко повернула голову, будто бы только заметила моё присутствие:

— А?

— Я говорю тебе то, чего ожидаю и в чем нуждаюсь.

Она кивает с отсутствующим видом и смотрит вниз на свою тарелку:

— Спасибо за ужин.

— Не благодари, пока не попробуешь.

Она слегка улыбается и берет маленький кусочек. Мне нравится наблюдать, как она жуёт и глотает. Существует столько вещей, которые я хотел бы проделать с её ртом.

— Очень вкусно, — она берет еще один кусочек. — Я так долго не ела настоящей еды.

— А что ты ела?

Она пожимает своими маленькими плечами:

— Кофе и крекеры, иногда молочные коктейли.

Я рассмеялся над её ответом:

— Кофе, крекеры и молочные коктейли? Это самое необычное сочетание, о котором я когда-либо слышал.

— Я потеряла интерес к еде, когда Ник погиб.

Иисусе! По моей вине она ещё и голодала. Замечательно.

— Что ты обычно любишь есть? — спрашиваю я.

— Ммм... ванильное латте, шоколадный мусс, салат, домашний куриный суп с лапшой, печенье, тыквенное мороженое...

— Подожди, что? Ты сказала тыквенное мороженое? — я чуть не подавился своей едой.

Она кивает и делает глоток воды:

— Ага, оно восхитительно.

— Звучит отвратительно.

— Чувак, ты должен его попробовать. Я могу есть его вечно.

— Не называй меня так. Может быть, мы купим его, если ты будешь хорошей.

Она почти визжит от счастья из-за этого. Кто знал, что мороженое будет той вещью, которая вызовет у неё искреннюю радость.

— А ты что любишь есть? — она наклоняет голову, пока ждет ответа. Я люблю то, как она смотрит на меня, как будто действительно хочет услышать, что я собираюсь сказать. Я думаю над ответом, пережевывая и глотая пищу.

— Есть?

— Да... или что-нибудь ещё, что ты хочешь мне рассказать.

Нарезая еще больше курицы, я думаю над ответом.

— Если говорить о еде, то я предпочитаю мясо и овощи. Мне не нравятся все эти сладкие штуки, о которых ты упоминала. Я люблю грубый секс, быстрые машины, громкие мотоциклы, боль, чернила и маленьких блондинок, стоящих на коленях.

Она почти выплевывает свою еду.

— Ну, это интересный список, — говорит она.

— Твоя очередь.

— Мой список намного скучнее твоего. Мне нравится приятная музыка, чтение, искусство, ангелы, природа, фотографии... и большие длинноволосые парни с проблемами контроля, — последнюю часть она произносит с застенчивой улыбкой, что заставляет мое гребаное сердце трепетать. Я положил вилку и оттолкнул тарелку.

— Иди сюда, — приказываю я.

Она часто моргает, глядя на меня:

— Что?

Я беру её за руку, тяну, пока она не встает, и затаскиваю к себе на колени.

— Я думала, мы едим, — нервозность в её голосе ещё больше разжигает пламя во мне.

Моя рука уже скользнула ей в штаны, ища тепло между её ног.

— Ты будешь моим десертом. — Я с легкостью поднимаю её и сажаю на стол передо мной, сдергивая штаны и трусики, широко расставляя её ноги.

— Ты сумасшедший? Мы не можем сделать это на кухонном столе.

Я кладу её ноги себе на плечи, упиваясь видом её открытой киски, немедленно накрывая её. Её голова откидывается назад, опрокидывая стакан с водой. Она пытается сесть, но я толкаю её вниз, удерживая своей рукой. Я ласкаю её мягкие складки языком и сосу клитор, нежно покусывая. Она извивается и толкает свои бедра к моему лицу. Она так быстро возбуждается, но я собираюсь научить её не торопиться и наслаждаться каждым моментом. Я хватаю её руку и кладу ей между ног, уговаривая ласкать саму себя. Она отстраняется, но я удерживаю её руку до тех пор, пока она не понимает и не начинает трогать себя, одновременно с этим я погружаю свой язык глубоко в нее. Её ноги обернулись вокруг моей шеи, и я прекратил двигаться, позволив ей трахать себя моим языком, в то время как её пальцы продолжают тереть клитор. Я чувствую, как она моментально кончает, сжимаю её бедра, притягивая ближе к себе и погружая свой язык ещё глубже. Она дергает меня за волосы.

— Остановись! Пожалуйста... Я не могу так больше, — умоляет она.

Я сажаю её обратно к себе на колени, её ноги обернуты вокруг моей талии.

— Ты вкусная. Намного вкуснее тыквенного мороженого, — дразню её. Её лицо залито краской, волосы прилипли к влажному лбу.

— Ты невыносим. У меня было больше оргазмов за последние двадцать четыре часа, чем за весь год, — она быстро замолкает и закрывает глаза, качая головой взад и вперед, когда слова срываются с её губ. Она пытается отодвинуться от меня, но я кладу руки ей на талию и удерживаю.

— Не делай этого, — говорю я, замечая слезы в её глазах. Она не смотрит в мою сторону. — Ты не должна испытывать чувство вины, наслаждаясь тем, что мы делаем.

— Я не должна этого говорить, но ... это неуважительно по отношению к нему.

Чтобы она на меня посмотрела, я снова приподнимаю её подбородок:

— Во-первых, не нарушай зрительный контакт со мной. Во-вторых, я хочу, чтобы ты говорила мне все, о чем думаешь. Ты можешь чувствовать. Мне нужно, чтобы ты чувствовала.

Она затихает на несколько минут, играя моей подвеской.

— У меня никогда до этого не было секса на кухонном столе.

— У тебя до сих пор его не было. Я только вылизал тебя, но ещё не трахнул.

Она мне криво улыбается:

— Это то же самое.

— Вовсе нет. Я могу показать тебе разницу, если хочешь.

— Боже, нет! — она закусывает губу и смотрит на меня. — Я... ну... мне все же больше досталось.

Блядь, она восхитительна.

— Оргазма? — говорю я.

Её щёки краснеют, и она кивает:

— Да.

— Детка, я не веду учёт. Если я захочу, чтобы ты получила оргазм, я сделаю все для этого. Если я захочу сам кончить, поверь мне, ты узнаешь об этом. Если ты этого хочешь, скажи. Это то, на что ты намекаешь? Хочешь, чтобы я кончил?

— Нет, я просто не хочу, чтобы ты злился на меня из-за того, что не получаешь этого.

Я скольжу своими руками под её рубашку к чашечкам груди.

— Я не один из тех парней, которые думают, что, если заставили девушку кончить, она обязана ответить тем же. Доставлять тебе оргазмы, видеть, как ты извиваешься, слышать твои стоны, пробовать тебя на вкус, заставлять тебя повиноваться и выходить за рамки — вот мое удовольствие. — Я сжимаю её соски между пальцами, пока говорю и смотрю в её приоткрытые глаза.

Мой телефон вибрирует в кармане. *Блядь, ну что за? Почему люди не могут оставить меня в покое на один чертов день?* Я выпускаю разочарованный вздох и вытаскиваю его, чтобы посмотреть на экран. Это Лукас. Таби тихо постанывает, когда я прикладываю трубку к уху.

— Хэй, — отвечаю я, зная, что если не поговорю с ним, то он будет доставать меня часами, чтобы убедиться в том, что я жив.

— Хэй, старик, как дела? — спрашивает он небрежно.

— Просто расслабляюсь.

— Хорошо. Эви позвонила мне.

У меня вырывается вздох:

— Что за хрень? У нее слишком большой рот.

— Она сказала, что у тебя там девушка?

— А с этим есть проблемы?

— Нет, никаких. Рад, что ты отдыхаешь. Я просто был удивлен, услышав это.

— Она останется со мной на нескольких недель.

— Дерьмо. Это на тебя не похоже.

— Называй это своеобразной терапией.

— Это кто-нибудь, кого я знаю?

— Нет.

— А в остальном как дела? Протрезвел?

— На самом деле, сделка заключается в том, что она остается до тех пор, пока я не пью. Это отвечает на твой вопрос?

— Она мне уже нравится. Может быть, мы с Иви могли бы приехать к вам и потусоваться все вместе?

Я знал, что это дерьмо случится.

— Я не уверен, что готов к двойному свиданию, Лукас. А тем более она. — Я смотрю на её лицо, пока говорю, а моя свободная рука продолжает блуждать по её телу.

Лукас продолжает:

— Позвони мне в течение нескольких дней и дай знать, я принесу стейки, мы пообщаемся, устроим джем-сешн, разведем костер...

— Я подумаю об этом, — встреча с Лукасом возвратит меня к реальности и вытащит из безопасного пузыря, созданного мной и Табитой. Он напомнит мне о Кэти и о том, что её больше нет.

— Ты говорил с Ашем? — интересуется он.

— К черту его.

— Он позволит тебе вернуться, Вэн, только возьми себя в руки.

— Я работаю над этим, — я хватаю Таби за заднюю часть шеи, притягивая для быстрого поцелуя. — Все хорошо, старик. Я должен бежать, позвоню тебе позже. — Я кладу трубку, прежде чем он сможет сказать что-нибудь ещё.

— Кто это был?

— Мой брат, он хочет привезти свою чикку сюда и делать все это дерьмо для пар.

— Ох...

— Послушай. Я не занимаюсь такими вещами. Не хожу на свидания.

— Понимаю. Я тоже не хочу ничего подобного. Какой он?

— Как я, только моложе и симпатичнее.

Я встаю и опускаю её на ноги, шутливо шлепая по заднице.

— Убери со стола и приходи в спальню через полчаса.

— Ладно.

Я не ожидал, что Таби повлияет на меня, но это так, и это выводит меня из себя. За несколько минут я забыл о том, кто она и что я сделал. Все ощущается так... нормально. Будто бы я обычный нормальный парень, а она нормальная девушка, и мы просто случайно встретились и понравились друг другу. Хотел бы я, чтобы моя жизнь была обычной, а не такой неблагополучной, какой она всегда была. Я никогда не привязывался, но, черт, эта девушка как-то умудрилась залезть мне под кожу. В другое время, при других обстоятельствах она была бы идеальной для меня, а я был бы идеальным для нее.

Она входит в комнату спустя сорок минут после того, как я оставил её убирать ужин. Я на самом деле рад, что она опоздала, так я могу сделать с ней все, что захочу. Наказать её.

— Ты опоздала, — я сижу на кровати только в черных шортах, рядом со мной лежат жемчуг и ленты.

— Я знаю. Я немного поиграла со Стерлингом и быстро приняла душ. У меня в волосах был рис.

Я пересекаю комнату, иду к шкафу, достаю тонкую поролоновую подушку и бросаю её на пол перед кроватью.

— Раздевайся и вставай на колени.

Она открывает рот, чтобы возразить, но я прикладываю палец к её губам:

— Без возражений, — говорю я ей. — Раздевайся медленно, так, чтобы я мог насладиться этим.

Она дрожит, пока снимает с себя одежду передо мной, неловкая и неуверенная, показывая полное незнание о своей красоте и чувственности, которые так волнуют меня. Нагая, она подходит к подушке и встает на колени.

Я наклоняюсь рядом с ней и кладу руки ей на спину:

— Опустит голову так, чтобы лоб касался пола.

Она резко оборачивается и смотрит на меня через плечо:

— Серьезно?

— Давай уже! — я немного повышаю голос, раздражаясь. Ненавижу повторяться. Надеюсь, она скоро поймет это.

Я осторожно подталкиваю её в нужном направлении, её ноги поджаты, лоб на полу, руки раскинуты ладонями вниз. Её маленькое, стройное тело выглядит так грациозно, как статуя. Я провожу рукой вниз по её спине.

— Тебе удобно? — спрашиваю я.

— А ты как думаешь?

— Просто да или нет. Без своевольных замечаний. Иначе для тебя будет все гораздо хуже, но гораздо веселее для меня.

Она вздыхает:

— Да.

— Сейчас мы собираемся сделать все правильно. Каждый раз, когда ты захочешь, чтобы я остановился, я имею в виду без шуток, ты используешь стоп-слово, и мы все прекращаем. Если ты сдерживаешься, то должна спокойно произнести слово, так чтобы я мог отпустить тебя без причинения вреда. Понимаешь?

— Да.

— Ты делаешь это добровольно и доверяешь мне заботу о себе?

— Да, — она ёрзает на полу. Я нежно ласкаю её спину. — Просто расслабь тело и разум. Не напрягайся.

— Я пытаюсь, — её плечи расслабляются, и она разжимает пальцы.

— Я знаю, и ты все делаешь превосходно. Ты выглядишь чертовски красиво и понятия не имеешь, что твой вид со мной делает. — Я оставляю поцелуй на её спине и смотрю, как кожа вокруг покрывается мурашками.

Я чувствую себя ребенком в магазине игрушек. Есть очень много вещей, которые я хочу с ней сделать, сказать ей, и которые она могла бы сделать со мной. Это ошеломляет. Я фантазировал о ком-то вроде нее более десяти лет, и думал, что это так и останется просто фантазией. А сейчас, вот она, на моем полу, открытая для меня. Если бы это могло продолжаться вечно. Но я знаю, что это закончится, причем очень плохо.

— С этого момента я не хочу, чтобы ты принимала душ, не спросив меня. Хочу купать тебя сам иногда. — Купание — это часть восстанавливающей терапии и сближения, и одна из тех частей, которых я никак не могу дождаться, чтобы проделать с ней. У меня есть желание заботиться о ней, чего не было ни с какой другой женщиной.

Она поворачивает голову на полу и сдувает волосы с лица:

— Чувак, в самом деле?

Её сарказм полностью сбивает весь настрой, как будто меня облили ледяной водой, и вытягивает меня из сцены.

— Знаешь, что? Похуй. Вставай.

Я встаю, беру жемчуг и ленты и убираю их в ящик тумбочки.

— Просто иди спать, — говорю я сердито. — Завтра я отвезу тебя домой.

Я оставляю её, сидящей там, кипя от злости и разочарования. Вселенная явно наказывает меня за мои грехи, постоянно мешая моему счастью. Его просто не может быть, чтобы я, блядь, не делал. Мне не следовало с ней встречаться, на каждом гребаном уровне

это неправильно. Я просто хочу её настолько сильно, что это затуманивает все остальное.

Блядь. Я хочу порезать себя чертовски сильно, но у меня нет бритв здесь. Я обхватываю голову руками. С тех пор как произошла авария, мой мозг чувствует себя так, будто пытается вырваться из черепа, когда я зол или в состоянии стресса. Я хочу оторвать собственную голову прямо сейчас.

— Ты в порядке? — её голос звучал тонко и мягко, но все равно испугал меня.

Я не слышал, как она вошла в комнату. Она осторожно прикоснулась к моей голове:

— Тебе плохо?

— Просто уйди. Мы не будем этого делать.

Я опираюсь на спинку дивана, пытаюсь сфокусироваться на ней в темной комнате. Она по-прежнему совершенно голая и стоит слишком близко ко мне.

— Прости меня, — шепчет она, а затем опускается на колени передо мной, сжимая руки за спиной.

— Знаю, я саркастичная мерзавка. Так я пытаюсь защитить себя, когда расстроена или напугана. Я не хотела проявлять к тебе неуважение.

— Просто иди в кровать, — не могу видеть её такой, это сводит меня с ума.

— Я... я не хочу уходить. Хочу остаться с тобой. Обещаю, что буду лучше. Не прогоняй меня.

Услышав эти слова, моё сердце начинает биться сильнее в предвкушении:

— Ты действительно имеешь в виду именно это? Понимаешь, о чем сейчас говоришь?

— Да.

— Не играй со мной. Для меня это серьезно... для нас обоих. Эта не какая-то ебаная шутка.

— Я знаю... и не хочу, чтобы было так. Пока ты был в магазине, я просмотрела в интернете сайты на эту тему. Я читала книги о подобных вещах. Я знаю, что это. Просто мне страшно.

— Знаю, мне тоже, — я только что отдал ей один из кирпичиков, из которых выстроена стена вокруг меня, надеюсь, она меня им не убьет.

— Могу я поцеловать тебя? — чтоб меня. Она просит разрешения.

— Нет, — отвечаю я, даже если её поцелуй дороже, чем воздух, которым я дышу.

Разочарование отражается на её лице, но она молча поворачивается и делает так, как я прошу: нагибается над журнальным столиком, расположив лоб напротив него, руки за спиной, попка выставлена для меня. Я медленно провожу руками вниз по её ребрам, бедрам и далее, сжимая крепкий и округлый зад. Я хочу вбиваться в нее своим членом, заставляя выкрикивать мое имя, и, оттого, что я себя сдерживаю, все тело испытывает боль.

Не торопись. Не торопи события.

Я скольжу пальцем между её ягодицами, спускаясь вниз к её складочкам, раздвигая их, чувствуя её влагу. Она хочет этого. Может быть, также сильно, как и я.

Я поднимаю руку и с громким шлепком опускаю на её ягодицу. Не так сильно, как я делал это прежде, но достаточно для того, чтобы она подпрыгнула и начала ловить ртом воздух.

— С этого момента ты будешь меня слушаться?

— Да. Мы оба знаем, что это ложь, но ничего.

Я ударяю по другой ягодице, заставляя её вздрогнуть снова.

— Уверена?

Она поворачивает лицо в сторону, её щека легла на стол.

— Абсолютно. Только мне нужна твоя помощь. Я больше не хочу быть такой замкнутой и закрытой.

Я поглаживаю её попку, чтобы успокоить раздражение:

— Я тоже, детка.

В действительности я хочу связать её пять футов фальшивыми жемчужными нитями, которые я купил, но видя её такой, я решил отложить это и остаться именно в этом моменте.

Быстро раздевшись, я встаю на колени позади нее, толкая её на журнальный столик, чтобы освободить себе место. Трусь головкой члена об её складки, одновременно дразня и смешивая её влагу со своим предэякулянтном. Я медленно скольжу в нее, позволяя ей привыкнуть ко мне и стараясь не причинить боли. Я закрываю глаза и смакую то, как она ощущается изнутри, наслаждаюсь её стонами и вздохами, единственными звуками в темной комнате.

Схватив её за зад, я выхожу из нее, а затем со всей силы погружаюсь снова, мои яйца бьются о её бедра. Она издает стон и кладет руки на столик, чтобы не упасть, пока я толкаюсь в её тесную киску.

— Руки назад, — рычу я. Она возвращает руки за спину, и я обхватываю её запястья своей рукой, крепко держа их. Другая рука сжимает бедра, притягивая её ближе ко мне для того, чтобы она могла встречать каждый мой толчок.

— Ты так охренительно чувствуешься, — говорю я, изменяя угол проникновения, теперь я могу входить еще глубже и задевать более чувствительные точки.

Она сокращается вокруг меня, одновременно с этим стонет и содрогается, её дыхание учащённое и неровное, когда она кончает на моем члене. Это сладостное сжатие и струи влаги заставляют меня тут же кончить и осознать, что я не использовал презерватив. Не удивительно, что это чувствуется так хорошо. *Блядь.*

Я вытаскиваю член, заливая спермой всю её спину и руки. Откинувшись на спинку дивана, я в течение минуты перевожу дух, затем поднимаю её на ноги:

— Пойдем, куколка.

Она следует за мной и тихо наблюдает, как я набираю для нее пенную ванную. Мои горло и сердце сжались, когда я понял, что только что вылил в воду пену, принадлежащую Кэти, чтобы искупать девушку, которую недавно отшлепал, трахнул и на которую кончил.

— Мм, ты только что... без... — говорит она, пока мы ждем, когда ванна наполнится до конца.

Я проверяю температуру воды и поворачиваюсь к ней лицом. Её голубые глаза широко раскрыты, а кожа побледнела.

— Да, но я вытащил. Прости меня. Я увлекся и забыл. Я никогда так не делаю, клянусь. — Чувствую себя как долбаный дилетант.

— Я на противозачаточных после того, как Ник умер, чтобы уменьшить боли, которые у меня иногда случаются, — говорит она, глядя на свои пальцы. — Меня больше беспокоит, с кем ты побывал.

Дерьмо. Она не ходит вокруг да около.

— Я чист, — говорю я в свою защиту.

Она смотрит на меня, сузив глаза, и я её не осуждаю. Я встретил её на кладбище и неоднократно трахал всеми возможными способами. Уверен, что не произвожу впечатление разборчивого парня.

— Думаешь, я мог сделать что-то, что навредило бы тебе? — спрашиваю я её, закрывая воду. Я чувствую знакомый гнев, зарождающийся внутри меня, и стараюсь его погасить.

— Ну... ты забыл.

— Да, но если бы у меня была какая-нибудь гребаная болезнь, я не притронулся бы к тебе, я не до такой степени засранец.

Она все еще смотрит на меня, и я в отчаянии запускаю пальцы в волосы:

— Клянусь тебе, я чист.

— Хорошо, - говорит она. — Я верю тебе.

— Отлично, теперь забирайся в ванную, пока вода не остыла. — Я помогаю ей залезть, и она усаживается среди пузырьков.

Воспоминания о том, как совсем недавно здесь же купалась Кэти, нахлынули на меня. Мое сердце сжимается, и знакомая боль в груди дает о себе знать. *Не сейчас. Пожалуйста.* Мечтая об огромном джакузи, в котором я мог бы комфортно устроиться вместе с ней, я беру из бельевого шкафа чистую мочалку и сажусь на пол.

— Могу я спросить кое-что? — говорит она, лениво играя с пузырьками.

— Ответом все равно будет «да».

Она мило улыбается и сдувает пузырьки мне в лицо:

— Это часть твоих доминантных игр? Купание?

Я киваю и медленно провожу мочалкой по её телу под водой:

— Да. Иногда это называют: «позаботиться о партнерше после жесткого траха». Это успокоит тебя, расслабит твои мышцы после использования игрушек, ограничивающих движение, покажет, что я забочусь о тебе, и хочу, чтобы ты была в безопасности, ну и конечно, ты станешь чистой. И это поможет нам сблизиться, так как это интимно.

— У тебя были здесь девушки как я?

— Вообще-то, нет. У меня здесь не было никаких девушек. Я живу тут не все время, а только иногда приезжаю.

Я замечаю, что её взгляд устремлен на розовую бутылочку пены для ванны с рисунком улыбающегося котенка. *Дерьмо.*

— Тогда откуда у тебя это? Ты не похож на парня, который принимает розовые пенные ванны. Без обид.

Я делаю глубокий вдох, выводя мочалкой круги на её спине:

— Это принадлежало моей дочери.

Я не хотел идти этой дорогой. Не сейчас. Может быть, никогда. Хотя, я не могу врать ей об этом. Не тогда, когда пытаюсь завоевать её доверие и покорность. Я не хочу, чтобы она во мне сомневалась, как это было с болезнями и пенными ванными, и думала, что я извращенец или кормлю её ложью.

— У тебя есть дочь? — она удивленно садится и поворачивается лицом ко мне.

— Её больше нет, — это все, что я могу сказать. Не могу говорить об этом. Я не обязан был произносить эти слова ранее, так как все, что я знаю, знал — это то, что она умерла. Мне тошно, что они вылетели из моего рта. Я больше никогда не хочу слышать, как мой голос произносит эти слова.

Таби выглядит шокированной и расстроенной, а её глаза увлажняются. Она хватается под водой мою руку:

— Мне очень жаль. Я и подумать не могла... Вот почему ты был там? Когда мы встретились?

Я киваю, и мои пальцы переплетаются с ее. Я всегда хочу тем или иным образом прикасаться к ней, может быть, потому что боюсь, что она исчезнет.

— Сколько ей было?

Нет. Я не могу сказать это. Я качаю головой.

— Это случилось недавно?

— В этом году.

Она смотрит на бутылочку с пеной для ванны, не мигая и дрожа.

— Поможешь мне выбраться? — говорит она, поднимаясь из ванны.

Я заворачиваю её в большое полотенце, но настроение кардинально поменялось.

— Ты в порядке? — спрашивает она. — Может, ты наденешь какие-нибудь штаны, и мы поговорим? — Понятия не имею, почему она решила сейчас поговорить об этом, но иду в гостиную, чтобы надеть шорты, и падаю спиной на диван, глядя в потолок. *Блядь. Один хороший день. Это все, о чем я прошу. Один день, без боли, снедающей мое сердце. Для нее я хочу того же. Почему это так чертовски сложно?*

Она садится на диван рядом со мной, пытаюсь прочесть что-то на моем лице, с полотенцем все еще обернутым вокруг её миниатюрной фигурки.

— Тебе принести что-нибудь? — спрашивает она. — Ты выглядишь не очень хорошо. Побледнел.

Я издаю короткий, саркастичный смешок:

— Большое количество алкоголя было бы кстати. Ты можешь снять запрет?

— Абсолютно исключено, — она кладет руку мне на грудь, на сердце, проводя ею по татуировке. — Хочешь поговорить о ней?

Я закрываю рукой глаза:

— Нет. И никогда не захочу.

Глава 13

Табита

После того как он рассказал мне о своей дочери, казалось, он поддался эмоциональному стрессу и закрылся в себе. По крайней мере, я это так называю, когда сама чувствую то же. Это происходит слишком часто. Это словно перезагрузка мозга. Горе и скорбь затащили его в какое-то очень мрачное пространство, и я не ожидала, что в нем оно может быть сокрыто так глубоко. В тот момент я так сильно хотела утешить его, но была в растерянности от того, каким образом это сделать. По опыту знаю, что невозможно утешить человека, находящегося в горе. Слова бесполезны, они лишь заполняют пространство. Он закрыт настолько, что я не представляю, как до него добраться, кроме как дать ему то, чего он так отчаянно желает: мое подчинение.

Я сидела с ним на диване несколько часов, не в силах уснуть, держа Стерлинга на коленях. Но я утешалась тем, что они оба спали рядом. После полуночи я тихо ушла и спала в

одиночестве в своей кровати.

Утром я не увидела его ни на диване, ни где-нибудь в доме в поле моего зрения, и на мгновение запаниковала, думая, что он оставил меня здесь. Но потом я нашла его во дворе, сидящим на пристани и играющим на гитаре. Я проскользнула сквозь открытые стеклянные двери и пошла к нему через двор. Музыка прекрасная и чарующая, это тот ее вид, каждый звук которой будто бы проходит сквозь тебя, пробуждает твои эмоции, вызывает мурашки по телу. Это та музыка, которую я бы играла снова и снова до тех пор, пока не могла бы слушать её.

Мое сердце замирает, пока глаза блуждают по нему сзади. Он без рубашки, его широкие, мускулистые плечи сгибаются, когда он проводит пальцами по струнам, длинные, черные волосы, свисающие до середины позвоночника, закрывают татуировки, которые украшают всю его спину. Его голова немного наклонена вниз, пока он играет.

Я сажусь рядом и просто смотрю, как он играет, его пальцы легко скользят по струнам, музыка разносится над озером. Он такой загадочный, этот крутой парень с плохими манерами, создающий божественный, душещипательный звук.

Когда песня заканчивается, он медленно открывает глаза и видит меня.

— Это было невероятно, — говорю я в страхе. — Я не знала, что ты умеешь играть на гитаре.

Он откладывает инструмент в сторону.

— Это акустическая бас-гитара, — он криво ухмыляется.

— Ну, я ничего не знаю о музыкальных инструментах, но что бы это ни было, у меня просто нет слов, очень красиво. Это было... вау. Seriously.

— Спасибо. Музыка занимает очень важное место в моей жизни. Если хочешь услышать что-то по-настоящему прекрасное, тебе стоит послушать, как Лукас играет на скрипке.

— На скрипке? Правда? Не думаю, что когда-либо слышала, как кто-нибудь играет на скрипке лично для меня.

— Он играет на ней рок-металл. Это довольно дико.

— Надеюсь, однажды я услышу, как он играет. Может быть, ты мог бы сыграть для меня что-нибудь еще?

Он хрустит шеей в ту сторону, откуда доносятся звуки поп-музыки.

— Да, может позже.

— Тебе лучше? Я имею в виду головную боль.

— Ага. Как ты себя чувствуешь? Болит?

— Болит? — не уверена, о чем она меня спрашивает.

Он сгибает колено и кладет на него руку.

— Да, прошлой ночью я входил в тебя довольно жестко.

Моя киска сразу начинает трепетать от его слов. Боже, кто об этом спрашивает?

— Эээ... немного, но все в порядке.

Он пристально смотрит на меня, пожевывая зубочистку, которая торчит из его рта.

— Я не их тех, кто за ванильный секс.

— Может, тебе просто нужна практика, — слова вырываются прежде, чем я понимаю, что он воспримет это как вызов.

Злая, но сексуальная улыбка появляется на его губах, и я знаю, что именно об этом он и думает.

— Скоро твои подарки будут здесь, я много чего для тебя приготовил.

— Ты будешь ещё больше меня трахать, я полагаю?

Он запрокидывает голову и смеется.

— Ты маленькая всезнайка, и знаешь, что? Мне начинает это нравиться. И да, я буду трахать тебя еще больше, но и делать многое другое.

Не знаю, должна я об этом беспокоиться или нет, но я определенно заинтригована.

— У меня будет несколько правил, — говорит он.

— Например?

— Для начала ты должна целовать меня каждое утро и благодарить.

— Благодарить за что?

— За то, что забил тебе голов предыдущей ночью, — он дразнится, изогнув одну бровь.

Я не могу не захихикать над ним. Мне начинают нравиться наши саркастические разговоры и то, что он заставляет меня смеяться, даже если это последнее, что я хочу делать.

— Поняла, — говорю я. — Мне следует начать прямо сейчас?

Он наклоняется к моей шее и шепчет мне на ухо, его горячее дыхание обжигает меня:

— Ты хочешь меня поцеловать, не так ли?

Я поворачиваюсь к нему лицом.

— Да, — шепчу.

Мое сердце бьется быстрее. То, как он заставляет меня чувствовать себя, когда находится рядом, не поддается описанию. Это выходит за рамки привычных «бабочек», которых я чувствовала в прошлом, когда знакомилась с кем-то новым и интересным. У меня возникает такое ощущение, что знаю его гораздо дольше, чем два дня, будто бы между нами есть особая вневременная связь.

Он касается моей щеки и проводит большим пальцем по нижней губе.

— Тогда поцелуй меня. Заставь почувствовать то, что ты чувствуешь.

Нервно сглатывая, я наклоняюсь к нему и целую в губы.

Я не хочу, чтобы это что-нибудь значило, однако уже начинает. Просто я еще не знаю, что именно.

— Что ты со мной делаешь? — спрашиваю его тихо, глядя в темные глаза, наши носы соприкасаются.

Его рука тянется к задней части моей шеи:

— Все.

Я быстро и сильно падаю в его сети, цепляясь за надежду, что он спасет меня от депрессии, заставит чувствовать и жить заново. Единственное, что меня пугает, это то, что он вынуждает меня хотеть его так сильно. Наши губы снова встречаются, и я целую его тем способом, которым только сейчас и могу: нежно, сомневаясь. Его дыхание становится тяжелее, он оборачивает руку вокруг меня, удерживая напротив него. Я опускаюсь губами вниз, чтобы поцеловать и мягко посасывать его шею, он стонет, его рука соскальзывает вниз, сжав мою задницу. На обратном пути к его губам, я останавливаюсь и заглядываю в его затуманенные страстью глаза.

— Блядь, дорогая. Ты убиваешь меня, — он вздыхает.

Я прикасаюсь к его небритой щеке.

— Как так?

— Твои прикосновения настолько нежные. Никто никогда так ко мне не прикасался.

— Оу. — В моем голосе слышится разочарование. Думаю, он привык к чему-то

лучшему, более сексуальному.

— Эй, — говорит он. — Это комплимент. Не расстраивайся.

Я слегка качаю головой:

— Просто я в этом не очень хороша.

— Перестань. Ты хочешь начать день с порки?

Я хихикаю:

— Нет.

— Тогда не прекращай целовать меня.

Мы проводим все утро на причале, целуясь и лишь иногда останавливаясь, чтобы он сыграл для меня несколько песен, а потом снова начал целовать. Один раз, начав целовать его, я почувствовала, что не могу остановиться, словно он мой якорь, удерживающий меня от воспоминаний о Нике, депрессии и суицидных мыслей. Может, если я буду держаться за него достаточно долго, все будет хорошо.

— Я собираюсь прокатиться, — вдруг резко говорит он, хватая гитару и вставая. — Я ненадолго.

— Ладно, — я немножко в шоке от того, что он хочет уйти, и задаюсь вопросом, что я сделала не так. — Могу я пойти с тобой? — предлагаю, стоя в дверях спальни и наблюдая за тем, как он убирает инструмент в чехол, а затем в шкаф.

— Я как бы хочу побыть один.

Ауч.

— Ох...

— Ты умеешь готовить?

— Готовить? — повторяю я.

Он собирает волосы в конский хвост, с помощью резинки.

— Да, например, сможешь приготовить ужин?

— Думаю, да.

Он треплет мои волосы, будто бы я какая-нибудь собачка или ребенок.

— Отлично. Я вернусь примерно через два часа и хотел бы, чтобы к этому времени ужин был готов. Мне хотелось бы, чтобы так было часто и включалось в нашу договоренность, так что, если тебе нужны кулинарные книги или продукты, дай мне знать, и я все куплю.

— Хорошо, можешь купить мне зарядку для телефона?

— Конечно, все, что тебе нужно, только скажи. — Он делает ещё несколько шагов к двери в гараж, но затем поворачивается обратно. — Кстати, то, что я раздаю тебе указания — это лишь для того, чтобы ты не вернулась в прежнюю колею. К депрессии. А не из-за того, что я мудака.

— Да, понимаю.

— И я очень рад, что ты заинтересована в том, чтобы изучить отношения доминанта и сабмиссива. Для меня это много значит. Знаю, что мы мало говорили обо всем этом, и это моя вина. Просто хочу, чтобы ты была осторожна с тем, что читаешь в интернете. Как я уже говорил, у каждого свои причины вовлечения в подобные отношения, и я их не сужу, пока сам не участвую, но многое, что ты видишь и читаешь, может быть... — он поднимает глаза, будто подбирая правильные слова. — ...пугающе, за неимением лучших слов. Я не хочу, чтобы ты была шокирована, думая, что я собираюсь подвесить тебя на стропилах на

несколько дней или буду делить с другими мужчинами.

Мой желудок сжимается:

— Постой, что?

— Нет, нет. Я этим не занимаюсь. Расслабься. Я больше по подчинению, поклонению, ограничению, порке, эмоциональным пределам и близости, власти, контролю оргазма, доверию... — с такой легкостью перечисляет он. Он преодолевает расстояние между нами и кладет руку на мою шею под моими волосами. Тепло его пальцев успокаивает меня и облегчает мои страхи.

— Я хочу исследовать это вместе и решить, что именно нам подходит. Если ты читала о чем-то, что хочешь попробовать, скажи мне. Или, если ты читала про что-то, что для тебя ни в коем случае, блядь, недопустимо, составь список этих вещей. Как тебе?

Кивнув, я пытаюсь восстановить свой голос.

— Да, я думаю, это было бы хорошо.

Он нежно сжимает мою шею.

— Пожалуй, я хотел бы убедиться, что ты останешься здесь на какое-то время, прежде чем мы обо всем нормально поговорим. У нас не все, как у нормальных людей, правда?

Издав смешок, я соглашаюсь:

— Да, но я понимаю. Вся эта ситуация немного нестандартна.

— Не жалеешь, что приехала сюда? — тень беспокойства окутывает его лицо, и становится все более очевидным, как это важно для него. Но почему? Он сто процентов не страдает из-за недостатка женщин, с его-то внешностью и сексуальными талантами. Что, черт возьми, ему нужно?

Я отвечаю не сразу, так как хочу, чтобы он попотел немного.

— Нет. Пока, нет, — наконец говорю я.

— Предупреждаю, детка. Моя цель состоит в том, чтобы убедиться, что ты никогда об этом не пожалеешь. Так что если ты собираешься бежать, то лучше прямо сейчас. — Он притягивает меня к себе, заставляя встать на цыпочки, чтобы поцеловать его, затем отпускает меня и уходит.

— Не забудь об ужине и не рассматривай мои вещи, — напоминает он мне. — И покорми одного слепого пушистика.

Я все еще стою в коридоре, когда его мотоцикл заводится, а после с ревом покидает подъездную дорогу к дому. Звук постепенно утихает, пока он съезжает вниз по горе. Первым желанием было пойти спать до тех пор, пока он не вернется, но затем маленькая светящаяся лампочка загорается у меня в голове. Это именно то, что я делала на протяжении нескольких месяцев: «посыпала» свою жизнь. Ждала возвращения Ника, которого никогда не случится. Ждала конца собственной жизни. Желала зла человеку, виновному в аварии. Но сначала я осмотрю дом. Я была в таком тумане, что не заметила, насколько это место великолепно и уникально. Он небольшой, но современный, с планировкой открытого типа, сводчатые потолки с открытыми необработанными деревянными балками, какие я видела в спальне, световые люки и окна от пола и до потолка в гостиной, столовой и в хозяйской спальне. Все чисто и на своем месте, что намекает на его одержимость контролем. Каждая комната выполнена в национальном американском декоре, о чем свидетельствуют волчьи статуи, индейская керамика, ловцы снов, настенная живопись, а также расположенный в центре гостиной над камином традиционный красочный головной убор. Уверена, что он не поддельный, и мне интересно, это семейная реликвия или он где-то его взял. На стене в

фойе висит огромный гобелен с изображением индейской семьи на нем, настоящие перья свисают с углов рамы. Широкий диван и кресла из замши насыщенного шоколадно-коричневого цвета дополняются разбросанными бежевыми подушками. Белое, сделанное из густого искусственного меха, покрывало сложено вдоль спинки дивана. Жаль, что я не заметила его раньше, когда дремала на диване. Оно выглядит очень уютно.

На стене над его кроватью висит огромный эскиз волка, выполненный древесным углем, от которого полностью захватывает дух. Чувство покоя и комфорта окружает меня в этом доме, я бы хотела остаться здесь навсегда и никогда не возвращаться обратно в действительность.

Я открываю шкафчик комода у входной двери. *Интересно, что там может быть?* Внутри конверт с фотографиями, где он держит младенца на руках. Пока я листаю фотографии, ребенок становится все старше и постепенно превращается в маленькую девочку. У нее были его глаза, невероятно очаровательна, всегда улыбалась. Могу сказать, что она та самая маленькая девочка, которая заставляет вас хотеть ребенка. Я аккуратно кладу фотографии на место.

— Пошли, Стерлинг, — говорю я, направляясь на кухню вместе с ним у моих ног. — Посмотрим, что за ужин я смогу приготовить.

Глава 14

Вэндал

Длинная и свободная от машин дорога открывала вид на различные озера, раскинутые по всей горе. Это была моя любимая дорога для езды. Повороты идеальны так же, как и женские изгибы во всех правильных местах. Чистый и свежий воздух приятно ощущается в моих легких. Когда бабушка предложила мне купить загородный дом для отдыха, я знал, что это то самое место, где бы я хотел, чтобы он был. К счастью, дом, которым я сейчас владею, был выставлен на продажу как раз в тот момент, когда я только начал искать. Построенный десять лет назад и едва обжитый — это было все, что я хотел.

Проводить утро вместе с Таби, играть для нее — это просто свело меня с ума. *Плохо*. То, как она прикрывала глаза и покачивалась под мою музыку, становилась с ней единым целым, чувствовала, как она течет по её венам, так же, как это делаю я, красноречиво сказало мне, что она была бы удивительной музой. *Черт, она и есть удивительная муза*. Она заставила меня чувствовать себя так, словно мелодия, которую я играл этим утром, льется из меня. Музыка всегда была моим самовыражением, и она смогла прочувствовать это. Эта чика действительно может заполучить меня.

Её готовность полностью мне отдаться, уступить, пугает меня до усрачки, потому что, чем больше она позволяет мне, тем больше я хочу с ней сделать. Она плохо воспитана и немного сопротивляется, но я вижу — её глаза и её тело говорят мне, что ей нравится все, что я раскрываю в ней. Она тает подо мной как масло.

Я заезжаю в один из близлежащих городов и покупаю ей зарядник для телефона, чувствуя себя мудаком, который похитил её, не обеспечив всем необходимым. То же самое и с одеждой, хотя это, безусловно, могло сыграть мне на руку, но было бы самым дебильным поступком, который от меня только можно ожидать. По пути к кассам я вижу изображение маленьких статуй ангелочков, один из которых держит кошку, и ни с того ни с сего я покупаю его для нее. Также захватываю с собой коробку печенья.

Вытащив телефон, я подключаюсь к камерам скрытого видеонаблюдения в моем доме и нахожу Таби на кухне, которая, держа Стерлинга на руках, уставилась в открытый холодильник. Её рот движется, поэтому я увеличиваю громкость на телефоне.

— Давай просто закажем еду на вынос и скажем ему, что это мы приготовили. Как думаешь, он узнает? — говорит она.

Я смеюсь, наблюдая за ней и слушая. Она ведет разговор с котенком и делает вид, как будто он ей отвечает. Широкая улыбка появляется на моем лице, и я качаю головой, наблюдая за тем, как она бродит по комнате, открывая и закрывая разные шкафчики, и при этом разговаривает с моим котом. Она — само гребаное очарование.

Я игнорирую все электронные письма на моем почтовом ящике и выхожу из системы. Разберусь с этим дерьмом позже. В то время как я складываю покупки в подседельную сумку мотоцикла, красивая девушка проходит мимо и пытается привлечь мое внимание. Поскольку я игнорирую её, она подходит ко мне.

— О, мой чертов Бог, вы случайно не Вэндал Валентайн из Эшэс&Эмберс?

— Да, — я стараюсь не вступать с ней в зрительный контакт из-за того, что некоторые поклонницы иногда могут быть как психованные стервятники.

— Срань господня! Я люблю вас парни!

— Спасибо.

— Это твой байк?

Нет, я краду его.

— Да, мой.

— Мотоциклы так сексуальны. Покатаешь меня? Я так это люблю.

Я опускаю свои солнечные очки на глаза, прежде чем встать и посмотреть на нее.

— Прости, но я еду домой.

— Ты живешь здесь? Я живу прямо вниз по дороге.

— Нет, я просто в гостях у друга.

Она обиженно надувает свои большие и красные губы:

— Ну что ж, отстойно!

Я залезаю на байк и киваю ей:

— Ещё увидимся.

Я быстро уезжаю до того, как она попытается запрыгнуть ко мне на заднее сидение или сделать какое-нибудь подобное сумасшедшее дерьмо. Эта сцена была суровым напоминанием того, почему я не могу взять Таби покататься вместе со мной. Потому что то же самое может произойти, если мы остановимся, чтобы купить прохладительные напитки или воспользоваться уборной, а я не готов к тому, чтобы она узнала, кто я, или встречалась с женщинами подобными той, что встретила меня на стоянке.

Смогу ли я когда-нибудь?

Я на хрен загнал себя в угол, прекрасно. После того как закончится наш месяц, я должен отвезти её домой и вернуться к моей прежней жизни. Раз уж Ашер выгнал меня из группы, я собираюсь работать вместе с Лукасом в тату салоне, потому что, ничего не делая, я снова начну пить и тусоваться на вечеринках. Будет совершенно невозможно продолжать жить вместе с Таби, чтобы она не узнала кто я, или не выяснила, что именно я виновник аварии, и, в конце концов, она уйдет.

Если только...

Если только, я не подниму её подчинение на более высокий уровень, разрешу ей жить

со мной и буду держать её полностью уединенной от всех. Никогда не позволю ей встречаться с моими друзьями или семьей. *Или может, познакомить её с Лукасом и Иви, но заставить их держать язык за зубами, не говорить о группе и аварии?* Я хотел бы скрыть от нее свою публичную персону и уберечь её от встреч со шлюшными фанатками, любопытных глаз, папарацци и слухов. Ей может это понравиться, так как она ведет себя так, будто не хочет взаимодействовать с внешним миром. Она не упоминает о своих друзьях или членах семьи. Я не думаю, что она заинтересована в возвращении на работу или к жизни в доме, который она делила со своим мужем.

Это может сработать. Конечно, она пойдет добровольно. Я мог бы продать свой дом и купить новый для нас, такой, который понравится ей, в котором будет много тематических комнат для наших игр.

Мысль о продаже дома уже приходила мне в голову из-за тех воспоминаний о времени, когда мы с Кэти жили там. Постоянная боль от этого будет продолжать съедать меня заживо. Я мог бы содержать Таби, дать ей все, что она хочет и в чем нуждается, она была бы удовлетворена и находилась бы в безопасности. Я бы лелеял её как маленькую куколку, и она никогда не захотела бы уйти. Я мог бы смотреть в эти большие глаза каждый день, слышать её оргазменные крики и стоны, когда она получает удовольствие, видеть, как она зарывается в меня ногтями, когда я позволяю ей к себе прикасаться. Мы могли бы открыть много друг в друге. Она была бы полностью моя, а я не прочь быть полностью её. Мое сердцебиение учащается, а член становится все тверже, чем больше я думаю о том, как удивительна была бы жизнь вместе с ней. Она могла бы превратить мои фантазии в реальность. Я только что разработал план, как содержать женщину в качестве зверушки. Я больной ублюдок.

Когда я прохожу через дверь, ведущую из гаража в кухню, она приветствует меня, подпрыгивая ко мне с большой улыбкой на лице и хлопая в ладоши:

— Ты как раз вовремя. Ужин готов. И я его не испортила!

Её головокружительный восторг от того, что она не испортила ужин, очень милый, но он также указывает на то, что пора садиться за стол. Жаль, что я не смогу взять её с собой готовить вместе с бабушкой. Я скидываю ботинки и бросаю их на коврик для обуви у двери. — Для тебя это новое достижение? — спрашиваю я, ухмыляясь.

— Это так. Ник много работал и приходил домой в разное время, так что мы в некотором роде жили на замороженных обедах большую часть времени, потому что они быстры и легки в приготовлении.

— Поверь мне, я съел свою долю замороженных пицц и фаст-фуда, но я предпочел бы есть нормальную еду каждый раз, когда это возможно.

— Лучше закажи несколько кулинарных книг, иначе я буду делать тебе жареный сыр и суп каждый день.

— Это то, что я буду есть сегодня?

— Нет. Был большой пакет мясного фарша в холодильнике, немного яиц и хлеб. И я нашла все специи, так что приготовила мясной рулет. Я порезала картофель и сделала пюре с небольшим количеством сметаны.

Улыбаясь, с выражением подозрения на лице я заглядываю в духовку, ожидая увидеть бесформенную массу мяса, но он выглядит идеально.

— Я впечатлен, куколка. Он даже вкусно пахнет. Я собираюсь смыть с себя следы

дороги, почему бы тебе не накрыть на стол за это время? Я вернусь в десять.

Понимая, что до сих пор держу пакет с покупками в руках, я протягиваю его ей:

— Это для тебя.

— О, мой зарядник! Спасибо! Мой телефон сдох прошлой ночью. Я позвоню маме и лучшей подружке, чтобы сообщить, где я. — Она идет к печи и проверяет рулет. — Я сделаю это после ужина... не хочу слушать нотации прямо сейчас.

Я немного волнуюсь о том, как будут проходить эти разговоры, и какую реакцию они на нее произведут. Принадлежит ли она к тому типу людей, которые закрываются в себе, стоит только кому-нибудь влезть в её дела? *Что, черт возьми, она расскажет им обо мне?* Или может, она вообще не упомянет обо мне и солжет о своем местонахождении.

После быстрого душа я нахожу её, сидящей за столом, держащей маленькую статуэтку ангела, с далеким, почти грустным выражением лица.

— Что случилось? Тебе не нравится?

У нее слезы на глазах, когда она смотрит на меня. *Дерьмо. Что я сейчас сделал не так?*

— Мне нравится. Я люблю собирать подобного рода вещи, но... ты этого не знал.

Еще как знал.

— И статуэтка кошечки мне тоже нравится. Она всегда будет напоминать мне о том, что я была здесь вместе с тобой и Стерлингом. Спасибо, — она вытирает глаза салфеткой. — И ты купил мне печенье! Ты один из тех редких мужчин, которые умеют слушать?

Занимая свое место за столом, я усмехаюсь, разрезаю мясной рулет и кладу один кусок ей на тарелку, а другой к себе:

— Никогда не был. Просто я не хочу, чтобы у тебя была по нему ломка.

Рулет получился отличным, и её настроение улучшилось. Глаза стали ярче, и она выглядит более живой. Она также гораздо оживленнее, когда разговаривает со мной. Мое собственное настроение стало намного лучше теперь, когда кто-то ждет меня дома.

— Может, мы посмотрим фильм сегодня вечером? — выпаливает она, убирая со стола после ужина.

— Фильм?

— Да. Я думала, мы могли бы посидеть на диване и посмотреть кино. Ты этого не делал?

— Только не с чиками. Я трахал их, и они уходили.

Она останавливается и смотрит на меня, словно у меня выросла вторая голова.

— Ты ведь шутишь, правда?

— Нет, серьезно.

Я наблюдаю за тем, как она загружает посудомоечную машину, звеня тарелками, метая в меня кинжалы взглядом.

— Как тебе удалось завести с кем-то ребенка? Вы были женаты? Жили вместе? Ты должен был иметь какие-то отношения, верно?

Ярость закипает внутри меня. Она серьезно меня судит? И говорит о моей умершей дочери?

— Это дерьмо не обсуждается! — я быстро вскакиваю в гнев, ударяя рукой по столу.

— Почему? Это нормальная тема для разговора. — Она захлопывает дверь посудомоечной машины и скрещивает руки, ожидая, что я что-нибудь скажу.

— Не для меня. Это большой пиздец, если хочешь знать. Она была просто

стриптизершей, с которой я тусовался. Я был пьян и небрежен. Я никогда не хотел иметь с ней что-то общее, а тем более ребенка. — Я делаю глубокий вдох, ненавидя то, что только что сказал. Я не жалею о Кэти. Она была самым лучшим, что когда-либо со мной случилось. — После того как родился ребенок, меня к нему не допустили, и эта сука подала на меня в суд, чтобы заполучить алименты, убедилась, чтобы у меня отняли право посещения, потому что я наркоман и алкоголик. Мне потребовалось три года, чтобы все исправить, пройти уйму тестов, чтобы увидеть своего ребенка. У меня нет отношений с её матерью. Я ненавижу эту суку.

Таби отпрянула от меня.

— Прости, что спросила, — говорит она. — Я просто пытаюсь узнать о тебе побольше.

— Поверь мне, детка, все это не очень-то красиво. Чем больше ты узнаешь, тем меньше тебе это будет нравиться. Будь счастлива в неведении.

Я оставляю её на кухне и падаю на диван, удивляясь, насколько быстро Таби начала капать мне на мозги. *Что за черт?*

— Ты собираешься сделать со мной так же? Трахнуть и бросить? Отшлепать и уйти? — спрашивает она, следуя за мной в гостиную.

Это не тот вопрос, на который я могу легко дать ответ прямо сейчас, но я должен, иначе она будет продолжать копать еще глубже в меня. Это вполне естественно, что она хочет знать, что её ожидает и что она значит. Женщины обожают ярлыки, названия и значения. К сожалению, у меня в голове такой бардак, что я больше не знаю, что делаю. Я поддавался импульсу, снова и снова, и теперь эта девушка в моей жизни, я знаю, что так не должно быть, но все, о чем я могу думать, это то, как мне удержать её. И она чертовски несведущая, трахающая мне мозг направо и налево, пробуждающая темные желания, позволяющая мне доминировать над ней в надежде, что так она выберется из ямы печали, в которой она находится. *И найдет что? На что она надеется?* Я не знаю. Но давайте будем честными: я спасаю её из одной ямы, но при этом зарываю в другую.

— Ты даже ответить не можешь. Да, пошел ты! — Она топает по коридору и хлопает дверью спальни. Я ей позволил. Если я пойду за ней, то лишь ещё больше разожгу огонь, бушующий в нас обоих сейчас.

Я зажимаю переносицу и сосредотачиваюсь на том, чтобы успокоить свое дыхание. Мне снова нужно взять под контроль наши отношения и сохранять его все время. Она продолжает сбивать меня с верного пути, отвлекая от моей роли, и это моя ошибка. Я взял на себя ответственность за неё, когда привез сюда и вовлек в эти отношения. Это моя обязанность учить её, направлять и защищать. Я откидываюсь на спинку дивана и медитирую, спокойно составляя список того, что я узнал и чего нужно придерживаться.

— Подчинение — это дар, который надо беречь.

— Уважение зарабатывают, а не требуют.

— Сабы нуждаются в терпении и управлении.

— Мы оба учимся на своих ошибках.

— Я должен контролировать свои эмоции, действия и привычки все время.

— Каждое действие, которое я совершу, или решение, которое приму, должны осуществляться, если она находится в ясном уме и твердой памяти.

— Я не могу позволить себе или ей быть эмоционально отстраненными.

— Мы должны полностью доверять друг другу.

— Знать, когда стоит остановиться.

- Общение — превыше всего.
- Знать её границы, медленно расширять их. Научить ее моим.
- Она контролирует меня точно так же, как и я её.
- Наши главные инструменты: ум, тело, дух, душа и любовь.
- Любовь и доверие — это то, что действительно связывает нас вместе.

Я хочу эту женщину. Я не хочу испортить все ещё больше. Так или иначе, это я обязан делать эту работу, строить нам фундамент, который защитит нас, когда истина откроется. Я могу лгать, скрывать, быть долбанным ублюдком, но, в конце концов, правда выйдет на поверхность. Я не потеряю её.

Я не пришел к ней прошлой ночью, а она ко мне. Я остался на диване со Стерлингом. Мне снилась Кэти: она улыбалась и смеялась, как обычно делала. Ничего существенного во сне не произошло: она просто была со мной, счастливая. Я убеждаю себя, что это был знак от нее, может, даже визит, чтобы дать мне понять, что с ней все хорошо.

FedEx (экспресс доставка, фидекс) приходит в то время, пока я делаю кофе, доставляя шесть коробок различных форм. Я заносу их в комнату для гостей, ставлю свой кофе на туалетный столик и начинаю открывать коробки. Хорошо, что она еще спит, так я могу приготовить все для нее, а то, что я пока не готов использовать — спрятать в шкафу.

Я разложил все на кровати, когда мой телефон засигналил о текстовом сообщении. Я вытаскиваю его из кармана.

Сидни: «Я вернулась домой. Можешь прийти ко мне? Нам нужно поговорить».

Дерьмо. Чертовски не вовремя.

Вэндал: «Немного занят. Может, на следующей неделе?»

Сидни: «Это важно. Пожалуйста, давай сегодня».

Вэндал: «Ты заноза в моей заднице. Мне понадобится два часа, чтобы добраться до тебя. Я на озере сейчас».

Сидни: «Ок. Я буду здесь. Просто входи. Дверь не заперта».

Убрав телефон, я выхожу в коридор, закрывая за собой дверь, и бегу прямо к ней. Её волосы помяты, а глаза покрасневшие.

— Хэй, — говорю я.

— Хэй, — она отвечает, не смотря мне в глаза. — Есть кофе?

— Да, пойдём, давай поболтаем, — она следует за мной и смотрит в окно, когда я делаю ей кофе.

— Мы можем купить ванильный кофе? — спрашивает она, когда я вручаю ей её кружку. — Это мой любимый.

— Да, напиши список, и я схожу в магазин завтра. Я должен уйти сегодня на несколько часов, так что сегодня не смогу. Я вернусь к ужину.

— Опять?

Я киваю:

— Да.

— Ты пропал вчера почти на весь день.

— И?

Её нижняя губа начинает дрожать, но я отказываюсь играть в это и позволять ей продолжать разводить здесь драму.

— Ты встречаешься с кем-то ещё? У тебя есть девушка? — Её голос ломается, и она

сжимает кружку с кофе крепче.

— Мы не встречаемся. Это другое, — я засовываю зубочистку в рот и раскатываю ее между зубами. — Нет других женщин.

Она всхлипывает и заправляет волосы за ухо:

— Почему я не могу поехать с тобой?

Иисус. Вот что значит иметь девушку — все эти эмоции и вопросы...

— Нет, — говорю я строго. — Я хочу, чтобы ты осталась здесь. Съешь что-нибудь легкое в два часа. Я вернусь домой к четырем. Твои подарки пришли сегодня, и у меня есть интересные планы для нас. После того, как я уйду, иди в гостевую комнату. Подарки ждут тебя там.

Она тут же оживляется, её глаза становятся больше, маленькая улыбка появляется на лице:

— Подарки?

— Да, и, кстати, ты забыла о нашем правиле.

Она наклоняет голову и вопросительно смотрит на меня:

— А, поцелуй — доброе утро?

— Да, это.

— Мы поругались вчера.

— Нет. У тебя была истерика. Давай не делать так снова, хорошо? — Схватив за бедра, я притягиваю её к себе и наклоняюсь, чтобы поцеловать в шею. — Не могу дождаться вечера, — шепчу я ей на ухо.

Она вздрагивает и расслабляется в моих руках, положив голову мне на грудь.

— Я тоже, — шепчет она в ответ. — Не забывай обо мне, пока будешь в отъезде.

— Ни за что, — я поднимаю её голову. — Никакого плохого настроения, пока меня не будет. Сегодня будет хороший день, а вечер просто удивительный. Поверь мне.

Подняв, я сажаю её на кухонный стол и жадно целую, мысли о сегодняшнем вечере разжигают мое желание ещё больше. Её ноги обернуты вокруг моей талии, а руки — вокруг шеи. Знать, что она скучает без меня — это хороший знак.

Я неохотно отстраняюсь.

— Я лучше пойду. Будь хорошей девочкой. Попробуй поухаживать за котом, если сможешь. В том ящике есть щетка.

Она смеется:

— Хорошо... Думаю, что смогу это сделать.

По дороге к Сидни в моих мыслях только Таби, Таби и еще раз Таби. Я хотел бы остаться дома вместе с ней, а не ждать до вечера, чтобы увидеть её вместе с подарками, но не могу забыть на Сидни. Хотя время она выбрала отстойное.

Когда я подъезжаю к её квартире, самостоятельно захожу, как делал это сотни раз.

— Я сейчас выйду! — кричит она из ванной. Я взял себе холодный напиток из холодильника и стал ждать её на заднем балконе.

— Прости, милый. Я сегодня поздно легла спать и все еще страдаю от смены часовых поясов. — На ней обычные джинсовые шорты и майка, и она сушит влажные волосы полотенцем. У нее красные глаза и мешки под ними.

— У тебя усталый вид, — говорю я ей. — Тебе надо притормозить.

Она садится и опирается на свои скрещенные загорелые ноги. Она зажигает сигарету, и

её длинные, красные, как пожарная машина, волосы свисают с лица, почти ловя искры. В последний раз, когда я её видел, они были синими.

— Скажи мне, как твои дела. Прости, что меня не было рядом, Вэн...

Я махаю на нее рукой.

— Это не твоя вина, Сид. У тебя были гастроли в Англии — это превыше всего. Я понимаю, — я киваю головой и стряхиваю волосы со своего лица. — Мне лучше, я уже не пью два или четыре дня подряд.

— Ну, это начало, парень. Не все сразу.

— Все так говорят.

Она зевает и протягивает свои полностью татуированные руки вверх над головой, её белая майка обтягивает большую грудь, и обычно я смотрю на нее, но сегодня мой взгляд устремлен в сторону.

— Вчера я столкнулась с Талуном и Эшем в студии, и они сказали, что ты выбыл на некоторое время. — Она затягивается сигаретой и наблюдает за моей реакцией.

Я с отвращением закатываю глаза.

— Да, думаю, они не хотят, чтобы я портил их священный образ своими пьяными вспышками. Я не знаю, кем, блядь, они хотят меня заменить на такой короткий срок. Даже пьяный я играю лучше, чем все эти бездарности.

Она тушит сигарету о мраморную пепельницу на столе.

— Мной, — заявляет она просто.

— Тобой, что?

— Они попросили меня отыграть тур с ними.

Я чуть не упал. Сидни действительно может задать жару. Её женская рок-группа «Сахарный поцелуй» (Sugar Kiss) является одной из лучших в жанре рок. Я знаю её много лет, они открывали наши концерты столько раз, что я не могу сосчитать. Нужно отдать должное Эшеру. Это гениальный маркетинговый ход, чтобы горячая девушка была в группе несколько месяцев.

Запуская руку в свои волосы, я смотрю на нее, потеряв дар речи.

— Я, действительно, не ожидал, что так будет, Сид.

— Знаю. Как и я. Вэндал, слушай. Это не навсегда. Я согласилась лишь на несколько месяцев этого тура, пока ты не вернешься на борт. Я не собираюсь оставлять Sugar (группа), чтобы стать постоянным членом Эшес&Эмберс. Я не могла сказать нет; здесь серьезные связи, ты знаешь, что...

Я киваю:

— Знаю, знаю.

— Я не буду этого делать, если ты против. Вот почему я хотела с тобой встретиться. Я не собираюсь рисковать нашей дружбой из-за этого. Я слишком тебя уважаю, чувак. Ты многому научил меня. И как ты знаешь, Эш продолжал говорить, что ты вернешься. Она берет меня за руку и быстро сжимает.

Я сглатываю и отвожу взгляд.

— Я ценю это. Правда. Лучше это будешь ты, чем какой-нибудь другой мудака. Ты все сделаешь чертовски здорово, и мне не нужно будет беспокоиться о том, что ты заменишь меня навсегда. Я вернусь в следующем году. У меня есть новый материал, над которым я работаю — он хорош.

Она выпускает вздох облегчения и широко мне улыбается.

— Не могла дожидаться, чтобы услышать от тебя это.

Она делает паузу и несколько мгновений смотрит в окно.

— Вэндал, не ненавидь так сильно Эшера. На него многое навалилось, и группа — это его дитя. Это все, что сейчас у него есть.

— Да, да, да, я не хочу думать об Эшере и его проблемах. У меня есть свои, а его могут быть гораздо хуже. — Ты будешь в порядке, переключаясь на другой тур так скоро? С новым материалом?

— Да, блядь. Я справлюсь.

Я отталкиваюсь от деревянных перил.

— Я лучше пойду, я должен вернуться обратно на озеро.

Она встает и идет со мной в дом, положив руку мне на спину, прежде чем мы достигаем входной двери.

— Ты мог бы остаться, — намекает она знойным голосом. — Прошло уже много времени.

Оценивая свой контроль, я вздыхаю и поворачиваюсь к ней лицом.

— Мы не должны, Сид. Давай не будем усложнять это дерьмо, — я делаю паузу и решаю сказать ей правду. — Плюс ко всему, у меня вроде бы есть кто-то, кто ждет меня дома.

Удивление и разочарование появляется на её лице:

— У тебя? Правда?

— Пока это все ново. Мы пытаемся понять, что это.

— Я думаю, это здорово, Вэндал. На самом деле. Ты заслужил немного счастья.

— Нет, в действительности нет, Сид. Я засранец.

Она смотрит мне в глаза и вызывающе качает головой.

— Я знаю тебя уже очень долгое время. Ты сложный и ты облажался, но заслуживаешь того, чтобы быть счастливым. Может, я с ней когда-нибудь встречу?

Страх бежит по мне, словно кислота по венам.

— Не знаю. У меня много дерьма, с которым нужно разобраться.

Она прислоняется к косяку, открывая для меня дверь.

— Будь паинькой, дружище. Оставайся на связи и не переживай. Я заставлю тебя гордиться, стоя на твоём месте.

— Знаю, что так и будет.

Глава 15

Табита

Как только он уходит, я бегу в комнату для гостей, как маленький ребенок, открываю дверь, и мои внутренности нервно сжимаются в предвкушении того, что там может меня ожидать. На середине кровати лежат две коробки, большая и поменьше, каждая завернута в матовую фиолетовую бумагу с черным бантом, а также лежит коричневый дневник из замши. Я не знаю, с чего начать, но любопытство заставляет меня взять дневник. Я сажусь на кровать и открываю его, находя на первой странице запись, выполненную каллиграфическим почерком.

Табита,

Это будет наша книга, и я надеюсь, что все страницы постепенно заполнятся, пока будет развиваться наша история. Я буду писать в этой книге все, что хочу, чтобы ты сделала в тот день, или просто, чтобы рассказать тебе таким образом о своих мыслях. Я хочу, чтобы ты делала тоже самое. Расскажи, что ты чувствуешь и чего желаешь, напиши об этом здесь, и я прочту на следующий день. Иногда записать мысли куда проще, чем произнести их. Это должно быть отличным средством общения для нас, и, надеюсь, воспоминаниями, к которым мы сможем однажды вернуться и перечитать.

На кровати твой первый подарок. Я хочу, чтобы ты приняла душ с мылом для тела и вымыла волосы шампунем, что я купил для тебя. Затем надень на себя предметы, которые находятся в коробке. Не спеши, позволь себе насладиться всем. Я знаю, что ты будешь выглядеть прекрасно.

После иди в спальню и ложись на кровать в ту позицию, которой я тебя научил, ожидая, когда я приду к тебе.

В.

В? Что за черт?

Интересно, как долго он знает, как меня зовут, и почему все эти дни мы не пользовались нашими именами. Я хочу слышать, как он произносит моё имя, так же как хочу произносить его и чувствовать на своих губах. Сегодня вечером я буду настаивать на том, чтобы он сказал мне, как его зовут.

Я разрываю обертку большой коробки и открываю крышку. Отодвинув край белой ткани в сторону, мои глаза расширяются и дыхание перехватывает, когда я вижу, что внутри. Я достаю из коробки корсет и держу его перед собой. Надо отдать ему должное, у парня хороший вкус. Теперь все обретает смысл, я знаю, зачем он измерял меня, он хотел убедиться, что это идеально подойдет моему телу. Эта мысль заставляет мою киску трепетать и истекать влагой. То, что мужчина заказывал для меня белье, очень эротично и возбуждающе, даже романтично. Корсет глубокого вишневого цвета с маленькими розочками, вышитыми на ткани, и с черными атласными ленточками по бокам. Затем, я достаю из коробки черные чулки и подвязки, а также соответствующие трусики, из той же ткани, что и корсет. Положив все на кровать, я открываю маленькую коробочку, которая находилась внутри большой. Там оказалось ожерелье, сделанное из черного материала и выглядящее как множество ленточек из ткани, украшенных крошечными сверкающими кристаллами, и серьги из черных драгоценных камней. *Святой боже!* Ничего из этого не выглядит дешево. Я осторожно кладу ожерелье вниз, надеясь, что оно не запутается. Наконец, я нахожу подходящие перчатки без пальцев и ручку, стилизованную под перо.

В другой коробке лежит множество туалетных принадлежностей: шампунь, кондиционер, гель для душа, масло и крем для тела, зубная щетка, парфюм и косметика. Опять же, все выглядит дорого и принадлежит к известным брэндам, некоторые из которых я даже не узнаю. Я открываю колпачки бутылочек и вдыхаю запах каждой из них, упиваясь сладкими ароматами.

Глядя на все эти предметы на кровати, у меня наконец начинает складываться картина не только того, чего он хочет и в чем нуждается, но и того, что я могу иметь. С кем-то другим, думаю, это было бы жутко и страшно. Но с ним я не чувствую подобного. Это просачивается через чувственность и желание из образа жизни, который может превзойти любую фантазию, какую я когда-либо имела. Лишь прикосновение к ткани возбуждает. У меня никогда не было такого роскошного белья. Оно изыскано и превосходно.

Я оставляю все в гостевой комнате и закрываю за собой дверь, чтобы убедиться, что Стерлинг не пробрался сюда и не порвал что-нибудь или оставил свою шерсть на нем. Несмотря на свою слепоту, ему все же удастся везде залезть.

Посмотрев на часы, я расстраиваюсь, так как ещё даже не полдень. У меня такое чувство, что этот день будет тянуться бесконечно, потому что я с нетерпением чего-то жду, а вселенная должна непременно поиздеваться надо мной. Незнание, куда он ушел, беспокоит меня. Ник никогда бы не ушел просто так, не сообщив мне о своих планах.

О Боже! Как я могу сравнивать Ника с ним? Меня начинают душить слезы, грозя мгновенно пролиться. *Нет. Сегодня должен быть хороший день. Я не расклеюсь.*

После того, как я расчесываю Стерлинга щеткой, я принимаю долгий душ, используя средства для ванны, которые он выбрал специально для меня. Каждое из них пахнет лавандой и ванилью, которые, как я где-то читала, оказывают успокаивающее действие. Я оставляю кондиционер подольше, так что мои волосы будут мягкими и шелковистыми, и вспоминаю, как дрожит мое тело, когда он тянет меня за волосы. Я нахожу бутылочку пены для ванны, которая стоит в углу и выглядит одиноко и неуместно, это пробуждает во мне грустные мысли о маленькой девочке, купающейся в мыльных пузырях, пахнущих как жевательная резинка, и слишком рано лишившейся жизни.

Я вытираюсь и наношу на влажную кожу масло для тела. Оно медленно впитывается и посылает теплые покалывания сквозь меня. Так же ощущается и его прикосновение. Используя палец, я слегка тру между ног, между моими складками.

Затем, я сушу волосы и делаю легкий макияж. Я никогда не пользуюсь помадой, но помада глубокого красного цвета, подходящая под корсет, была в косметичке, поэтому я наношу её, предполагая, что он хотел бы этого, или иначе это не будет сочетаться с остальным.

Он сказал, что надо немного перекусить, но я не могу даже думать о еде без того, чтобы мой желудок не скручивало от нервов. Чтобы быть послушной, я заставляю себя проглотить несколько крекеров и запить их яблочным соком, в то время как смотрю в окно на мерцающую воду. Я бы хотела снова пойти поплавать на лодке, но он дал мне строгое указание не делать этого, когда его нет. Думаю, он боится, что я выброшусь за борт и утоплюсь.

Когда я больше не могу тянуть, то иду в гостевую комнату и пытаюсь понять, что должна надеть сначала. Покусывая губы, пока трогаю все вещи, я выбираю корсет, натягиваю его и застегиваю спереди. Он туго затянут, но не так сильно, чтобы я могла дышать. Передняя часть едва прикрывает грудь, но сжимает и приподнимает её вверх, придавая даже моей маленькой ложбинке чувственности и сладострастия. Затем, я шагаю в трусики.

Пояс с подвязками и чулки мне совершенно чужды. Сидя на кровати, я очень осторожно натягиваю черные чулки до бёдер и прикрепляю их к подвязкам. Будучи одетой, я все же чувствую себя обнаженной. После того, как я надела ожерелье, серьги и перчатки, я смотрю на себя в зеркало, прикрепленное к двери.

Вау...

Я выгляжу такой... другой. Не думаю, что когда-либо выглядела сексуально, но в этом определенно да. Я даже чувствую себя сексуальной. Крутясь, я рассматриваю себя со всех сторон, и мне нравится, как соблазнительно я выгляжу. Откуда он узнал, что выбрать, чтобы

я выглядела подобным образом?

3.45.

Ожидаю его в той позиции, которой он меня научил, голова опущена, руки за спиной, я сосредотачиваюсь на том, чтобы замедлить дыхание, пока паника не отступит, волнение не исчезнет, и я чувствую себя умиротворенно, когда жду его. Меня накрывает тихая уверенность.

Звук мотоцикла вскоре заполняет тишину, затем скрежет открытия и закрытия двери гаража. Потом я слышу мягкое приветствие Стерлинга, шаги в холле. Дверь ванной открывается и закрывается, и шипение душа наполняет мои уши. Солнце заходит, и наступает темнота, оставив меня в комнате без света.

Я продолжаю свои дыхательные упражнения, делая медленные, глубокие вздохи, чтобы успокоить сердце, пустившееся вскачь. Предвкушение, как наркотик, возносит меня выше, забирая все проблемы и заботы. Ничего, кроме нас, не существует в данный момент.

Его присутствие в комнате — это все, что я могу чувствовать. Я не двигаюсь и не поворачиваюсь, когда слышу, как он зажигает спичку, и янтарный свет начинает отбрасывать танцующие тени на стенах.

Я чувствую на себе его взгляд, принимающий меня. Нравится ли ему то, что он видит? Или он разочарован?

— Встань.

Миллион бабочек начинает порхать у меня в животе и парить между ног, когда я медленно встаю, давая моим конечностям время, чтобы очнуться.

Благодаря моим небольшим исследованиям, теперь я знаю, что делать. Я встаю перед ним: глаза в пол, руки сложены, и жду, пока он медленно кружит вокруг меня, как пантера, преследуя свою добычу, останавливаясь позади меня.

— Ты так прекрасна, — его голос глубокий и сексуальный, пропитанный хрипотцой. Я не сомневаюсь в его словах, так как его голос отражает все эмоции. Снова сделав круг, он останавливается передо мной.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я чувствую себя красивой, спасибо.

— Ты создана для того, чтобы так одеваться, чтобы быть избалованной подобными вещами.

Он совершенно голый, его член уже твердый и сверкающий в свете свечей. Я глотаю, когда он идет к тумбочке и вынимает жемчуг и ленты, которые я уже видела в другой день.

Как давно это было? Такое чувство, что годы назад.

— Все, о чем я мог сегодня думать, это о том, чтобы увидеть тебя такой. Мне было ненавистно оставлять тебя.

Опустившись передо мной, он слегка пробегает пальцами от лодыжек до икр, по бедрам, затем по задней части моих ног и хватает меня за задницу, прижавшись лицом к моей киске. Его пальцы проникают под ткань трусиков и тянут их вниз медленно, давая мне выйти из них.

Снова прижав лицо между моих ног, он щелкает языком и медленно, долго вылизывает меня прежде, чем встать. Он ведет меня к кровати и кладет на спину, затем опускается на

меня сверху, широко разведя мои ноги, его член зажимается между нами.

— Я встречался с другой женщиной сегодня, — он берет одно из моих запястий и оборачивает его длинной лентой, переплетенной с жемчугом, потом привязывает его к спинке кровати. Гнев и сердечная боль настигают меня. *Как он посмел оставить меня здесь одну и уйти к другой женщине?* Я извиваюсь в путах, интересуясь, связал ли он и её, мне становится тошно лишь от одной мысли об этом.

— Женщиной, которую я трахал. Много раз, — продолжил он, резко дергая за ленту, затягивая крепление.

Мое сердце и желудок сжимаются от его слов. *Пожалуйста, нет.* Ревность распространяется во мне, как лесной пожар.

Он хватает мою другую руку:

— Однако в этот раз я ее не трахал. — Лента затягивается вокруг моего запястья, поскольку он закрепляет его так же, как и другое.

С руками, связанными у меня над головой, он наклоняется всего в нескольких дюймах от моего лица, его шелковистые волосы падают вниз на мою грудь, щекоча.

— Спроси почему, Табита, — звук моего имени на его губах в темноте заставляет меня трястись.

— Почему?

— Потому что ты меня уже погубила, — его губы прижимаются к моим на короткое время. — Ты забрала все удовольствие трахать других женщин. Нет ни единого шанса, что они могут сравниться с тем, что ты даешь мне.

Это открытие делает меня счастливой. Я хочу, чтобы он полностью принадлежал лишь мне.

Он медленно проводит пальцем по краю корсета и останавливается, чтобы поласкать холмики моих груди, которые выпирают сверху, будто бы прося освободиться из-под плотного материала.

— Как я могу есть фаст-фуд, если меня ждет обед из пяти блюд?

Облегчение, смешанное со страхом, заменяет ревность, которую я чувствовала раньше. На какую темную дорогу я собираюсь ступить с этим сексуальным ненормальным, желающим меня? Хочу ли я быть единственным объектом его желаний?

Да. Я не хочу, чтобы кто-нибудь ещё мог почувствовать магию, созданную им. Он мой.

Он снова опускается, его губы у основания моего горла, возле ожерелья, затем покрывает поцелуями мою грудь, его язык находит маленькую ложбинку, облизывая стороны груди, в то время как его рука идет вверх вдоль ребра и ложится на шею. Его другая рука методично начинает расстегивать каждую крошечную кнопочку лифа, обнажая меня дюйм за дюймом. Его рука слегка сжимается вокруг моей шеи. *Вот дерьмо.*

Как только корсет расстегнут, он вытаскивает его из-под меня и отбрасывает в сторону.

— Тебе нравится то, что я выбрал?

— Да, — мой голос напряжен под давлением из-за его захвата вокруг моего горла. Я задалась вопросом, собирается ли он душить меня.

— Есть намного большее, что я собираюсь дать тебе.

Его рука на моей груди, а губы сосут мой сосок, язык скользит по его кончику, разжигая боль глубоко между моих бедер. Его рот спускается между груди, вниз по животу к моему холмику. Его горячий рот поглощает мою киску, а язык исследует и упивается. Мой пульс учащается, а тело прижимается к нему, мои бедра в жажде раскрываются. Его хватка на

моем горле периодически усиливается, когда он лижет и сосет мою киску. Он такой большой, а я маленькая, так что его тело полностью покрывает мое, и он может с легкостью добраться до любой части меня. Мои ноги дрожат, когда я трюсь об него, так близко к оргазменному блаженству, и затем он внезапно отстраняется. Я делаю несколько рваных вздохов, и мои глаза распахиваются, видя, как он съезжает, и встает на колени рядом с моей головой, его рука все ещё обхватывает мою шею. Он берет свой огромный член и прижимает его к моему рту.

— Открой, — его глубокий голос пронзает тишину. Я подчиняюсь, и он скользит толстой головкой по моим губам. Мой голодный взгляд путешествует по всей длине его тела. Он выглядит как бог, нависая надо мной, мерцающие свечи бросают оранжевое свечение на его мускулистую грудь, и блики танцуют в его иссиня-черных волосах. Он толкает свой толстый ствол дальше мне в рот, заставляя меня давиться. Вытащив немного, он позволяет мне отдышаться прежде, чем скользнуть назад, и его член ударяет в заднюю часть моего горла. Расслабляя мышцы, насколько могу, я заглатываю его глубже, моя голова то поднимается, то опускается над матрасом, кружа языком по его обхвату. Его хватка на моем горле усиливает нашу сексуальную и эмоциональную связь, которая, как я чувствую, возникла между нами. Все, что я думала, я знаю о сексе и занятии любовью, оказалось неполным, так как доверие к человеку, который держит меня в удушающем захвате, пока я отсасываю ему, с руками, привязанными атласными лентами к спинке кровати, только растет.

Его глаза горят жаждой, когда он смотрит, как я сосу, его рука перемещается с члена к моей щеке, нежно лаская её, его большой палец скользит по моей верхней губе, которая натянута вокруг него. Отпуская мое горло, он проводит рукой по всей длине моего тела, засовывает ее между ног, вставив один, а затем два пальца в меня. Я стону с его членом во рту и начинаю сосать сильнее, в то время как он ласкает меня, выводя большим пальцем круги на моем клиторе. Я уже почти нахожусь на грани, но он убирает руку, и я в отчаянии выпускаю его член изо рта.

— О, Боже, прекрати останавливаться! — говорю я, затаив дыхание. Садистски смеясь, он сползает ко мне между ног и ложится на меня, опираясь на локти, чтобы смотреть мне в лицо.

— Что случилось, детка? — дразнит он, потирая член о мое бедро.

Я трясую головой и дергаю запястья, желая взять его в руки и направить в себя.

— Ты меня пытаешь!

— Я люблю это. — Его губы опускаются на мои, и он свирепо целует меня, кладя одну руку мне за спину для того, чтобы обхватить задницу и прижать ещё ближе к себе. Я оборачиваю свою ногу вокруг его и начинаю тереться об него, словно кошка.

— Это подло, — жалуясь я, когда он отрывает свои губы от меня.

— Ты кончишь, только когда я позволю, — шепчет он, зарываясь лицом в мою шею и прижав свой ствол к моим опухшим, ожидающим складкам. Он встает на колени между моих ног и приподнимает меня, положив подушку под мою задницу. Медленно проскальзывает в мою киску, его глаза сосредотачиваются на мне, наблюдая за каждой реакцией. Я не могу оторваться от его гипнотизирующего взгляда. Он поднимает мои ноги, одетые в черные чулки, вверх над своей головой, сводит их вместе и опускает на левое плечо, обхватив мои лодыжки вместе одной рукой. Повернув немного мое тело, он погружается в

меня еще глубже, что заставляет меня задыхаться. Мои пальцы сжимают ленты, сдерживая страсть, пока он врзается в меня. Его рука все еще обернута вокруг моих лодыжек, он поворачивает голову и медленно проводит языком по изгибу моей стопы. Ощущение от этого посылает волны крошечных электрических ударов через мое тело, и я начинаю приближаться к оргазму, моля каждого бога во вселенной, чтобы он не останавливался. Мое тело дрожит и сжимается вокруг него, он наклоняется ко мне, мои ноги все ещё перекинуты через его плечо, и теперь он давит мне на грудь, почти сгибая меня пополам, быстро, сильно и глубоко вколачиваясь в меня. Он так сильно кончает, что я буквально чувствую, как он взрывается внутри меня. Я лежу под ним, пока он медленно покачивается внутри меня в течение нескольких минут, позволяя каждому из нас привести дыхание в порядок, затем он осторожно опускает мои ноги вниз, снимая чулки и нежно разминая икры и бедра, когда я вытянула их. Дерьмо, я думала он собирается сломать мою талию. Он развязывает мои руки и некоторое время молча растирает мои пальцы, запястья рук, успокаивая боль в мышцах. Я наблюдаю за тем, как он положил ленты в тумбочку и достал мягкую черную ткань, которой аккуратно обтер меня между ног. В моей голове все размыто, и я чувствую себя немного в бреду от всего его натиска. Все в этом мужчине такое могущественное и захватывающее, что отдаться этому полностью, кажется самым простым способом. Его губы ловят мои, и мы сладко целуемся в комнате при свечах. Ласково. Я в его руках, наши тела обернуты друг о друга, он продолжает нежно меня целовать: губы, щеки, веки. Эта его нежная сторона не то, чего я могла ожидать от него, и это покоряет мое сердце. Я уже не могу сказать, просто вожделение ли это или нечто большее происходит между нами. Я влюбляюсь.

— Ты должен сказать мне, как тебя зовут, — говорю я мягко. Я просто больше не могу прожить ни одного дня, не произнося его имя. Он переворачивается, прижав меня под себя.

— Я ничего не должен тебе говорить, — его голос низкий и сексуальный.

Глядя в его глаза, я молча умоляю его. Я должна услышать, как он это скажет. Мне нужно знать, кто он. Его темный взгляд пристально сверлит меня, и я могу увидеть борьбу внутри него. Я неуверенно прикасаюсь к его щеке. *Пожалуйста. Скажи. Пусть все это не будет ложью.*

Он делает глубокий вдох, его грудь давит на мою.

— Вэндал, — наконец, он говорит.

Мои глаза закрываются, когда его имя просачивается в каждую мою клеточку, его звук проходит через меня, обладает мной. *Вэндал.* Некоторые люди, действительно, прокляты своими именами, их судьба предрешена, и в тот момент становится ясно, какое место они будут занимать в мире. Кем они станут. Что они будут делать.

— Вау, — восклицаю я. — Это интересное имя. Я никогда не слышала такого прежде.

— Хорошо, — он выдыхает и сжимает меня крепче. — Я хочу, чтобы сегодня ты спала со мной.

Проглотив комок в горле, я киваю в темноте.

Глава 16

Вэндал

Мое сердце замерло в тот момент, когда я сказал ей свое имя в ожидании узнавания, ненависти и последующих обвинений. В ожидании того, что она каким-то образом поймет,

кто я. Я мысленно подготавливал себя к этому. Я даже купил по пути домой упаковку новеньких блестящих лезвий, зная, что сегодня вечером она будет спрашивать о моем имени. Я мог бы анализировать себя вдоль и поперек целую ночь после того, как она обрушит на меня вполне заслуженные словесные кинжалы и бросит здесь истекать кровью и, надеюсь, умирать. Однако этого не произошло. Она осталась здесь, в моих руках, сладкая и мягкая.

Моё сердце бьется в такт с её на моей груди. Может, так и должно быть. Может быть, на этот раз вселенная решила дать мне поблажку. Может быть, власть имущим наконец надоело доебываться до меня.

Она кладет голову мне на грудь и смотрит на меня этими широкими, невинными глазами.

— Какие секреты ты скрываешь? — шепчет она.

Я удерживаю её взгляд и делаю то, что всегда делал лучше всего. Я захватываю ее губы своими и затягиваю ее туда, где желанию было не место одержать победу над разумом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Если я расскажу тебе, ты возненавидишь меня навсегда.

Её дыхание затрудняется, она проводит пальцем по моей щеке и мягко прижимает его к моим губам.

— Тогда никогда мне не говори.

Она засыпает в моих руках, и я позволяю ей остаться здесь. Я не знаю, как ей это удастся, но я хочу нарушить все свои правила ради нее. Это просто, потому что все, чего я хочу — это увидеть её улыбку и сделать её счастливой. Хочу, чтобы она любила меня, так же как Ника.

Нет.

Больше, чем Ника.

Когда я просыпаюсь, она все еще в моей постели, но она свернулась калачиком на своей стороне, отвернувшись от меня. Я не могу оторвать взгляд от её красивой спины, деликатного изгиба позвоночника. Я провожу ладонью по её бледной коже, множество идей переливается у меня в голове, как в калейдоскопе. Она тихо стонет, когда я ласкаю её.

Я знаю, что собираюсь делать сегодня.

Она подозрительно смотрит на меня с улыбкой на лице, потягивая свой кофе за столом.

— Ты выглядишь странно счастливым этим утром, — говорит она. — Я должна беспокоиться?

Я ухмыляюсь ей:

— Может быть, чуть-чуть.

— Оставишь ли ты меня сегодня снова, чтобы «не трахнуть» другую женщину?

— Нет, всезнайка, я собираюсь провести день с тобой.

Очевидное удовольствие появляется на её лице. Я заканчиваю со своим омлетом и отодвигаю тарелку.

— Прошлая ночь была идеальной. Ты была идеальной. Должен сказать, ты многое узнала из своих поисков.

Её щеки краснеют:

— Мне нравится, когда ты меня так называешь. Прошлая ночь... все, что я могу сказать,

просто «вау». — Её пальцы на ободке кофейной чашки, и она поглядывает на меня. — То, что ты заставляешь меня чувствовать... и те вещи, которые ты купил для меня...

— Сегодня у меня для тебя другой сюрприз. Я должен спуститься в подвал на несколько минут, чтобы взять необходимое. Пока я там, я хочу, чтобы ты застелила постель и отнесла все подарки обратно в гостевую комнату. Я уберу их. Не хочу, чтобы ты рылась в шкафу, у меня там еще много вещей для тебя.

— Ладно...

— Пока ты спала, я сделал запись в дневнике. Пожалуйста, прочитай её, пока меня не будет, чтобы быть готовой.

Она хмурится:

— У меня не было времени, чтобы что-то написать.

— Все в порядке. Ты можешь делать это, когда захочешь.

— Мне действительно нравится идея с дневником. Это очень мило.

— Иногда да, а иногда нет.

Внизу я нахожу все, что нужно. Я рад, что храню некоторые дополнительные поставки здесь. И снова я углубляюсь в запретную территорию и как обычно не могу остановиться. Мне нравится делать то, что я не должен делать, особенно с Таби. Главным образом потому, что ей это нравится, и мне нравится, что ей нравится то, что мы не должны делать.

Быть плохим может быть очень, очень хорошо.

Она именно там, где и должна быть, когда я возвращаюсь, сидит за обеденным столом. Я знаю, что она распылила отбеливатель на стол и стулья, как я просил сделать в записи, потому как чувствую запах.

Я открываю окно, чтобы впустить немного воздуха.

— Не хочу, чтобы у тебя заболела голова от резкого запаха отбеливателя, — говорю я, беря Стерлинга. — Я отнесу его в спальню, пока мы будем это делать. Не хочу рисковать, чтобы он прыгнул на мое оборудование или делал подобное дерьмо.

В комнате для гостей, куда я отношу кота, я вижу, что дневник лежит на другом месте, так что я хватаю его, чтобы проверить, написала ли она что-нибудь, и да, она сделала это, прямо под моей записью. Я пробегаю по своим словам, а затем читаю её.

Таби,

Всего за несколько дней ты стала ярким светом в моей очень темной жизни. Прошлой ночью было все, что, как я надеялся, будет. Мне нравится то, как ты мне доверяешь. Не думаю, что когда-нибудь смогу насытиться тобой. Я уже могу видеть изменения, произошедшие в тебе, надеюсь, ты тоже. Ты также изменила и меня. У меня никогда не было какого-то плана насчет тебя и до сих пор нет. Мне нравится, куда мы идем, однако...

Однако есть что-то, что я должен с тобой сделать, и я думаю, тебе это понравится. Надеюсь, что понравится.

Почисти стол и стулья отбеливателем, который находится под раковиной. Встретимся там.

В.

Вэндал,

Я не знаю, что происходит между нами. У меня тоже нет никакого плана, я просто хочу снова чувствовать и не быть такой подавленной и безжизненной. Это ты мне и даешь. Да, это сильно отличается от моих представлений, но я ни о чем не жалею. По

крайней мере, пока.

Отбеливатель — звучит жутко, но я сделаю то, о чем ты просишь. Я не хочу еще одной порки.

Таби.

Усмехнувшись, я закрываю дневник. Её язвительные комментарии всегда заставляют меня смеяться.

Я методично раскладываю оборудование на столе, пока она наблюдает со слегка испуганным выражением на лице.

— Эмм... а что именно мы будем делать? — спрашивает она.

— Я собираюсь набить тебе татуировку.

Ее глаза расширяются, и она смотрит на меня, на пистолет, на чернильницы и снова на меня.

— Что? Ты не можешь просто так делать тату человеку? Я могу получить инфекцию или что-то вроде этого. И ты должен уметь рисовать, не так ли? Ты не можешь просто начать тыкать меня этой... шпуклой. — Она указывает на пистолет и смотрит на меня, будто бы я совсем потерял рассудок.

— Таби, я тату-мастер. Я занимаюсь этим около десяти лет. У моего брата и меня есть собственный тату-салон. Я могу показать тебе сайт и, если хочешь, моё портфолио. Все оборудование совершенно новое, чистое и стерильное. Я знаю, что я делаю.

— Ты серьезно? Ты тату-мастер?

— Да, к тому же чертовски хороший. Люди месяцами ждут, чтобы я набил им их чернила. Ты должна чувствовать себя особенной.

Она до сих пор пристально смотрит на оборудование:

— Не знаю. Безопасно ли делать это здесь?

— Да.

— Это больно?

— Нет, — я лгу.

Её глаза сужаются, глядя на меня.

— Хорошо, немного, — добавляю я. — Это как будто гребаная куча пчелиных укусов. Мне это даже нравится. Я думаю, что это обладает терапевтическим эффектом. Как акупунктура. Мне нравится боль.

— Пчелиные укусы? — повторяет она. — Это звучит болезненно. И ты странный.

— Думаю, ты будешь в порядке. Я буду хорошим и нежным.

— Ты действительно хочешь сделать это со мной?

— Да, но только если этого хочешь ты. Если ты действительно против, я не буду этого делать. Это останется навечно, так что я хочу, чтобы ты согласилась. Она изучает татуировки на моих руках в течение нескольких минут.

— А эти ты делал? — спрашивает она.

— Я сделал некоторые на левой руке. Вот этого дракона. А Лукас сделал правую руку.

Она легко касается моей кожи, отслеживая дизайн.

— Хорошо, а что ты хочешь мне сделать?

— Ангельские крылья на твоей спине. Я смотрел на твою спину этим утром, когда ты спала, и просто подумал, как чертовски великолепно ты будешь выглядеть с крыльями ангела. Твоя кожа настолько бледная и совершенная. Это будет красиво.

Она обдумывает это, пожевывая губу.

— Я вроде как всегда хотела татуировку, но Ник не позволял мне. Её взгляд устоялся в пол.

Я насмехаюсь:

— Позволял? Что за черт? Тебе было нужно его разрешение?

— Ты не можешь судить о том, что делают другие мужчины и какого рода контроль они налагают на своих жен. Он думал, что татуировки только для стриптизерш и шлюх. Он не хотел, чтобы я выглядела дешёвкой.

— Ты думаешь так же?

— Нет, я всегда думала, что искусство на теле — это красиво. Однажды я фотографировала свою подругу, она модель, и у нее было много татуировок. Они выглядели очень сексуально на ней. Хотя они были сделаны со вкусом. Не какие-нибудь глупые вещи, которые ничего не значат.

— У тебя есть дизайн или рисунок, который ты хочешь сделать? Я набью все, что ты хочешь? Ты не обязана делать именно то, что я захотел. Она шлет мне очаровательную злую усмешку и дотрагивается до моей руки, наклоняясь, чтобы поцеловать в губы.

— Я забыла поцеловать тебя этим утром. И спасибо, что оттрахал меня, — говорит она.

— Ты не очень хорошо следуешь этому правилу.

— Знаю.

Я откланяюсь назад на стуле и жду от нее ответа.

— Так что мы будем делать, дорогая?

Она медленно кивает, и её улыбка возвращается.

— Да, думаю, я готова пойти на это. Но только, если ты будешь делать это медленно. Будешь останавливаться, когда я попрошу об этом?

— Конечно. Я дам тебе много перерывов, но как только мы начнем рисунок, его необходимо будет закончить. Даже если мы будем работать над ним каждый день в течение двух недель. Я не позволю тебе ходить с незаконченным рисунком.

— Иу, по рукам.

— Уже решила, что ты хочешь?

— Я хочу тот, который ты выбрал. Он будет многое значить для меня.

Кивнув, я стараюсь не показывать ей своего счастья.

— Как ты думаешь, сможешь сесть на кресло наоборот, повернувшись ко мне спиной. Ты сможешь встать и размяться каждый раз, когда тебе это будет нужно.

— Конечно.

Я подготавливаю остальную часть оборудования, пока она пододвигает кресло ко мне и садится на него.

— Я должна снять рубашку? — спрашивает она.

— Да, и лифчик тоже, если с этим все нормально.

Она оборачивается ко мне.

— Разве это не непрофессионально?

— Безмерно.

Трудно сосредоточиться, когда она сидит топлесс, хотя и спиной ко мне. Я стараюсь успокоиться.

— Я буду татуировать от руки, — говорю я ей, собирая её волосы и опуская их на её плечо. — Держи волосы спереди.

— Не имею понятия, что значит от руки.

Я открываю стерильный пакетик со спиртом и протираю им ее спину.

— Это означает, что я не рисую эскиз, а затем перевожу его на спину, чтобы заполнить.

Я просто сразу рисую прямо здесь.

— Оу. Насколько большая она будет?

Я сижу, сложив руки, смотрю на её чистую кожу и пытаюсь представить, как она будет выглядеть. Она такая маленькая. В моем представлении тату занимает всю спину, только если у не хватит терпения на это.

— Я думал о двух огромных крыльях ангела, которые были бы почти во всю спину. Это выглядело бы невероятным, но займет некоторое время, чтобы сделать, в зависимости от того, сколько ты сможешь выдержать за раз. Или, если ты хочешь, небольшие крылья, я могу сделать так. Это твое тело, тебе и решать.

Она берет свой телефон и начинает возиться с ним, а затем поворачивается и передает мне. Это изображение татуировки подобной той, которую я описал. Искусство не такое хорошее как у меня, но неплохо.

— Как эта? — спрашивает она.

— Да, но детали и тени будут более реалистичнее, а размер тот же.

— Да! Это то, что я хочу. Я буду любить её.

— Ну, давай тогда начнем, старайся держать спину ровно и говори, когда надо будет остановиться.

Оттянув с хлопком свои черные перчатки, я приступаю к работе. Она взывает спустя две секунды после того, как я начал. Я убираю руку.

— Ауч! Это больно. Дерьмо!

Меня душит смех. Я видел девушек, реагирующих подобным образом, по крайней мере, раз сто.

— Ты почувствуешь что-то вроде онемения спустя какое-то время. Хочешь, чтобы я остановился? Там просто маленькая черная линия.

— Нет! — стонет она. — Я сделаю это. Я не струшу!

— Хорошая девочка.

— Просто говори, чтобы отвлечь меня.

Мы непринужденно болтаем, пока я работаю над ней. Она рассказывает мне забавные истории о том времени, когда она была маленькой девочкой, и я делюсь с ней несколькими из моих скучных историй детства. Я хочу рассказать ей о группе и больше о моей музыке, но я боюсь, что это заставит её провести несколько логических цепочек, и она узнает, кто я. Дерьмо. Впервые в жизни, меня тошнит от всей моей лжи.

— Ты отлично справляешься, детка, — говорю я примерно через час и всего после двух коротких перерывов. — Ты хорошо себя чувствуешь? У меня были две чики, которые потеряли сознания. И два парня.

— Ты шутишь? Отстойно для парней. Насколько это неловко?

— Очень.

— Я хорошо себя чувствую. Немного болит.

Я останавливаюсь и несколько минут рассматриваю рисунок.

— Он будет очень болезненным. Будет болеть в течение нескольких дней. Ты не сможешь спать на спине.

— Хорошо... а что насчет других вещей?

— Каких?

— Ты знаешь... с тобой.

Наклонившись, я целую её плечо, стараясь не касаться её спины или задеть волосами её раненую кожу.

— Ты имеешь в виду секс?

— Да, это и другие вещи.

Я встаю и обхожу вокруг стола, встав перед ней на колени.

— Я буду с тобой мягким. Есть множество позиций, в которые я могу тебя поставить.

Она кивает, но больше ничего не говорит, а просто пожевывает свою губу.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Это все, что у нас... просто секс?

Блядь. Я не готов к этому.

Я встаю и иду к холодильнику.

— Ты будешь прохладительный напиток?

Я вытаскиваю соду, и, когда я оборачиваюсь, она стоит прямо за моей спиной.

— Эй, вернись туда, где чисто. Я не хочу, чтобы ты подхватила кошачью шерсть или что-ебать-нибудь такое. Схватив её за локоть, я веду её обратно в столовую.

— Ты уклоняешься от ответа, — обвиняет меня она.

— Таби...

— Вэндал. Все в порядке, если это так. Просто будь честным.

Я смягчаюсь и падаю на свой стул. *Будь честным. Должен ли, если даже не знаю, как это?*

— Нет, не только это, — говорю я наконец, но я понятия не имею, что еще добавить, потому что я честно просто не знаю, что чувствую прямо сейчас, но уверен, что это больше, чем просто секс, и что это пугает меня до усрачки.

Она смотрит на меня своими большими глазами:

— Правда?

— Да.

Она соглашается с этим. Сейчас.

Мы решили сделать левостороннее крыло сегодня, а завтра правую сторону. Я делаю фотографию на свой телефон, она прыгает от нетерпения и когда видит его, обвиняет меня своими руками. Я обрабатываю её спину и помогаю надеть футболку.

— У меня есть идея, — бросаю я, когда стерилизую свое оборудование.

— Скажи.

— Почему бы нам не посмотреть фильм сегодня вечером? Как ты хотела тогда.

Ее возбуждение растет еще больше.

— Мне бы понравилось это! Может, сделаем попкорн? У тебя он есть?

Я притворяюсь раздраженным:

— Блядь, еще и попкорн? Есть ли что-то, чего ты не хочешь?

Позже той ночью я делаю то, что никогда не думал, буду делать. Сидя на диване с чикой, лежащей на мне, ем попкорн и шоколад, смотря глупую комедию. Я не знаю, как я попал сюда или что, блядь, происходит. Иногда это случается.

Под конец фильма она засыпает, и я с легкостью поднимаю её и отношу в спальню. Последние несколько дней и татуировка утомили её, потому что она даже не просыпается,

когда я снимаю с нее спортивные штаны и укрываю одеялом. Может быть, это и есть любовь. Просто заботиться о ком-то и пытаться сделать их счастливыми.

Я заползаю к ней в постель и притягиваю её к себе, стараясь не потревожить спину. Стерлинг запрыгивает на кровать и сворачивается калачиком в ногах. Хотел бы я, чтобы Кэти была здесь. Если бы это было так, она бы полюбила Табиту и была бы без ума от Стерлинга. Но ни один из них не находился бы здесь, если бы Кэти осталась жива.

Ужасные крики разбуди меня от мертвого сна, и я выпрямился, думая, что Кэти снится кошмар. Мои ноги почти оказались на полу, когда я понимаю, что это не Кэти, а Табита. Она мечется рядом со мной в кровати, скуля и плача.

Я осторожно трясую её:

— Таби...

Она отталкивает и пинает меня, продолжая кричать. Я хватаю ее за руки, чтобы избежать очередного удара в лицо.

— Таби, проснись.

Проснувшись с дикими глазами, она смотрит на меня, будто бы не узнавая, и пытается выбраться из моих рук.

— Эй... все хорошо. У тебя был плохой сон.

Ее глаза медленно сосредоточиться на мне, и она немного успокаивается.

— У меня снова был сон об аварии, — говорит она, все её тело дрожит. — Я вижу свет, приближающийся нам на встречу, и я кричу, но не могу заставить их остановиться. Они просто продолжают наступать! Почему он был на нашей полосе? Почему он не отъехал в сторону?

Бля, она помнит. Я не помню ничего из этого.

— Иди сюда, — мягко говорю я, и через несколько мгновений она оказывается в моих объятиях, но не обнимает в ответ. Я крепко оборачиваю руки вокруг её маленького тела и прислоняюсь щекой к её макушке, желая, чтобы мое прикосновение отняло всю боль и страх.

— Я ненавижу его, Вэндал. Это ужасно. Все, что я могу увидеть — это свет, а затем я лежу на дороге... и все болит так сильно, я вся в крови и не знаю, где Ник... плач ребенка, и я не могу остановить это. — Она рыдает на моей груди, не обращая внимания на то, что ее слова просто превратили мои вены в лед.

Ребенок плачет...

Как я мог быть настолько глуп, чтобы думать, что только потому, что я ничего не помню об аварии, то и она не будет? Ребенок плачет, значит, Кэти не умерла сразу же, как я убедил сам себя. Как все позволили мне верить. Она была жива и была совершенно одна в гробаном скрученном беспорядке. *Плач. Где, ебать, я был?*

Я с трудом сглотнул.

— В аварии был ребенок? Где? Я стараюсь сдерживать дрожь в голосе.

— Я не знаю... в другой машине, я думаю, а может, на дороге. Я не видела её. Это было ужасно. Не хочу думать об этом.

Нет. Только не на дороге. Пожалуйста, пусть это не будет правдой.

— Дерьмо. — Я держу Таби, задыхаясь в собственных слезах. Знание, что Кэти было страшно, больно и одиноко в последние минуты её жизни, разрывает мне сердце.

— Я так по нему скучаю, — произносит она мне в грудь.

Мерзкая ревность разжигается внутри меня, извиваясь вокруг моего горя. Зажимая в руке её волосы, я поднимаю её голову, находя её губы в темноте, пока мой язык ищет её. Её руки цепляются за мои плечи, а ногти впиваются в плоть. Сильно опрокинув её, я опускаюсь на неё, зверски целуя, используя ногу, чтобы удержать её.

— Ау! — резко вскрикивает она. — Моя спина.

Я немедленно отстраняюсь от нее, выходя из оцепенения, в котором нахожусь. *Что со мной случилось?*

— Блядь! Мне очень жаль, я забыл о твоей татуировке. Прости меня, — повторяю я, извиняясь за много большее, чем просто причинение боли её спине. Я скажу это еще тысячи раз.

Она поворачивается на свою сторону, подальше от меня, плача в подушку. Ее пальцы, которые всего несколько минут назад были на мне, теперь судорожно сжимают одеяло. Глажу ее волосы в надежде успокоить ее.

— Мне очень жаль, Таби. Я не хотел тебя обидеть.

— Я знаю... пожалуйста... Я хочу побыть одна.

Слова врезаются в меня, словно горящее лезвие. *Она хочет побыть одна, чтобы думать о нем.*

Я неохотно оставляю ее в моей постели наедине со своим горем и кошмаром. Схватив одеяло с дивана, я выхожу на задний двор и усаживаюсь в один из шезлонгов под черным, как смоль, небом, на котором полно звезд, похожих на драгоценные камни, как и яркий полумесяц. Все тихо, за исключением стрекотания сверчков и совы вдаль. Иногда ночь успокаивает меня, и я уверен, что это дерьмо необходимо мне сейчас.

Кэти. Табита слышала, как она плачет, и я хочу знать, где был мой ребенок. Была ли она в машине, как в ловушке? Выброшенной на дорогу? Я хочу заставить Табиту рассказать мне все, что она помнит, где она была и откуда исходил звук плача. Я хочу захватить ее и требовать, чтобы она рассказала мне, что она видела, что еще слышала. Она должна помнить больше.

Однако я не могу делать подобное. Ни один нормальный прохожий никогда не стал бы спрашивать об этом, и она поймет, что это я что-то сделал с ней, или она будет думать, что я какой-то гребаный лунатик, который задает сумасшедшие вопросы.

Если я заиклюсь на этом, то потеряю остатки разума. Я так сильно хочу выпить, что прямо сейчас могу чувствовать ожег алкоголя в горле, лишь думая об этом. Или я могу принять таблетку, позволив ей усыпить меня и заставить эту боль уйти снова.

Не делай этого.

Подумай вместо этого о Табите. Сфокусируйся на ней.

Глубоко дыша, я закрываю глаза, перенаправляя свои мысли. Моя голова готова взорваться из-за этой девушки. Я не имею права ревновать ее к умершему мужу. Возможно, я отвлек ее в течение нескольких дней, но она до сих пор скорбит по нему, ей его не хватает. Сны об аварии не помогают. Я слишком хорошо знаю, как это — чувствовать подобное.

Я привел ее сюда, чтобы заставить забыть, дать ей что-то новое, и теперь я не хочу быть только развлечением, потому что отвлечения носят временный характер. Впервые в моей жизни я хочу быть больше, чем просто заменой. Я хочу быть больше, чем простое развлечение для кого-то или кем-то, кто просто приносит новизну в их жизнь.

Я ненавижу то, что Таби в постели одна, преследуемая своими собственными ужасами и воспоминаниями об аварии. Она плачет по человеку, которого она любила и потеряла, хорошему человеку, заслуживающему её любовь. Человеку, который не является чудовищем из ее кошмаров.

Это я.

Глава 17

Вэндал

Когда я просыпаюсь на следующее утро, она лежит со мной в кровати, прижавшись ко мне под одеялом. Она, должно быть, пришла сюда посреди ночи, когда я уже уснул. Она пришла ко мне.

Я разминаю свои затекшие ноги, и вдруг она открывает глаза.

— Привет, — говорю я, заправляя ей волосы за ухо так, чтобы я мог видеть её лицо, и оборачиваю свою руку вокруг нее. — Что ты здесь делаешь?

Она прижимается к моему плечу:

— Я скучала по тебе.

— Прости, — говорим мы одновременно.

— Тебе не за что извиняться, Табита. Это я был мудаком.

— И я была слишком эмоциональна, как обычно.

— Тебе это позволительно. Ты через многое прошла, и я, вероятно, не помогаю.

Она опирается на руку, чтобы смотреть мне в глаза в то время, пока говорит.

— Это не правда. Знаю, что мы знакомы всего несколько дней, но ты многое пробудил во мне. Дело в том, что... — она прикасается к своему ожерелью, глубоко погруженная в свои мысли. — Я хочу сказать, что это правильный путь, но я не знаю, есть ли вообще какой-нибудь правильный путь.

Я чувствую жжение в груди, когда понимаю, что она собирается уйти и пытается сказать мне: «Прощай».

— Я имею в виду, что это пока что единственный способ привести меня в чувство, хорошо? У нас с Ником были особенные отношения.

Боже, я не хочу слышать о Нике. Я не хочу слышать, как сильно она любила его.

— Он был хорошим парнем, относился ко мне великолепно, всегда был вежлив и в хорошем настроении. Вот, каким он был, его легко было любить. Все, связанное с ним было просто и легко. Не было ни сражений, ни догадок. Я знаю, что никогда не встречу похожего парня и никогда снова так не полюблю, — она пожевывает губы.

Я хочу, чтобы она перестала говорить до того, как наступит плохая часть. Я не хочу быть с ней просто гребаными друзьями.

— Не думаю, что смогла бы еще раз вступить с кем-то в такие же отношения, не сравнивая их с теми, что были у нас с мужем, и, не скучая по нему. Было бы несправедливо заставить кого-то проходить через это.

Она смотрит на меня и слегка покачивает головой.

— Но ты... ты другой. Ты такой угрюмый и таинственный, и есть в тебе что-то, что заставляет меня желать тебя. Ты выводишь меня из себя. Ты непредсказуем и немного пугаешь, но помимо этого ты заботишься обо мне, и я чувствую себя в безопасности. Тот вид отношений, который ты хочешь, темен, глубок и чувственен. Все это так запутано. Это не

комфортно и легко. Это то, в чем я нуждаюсь. Что-то совершенно другое, отличное от того, что я имела раньше. Вот этого я хочу.

Она делает паузу и играет с локоном моих волос, вертя его между пальцев.

— Я не знаю, куда это нас приведет и закончится ли, понимаю, что нам слишком рано думать об этом сейчас, но если это все-таки произойдет, я вижу тебя рядом со мной, — говорит она, глядя на меня из-под челки.

— Дерьмо, я думал, ты хотела уйти от меня.

Выдыхая, я беру её за руку и переплетаю наши пальцы вместе.

— Я тоже могу это видеть. С тобой. Возможно, когда-нибудь.

Застенчивая, но счастливая улыбка появляется на её губах:

— Это странно, что мы знаем друг друга лишь несколько дней? Для тебя этого достаточно? Скажи, что да, иначе я с ума сойду.

— Да. Мне кажется, что мы знакомы гораздо дольше, — согласился я, напоминая себе, что преследовал её в течение нескольких недель до того, как встретился с ней, на самом деле. Она ложится на меня сверху, широко расставив ноги. Кладет руки на мое лицо, медленно наклоняется ко мне и целует в губы.

— Я хочу тебя, — шепчет она.

— Тогда возьми меня.

Она отодвигает свои трусики и освобождает из штанов мой член, уже твердый от одних только её слов. Она обвивает руку вокруг него и медленно скользит вверх и вниз перед тем, как опуститься на меня своей сладкой и тугой киской. Глотая воздух, я хватаю её за бедра, стараясь не причинить боли её спине. Она тихо постанывает, когда я вхожу в нее, её руки расположены на моей груди для равновесия.

Я никогда не позволял чикам меня объезжать. Я всегда должен был держать все под контролем. Но, видя, как она двигается на мне с закрытыми глазами, как раздвинуты её пухлые губы, а голова закинута назад, я не могу думать ни о чем другом, что я хотел бы делать.

Откинувшись, я позволил Таби все контролировать и сделать всю работу, давая ей свободу наслаждаться в своем собственном темпе, даже несмотря на желание схватить ее за бедра и начать жестко натягивать на свой член. Есть что-то поразительное в том, чтобы видеть, как застенчивая женщина выходит из своей скорлупы, обретает уверенность и использует свою сексуальность. Не буду врать: я встречал немного застенчивых женщин, но та, что сейчас здесь, завораживает меня.

— Уфф! Не думаю, что смогу снова через это пройти. У меня до сих пор все болит, — скулит она, пока я настраиваю тату-машинку на столе.

— Мы можем подождать день или два, если ты хочешь. Я не собираюсь заставлять тебя, — я осторожно поднимаю её рубашку, чтобы проверить свою вчерашнюю работу, это выглядит на ней горячо как ад. Пернатые крылья — одна из моих лучших работ.

— Это великолепно, — говорю я ей. — Однажды это заживет, но будет больно, — я медленно провожу пальцем по её спине и наклоняю голову, чтобы прошептать ей на ухо: — Тогда я смогу нагнуть тебя, буду трахать и смотреть на эти крылья на твоей спине, когда ты кончаешь.

Она поворачивает голову ко мне.

— Ах, так вот почему ты хотел сделать крылья на моей спине? — она дразнит меня,

когда я стягиваю свою рубашку через голову.

— Может быть, — отвечаю я, ухмыляясь.

— Я думала, причина в том, что ты хочешь освободить меня.

— И это тоже. Так что, будем делать сегодня или подождем до завтра?

Она падает на кресло и отворачивается от меня:

— Нет, давай закончим. Я буду страдать.

Я хватаю Стерлинга и запираю его в спальне с кучей кошачьих игрушек, а затем подключаю свой MP3 плеер к док-станции, чтобы мы могли послушать музыку, пока я работаю над ней.

Натянув свои черные латексные перчатки, я изучаю вчерашнее тату. Есть еще несколько областей, к которым я собираюсь вернуться позже и проработать тени. Я люблю в своем искусстве придерживаться реалистичности.

— Черт! Я забыла, как это больно! — вскрикивает она, когда я начинаю работать. — Мне кажется, ты должен дать мне кожаный ремень, чтобы я зажала его в зубах.

Мой член напрягается в джинсах от этой картинки:

— Думаю, я могу это организовать, дорогая. Но не для этого.

— Я не собираюсь думать об этом сейчас. Так твой брат татуировщик?

— Да.

— И он играет на скрипке.

— Ага.

— Вау. Так много талантов в одной семье.

Я смеюсь:

— Если бы только знала. — Я вытираю её белой тканью. — У тебя есть братья или сестры?

— У меня есть старшая сестра.

— Какая она? Вы близки?

— Она моя полная противоположность. Высокая и великолепная, она всегда совершенна. Она вышла замуж за одного из этих мега-богатых парней, живет в особняке и ездит на Porsche. У них есть близнецы, мальчик и девочка, которые так же совершенны. Я не вижу с ней часто; она слишком занята, будучи светским человеком, чтобы возиться с ее маленькой неуклюжей сестрой.

— Ты тоже хочешь жить в особняке? — спросил я, заранее зная ответ. Это просто не в её стиле.

Она трясет головой:

— Боже, нет. Клянусь, я один раз заблудилась в её доме. Я осталась там однажды и даже не смогла найти дорогу из своей комнаты на кухню. Вот это дом моей мечты.

— Вот этот? Мой?

— Да, мне нравится здесь. Тут так спокойно и уютно. Держу пари, здесь так же восхитительно и зимой, и осенью. Мне бы нравилось здесь фотографировать, я бы сошла с ума от количества идей.

— Если тебе тут так нравится, ты можешь остаться. Можешь жить здесь, если хочешь.

Да, я тороплю события, но мне плевать. Я хочу, чтобы она жила в месте, которое любит и которое её вдохновляет. Я ей многим обязан.

— Что? Ты сумасшедший?! Ты не можешь просто позволить кому-нибудь жить в твоём доме.

— Не кому-то... только тебе.

— Почему? Ты меня едва знаешь. Я имею в виду на несколько недель еще нормально, но так... на неограниченное время.

Я аккуратно надавливаю на её спину.

— Наклонись немного вперед, детка, и не крутись, — говорю я, начиная прорисовывать нижние перья на её спине.

— Не думаю, что когда-нибудь вообще знал кого-то, Таби. — Я вытираю кровь и возобновляю работу. — Я знаю до хрена людей, которые знают друг друга годами, а потом кто-то из них оказывается мудаком или сукой, и они такие: «Что, ебать, только что произошло?». Так что, я не так уж доверяю давним знакомым. Для меня имеет значение мое внутреннее чутье о людях, я живу настоящим моментом и предпочитаю иметь дело с их дерьмом позже.

— Это очень романтично, Вэндал, очень в твоём стиле.

— Ты думаешь? Однако я серьезен. Ты можешь остаться здесь, насколько хочешь, я не возражаю. Даже после того, как я вернусь домой через несколько недель. Если хочешь, то можешь пожить тут, расслабиться, пофотографировать и просто подумать о жизни, все в порядке.

Она на некоторое время замолчала, и я рад, что она не может уйти.

— Не думаю, что он так нравился бы мне без тебя, — говорит она, и её голос наполнен грустью.

Я снова вытираю чернила и кровь с её спины, прежде чем ответить ей.

— Я мог бы приезжать на выходные. Это не так далеко. Может, не каждые, смотря над чем я буду работать. Подумай об этом.

То, чего я действительно хочу, так это забрать её с собой домой, но понятия не имею, как буду держать её в неведении относительно аварии, группы и каждой другой гребаной вещи, о которой я пока не готов ей рассказать. Если бы она осталась здесь, и я просто приезжал бы на выходные, то смог бы изолировать её от остальной части своей жизни и не втягивать в это дерьмо.

Именно так, только если она захочет меня видеть после времени, проведенного здесь. Я не смогу остановить себя только при условии, что это может продолжиться. Я никогда раньше не думал о женщине в долгосрочной перспективе. Все они были лишь на время. Но с Табитой... Чем больше времени я провожу с ней, тем больше не хочу, чтобы это заканчивалось.

— У тебя есть работа? — спрашиваю я, хотя знаю ответ.

Она раздраженно выдыхает.

— Я оставила свою работу после того, как Ник скончался. Я просто не могла больше с ней справляться. Большинство дней я не могла встать с постели, а когда приходила, то не могла взаимодействовать с людьми. Я была в полном раздрае. Я проводила почти целый день в ванной, плача. Они уволили бы меня, в конце концов. У меня был долгий разговор с моим боссом, и она согласилась сказать компании уволить меня так, чтобы я могла оформить пособие по безработице на несколько месяцев, и попытаться выбраться из своей депрессии.

— Это отстойно. Сожалею об этом. Кем ты работала?

— Просто работник на ресепшене. Ничего захватывающего.

Я нахмурился:

— Не говори так. У тебя была работа, и я уверен, ты была великолепна в этом. У тебя очень приятный голос и охренительная улыбка. Это то, что люди хотят видеть и слышать.

— Спасибо, но это не то, чему я хотела бы посвятить свою жизнь.

Я стягиваю перчатки и кладу руки на её обнаженные плечи:

— Давай сделаем перерыв. Повернись.

Поворачиваясь ко мне, она вытягивает руки над головой и разминает шею, её груди превосходно приподнимаются. Импульсивно я наклоняюсь вперед и целую ложбинку между ними.

— Ты выглядишь чертовски сексуально, сидя таким образом. Я забыл, что хотел сказать.

Она застенчиво улыбается:

— Совсем памяти лишился?

— Да нет. Хотел спросить, чем ты хотела бы заниматься, кем работать?

— Хмм... Моя страсть — это фотография, — даже когда она просто говорит об этом, улыбка появляется на её лице, а глаза начинают светиться. — Наверное, в совершенном мире я хотела бы фотографировать, проводить тематические фотосессии, продавать свои работы, может, издать фото-книгу. Мне очень нравятся художественные фотосессии.

— Тогда это ты и должна делать.

— Я хочу, но необходимо время, чтобы добраться до того момента, когда ты начнешь получать за это какие-либо деньги. Даже если так! Ник и я говорили об этом, и думаю, что должна согласиться с его мнением: это отличное хобби, но не то, на чем можно зарабатывать.

Я действительно хочу сказать, что Ник — засранец, разрушающий мечты, но сдерживаюсь, чтобы не расстраивать её. Может, он просто пытался быть реалистом.

Я расставляю на столе еще больше баночек с чернилами.

— Думаю, мы все должны следовать нашей мечте, если можем. Я был начинающим художником в течение долгого времени, играя на гитаре, чтобы заработать денег и делать тату. И в один прекрасный день моя жизнь изменилась.

Она наклоняет голову, и её светлые волосы падают на грудь:

— Что произошло?

— Я получил письмо от женщины, которая утверждала, что она — моя бабушка. Я понятия не имел, кто она. Мой отец сбежал, когда мне было четыре, а мать была наркоманкой. В пять меня усыновила другая пара, но они не были хорошими родителями. У меня никого не было. Потом я получаю письмо от женщины, претендующей на роль матери моего отца, которая хочет встретиться со мной. Она утверждала, что понятия не имела о моем существовании за несколько недель до того, как написала это письмо.

— Вау... и что ты сделал? Когда это было?

Я убираю волосы с лица и начинаю разливать чернила по баночкам.

— Я проигнорировал его. Это было шесть лет назад. Я послал её. Где, блядь, она была, когда мой приемный отец выбивал из меня все дерьмо? Но спустя два месяца крошечная старушка появилась у моей двери. У меня было похмелье и какая-то незнакомая чика в постели, так что я сказал ей уйти.

Воспоминания еще живы в моей памяти, что заставляет смеяться над тем, что бабушка сделала дальше.

— Я попытался закрыть дверь, но она остановила её ногой и ворвалась в мою квартиру.

Она вытащила девчонку из моей кровати, заставила меня принять душ и выбросить весь мусор.

— Святые угодники!

— Без шуток. Я был зол, как ад. Но что я мог сделать со старушкой, в которой где-то всего пять футов росту, а лет под девяносто.

Она хихикает, прикрыв рот рукой:

— О, мой Бог. Что ты сделал?

— Я сидел в недоумении. И она рассказала, что она моя бабушка, мать моего отца, но она никогда не слышала обо мне до последнего времени. По-видимому, мой отец был известным музыкантом, когда был моложе, ну и мудаком к тому же. Я предполагаю, что он трахал женщин направо и налево, а когда они залетали, сбегал. То же случилось и с моим братом Лукасом. Никто о нем не знал. Бабушка узнала о нас в одно время и наняла частного детектива, чтобы найти обоих. Думаю, она не разговаривала с ним долгие годы, пока дерьмо не вылезло наружу.

— Ничего себе!

— В общем, она сказала, что мой дед умер недавно и до неприличия богат, и она хочет убедиться в том, чтобы все её внуки получили свое наследство. Включая, то, что её сын выбросил на ветер.

Её глаза расширяются, а челюсть отвисает:

— Что? Серьезно?

— Чистая правда, детка. У меня вдруг появилось пять миллионов долларов, брат, бабушка, куча кузенов и дядя с тетей. И дикость заключается в том, что все они хотели, чтобы я стал частью их семьи. Я даже денег не хотел. Я сказал нет. Но бабушка продолжала настаивать и вновь, и вновь приходила ко мне, пока в один день не затащила меня в кабинет своего адвоката, а затем и к себе домой. Это было какое-то сумасшедшее дерьмо, которое изменило всю мою жизнь. Я и Лукас начали общаться и узнали, что мы оба обалденные тату художники. Мы скинулись и открыли вместе салон. Потом я попал в группу и купил эти два дома бла, бла, бла. Конец истории, я думаю.

Дерьмо. Я не должен был упоминать группу. Слишком поздно. Надеюсь, она не будет об этом спрашивать, а если так, то я облажался.

Она сидит с широко открытыми глазами, рот приоткрылся, и просто смотрит на меня в страхе:

— Вэндал. Вау. Это все так... невероятно.

— Да. Это так. Для меня это было так же невероятно. Хотя, бабуля изумительна. Она делает лучшее гребаное печенье, оно может излечить любую душевную рану.

— Это звучит удивительно. Может быть, мы встретимся когда-нибудь? — спрашивает она осторожно, и я понимаю, что она просит о большем, чем просто о встрече с бабушкой. Она хочет узнать, буду ли я держать её рядом с собой и нравится ли мне она настолько, чтобы я познакомил её со своей семьей. Я никогда не делал этого раньше. Никогда не знакомил чик с друзьями или семьей. Да, иногда они приходили на концерты, чтобы послушать меня, или навевались ко мне домой, но я не хотел, чтобы они встречались с моей семьей. Ни одна из них не интересовала меня. Меня пугает то, что я вижу Табиту, разговаривающую с бабулей, они пьют чай на кухне и едят печенье, как я видел, Эви делала.

Хочу ли я быть как Шторм? Иметь постоянную девушку, являющуюся частью моей семьи? Держашую меня за руку и улыбающуюся мне?

Нет.

Я хочу темную версию этого. Хочу, чтобы это было так, как я фантазировал много лет. Жить с сабой, которая отдает мне всю себя, когда я того хочу или нуждаюсь в ней. Я хочу, чтобы она желала только меня, нуждалась только во мне и была связана со мной навсегда. Хочу, чтобы она доверяла мне без вопросов и сомнений и принимала меня несмотря ни на что. Хочу, чтобы она была открыта для всех темных вещей, которые я хотел бы проделывать с ней, и она хотела бы их так же сильно, как и я. Хочу, чтобы она была на коленях, склонившись, умоляющая, связанная и оттраханная мной, но по-прежнему желающего большего. И после всего этого, да... Я хочу, чтобы она обожала меня, была рядом со мной и, да, возможно, любила. Не хочу снова чувствовать себя одиноким и покинутым. А если она сможет дать мне это все? Я бы с чертовым удовольствием позволил ей сидеть и есть печенье с бабушкой столько, сколько она захочет.

— Мы можем продолжить? — спрашивает она тихим голосом. — Не могу дождаться, чтобы увидеть её.

Она поворачивается ко мне спиной, чтобы я мог продолжить работать. Она никогда не получит ответа на свой вопрос, но я решил оставить все, как есть. Блядь. Ненавижу это черное облако из горя, лжи и обмана, повисшее между нами, которое уже готово взорваться.

Мы как бомба замедленного действия. И даже бабушкино печенье не сможет это исправить.

Глава 18

Табита

Две недели. Четырнадцать дней. Сколько бы я не думала, не могу понять, как за такой короткий промежуток времени моя жизнь так сильно изменилась. Я настолько поглощена Вэндалом, что едва осознаю, что он не часть меня. Он как наркотик, которым невозможно насытиться. Чуть-чуть никогда не хватает. Мне всегда нужно больше.

Все, о чем я могу думать, пока он не прикасается ко мне, это о том, когда же он снова дотронется до меня. Заставлять его улыбаться каждый день — моя новая цель. Раньше я хотела заснуть навечно, теперь же только если нахожусь в его руках.

Как сейчас. Я недавно проснулась, моя спина прижата к его груди, наши руки переплетены, а голые тела будто бы единое целое.

Я немного поворачиваюсь, и он вместе со мной, его уже твердый член прижимается к моей попке. Он высвобождает руку, скользит ей вниз по моему животу, бедру и затем кладет мою ногу на себя. Поднимает голову с подушки и зарывается лицом в мою шею, его губы теплые и влажные, когда он медленно входит в меня сзади. Мое тело инстинктивно выгибается навстречу ему, открываясь. Он притягивает мою ногу ближе к себе, и я немного откидываюсь назад, повернув попку так, чтобы еще лучше встречать его толчки. Наши тела двигаются в унисон, сливаясь воедино. Я никогда не чувствовала с кем-то подобной эмоциональной близости. — Обожаю трахать тебя, когда ты только проснулась, — стонет он мне в ухо. — Ты такая мягкая и теплая.

— Ммм... — бормочу я, поворачивая голову, чтобы встретить его губы.

— Хочешь, чтобы я будил тебя так каждое утро, не так ли? — его рука зарывается между моих бедер, а пальцы идеально ласкают клитор.

— Да, — выдыхаю я, мое тело прижимается ближе к нему.

— Попроси меня, и, возможно, я выполню твою просьбу.

— Пожалуйста...

Он покусывают мою шею, входя в мою киску еще глубже, срывая стон с моих губ.

— Пожалуйста, что? — требует он. — Не заставляй меня вытягивать из тебя слова, Таби. Проси то, чего хочешь, или не получишь этого.

Его глубокий, с командующими нотками, голос заводит меня так, как не заведет ни один вибратор, включенный на полную мощность. Я свожу бедра вместе, сжимая его руку, и обхватываю его шею, задев несколько прядей волос.

— Пожалуйста, всегда трахай меня с утра, — говорю я, учащенно дыша, все мое тело дрожит.

Одним быстрым движением он переворачивает меня на живот и приподнимает мои бедра, вводя член обратно.

— Всегда — это очень расплывчатое понятие, детка. Ты должна умолять лучше.

— Пожалуйста, заполняй своим членом мою киску каждое утро.

— Как долго? — он так сильно вбивается в меня, что я клянусь, он достает членом до шейки матки. Моя киска сжимается вокруг него, и оргазм проходит через все тело. Мои руки сжимают простыни из египетского хлопка.

— Всегда, — я задыхаюсь, когда мое тело содрогается, и его горячая струя рывками выплескивается глубоко внутри меня. Его руки скользят вверх по бедрам и нежно ласкают мою спину.

— Твои крылья так красивы, — мягко произносит он, все еще тяжело дыша. — Я люблю смотреть на твою спину, когда насаживаю на мой член. Ты не имеешь ни малейшего представления о том, как прекрасно выглядишь в этот момент, — он вынимает член и игриво шлепает меня по попке. — Иди, приготовь нам завтрак, я скоро приду.

У нас установился определенный распорядок. В конце первой недели, проведенной вместе, он дал мне электронную книгу после того, как узнал, что я люблю читать. Вместе с привычными для меня любовными романами, я купила книги на тему подчинения и легкого БДСМ. Оттого что я узнаю и изучаю вместе с ним, все большая часть меня пробуждается, и я чувствую, что нахожусь именно там, где должна быть. Подчинение ему кажется естественным для меня. Мне нравится прислуживать ему, делать все, что он просит, и давать ему то, в чем он нуждается. И это не потому, что я слабая женщина, полностью зависящая от мужчины, я никогда не была такой. Это совсем другое. У меня есть потребность и желание отдаться ему и доверить свое тело, сердце и душу. Даже когда он включает режим подонка, я чувствую себя обожаемой и любимой. Хотя не понимаю, что заставляет его вести себя подобным образом, я готова стать для него отдушиной. Я никогда не узнала бы, что со мной будет, если бы не согласилась на его предложение. Это изменило меня навсегда.

Где-то глубоко внутри него есть человек, который хочет быть любимым, однако он сильно пострадал. Думаю, долгое время никто не понимал и не принимал его таким, какой он есть на самом деле. Он предпочитает отношения такого рода, чтобы держать все под контролем, тем самым оберегая себя. Я знаю, что он тоскует по своей дочери, даже если не говорит о ней. Если мое присутствие здесь дает ему то, чего он хочет, и удовлетворяет его потребности, я не возражаю. Он выполнил свое обещание: заставил меня двигаться дальше прочь от моей депрессии.

В то время как он проверяет свою электронную почту, я готовлю для нас блинчики и яйца и жду его за столом. Когда он приходит и занимает свое место, я наклоняюсь и целую

его.

— Спасибо, что поназабывал мне голов сегодня ночью, — говорю я, но в первый раз за все время он не смеется над нашей маленькой шуткой. Его лицо напряжено, на нем нет и тени улыбки. Мы едим в тишине, закончив, он отталкивает назад стул и встает.

— Я собираюсь уехать на некоторое время. Я оставил для тебя запись в дневнике.

Оставил запись?

— Хорошо, что-то случилось?

Он качает головой, но в его глазах темнота и беспокойство.

— Нет. Увидимся позже.

В замешательстве я смотрю, как он обувается, берет ключи и выходит, тяжело хлопнув дверью. Через несколько минут его мотоцикл заводится, и он уезжает. Все дальше от меня.

После того, как убираюсь на кухне и кормлю Стерлинга, я иду в гостевую комнату и открываю дневник. На кровати также лежит коробка, но я пока не собираюсь открывать её.

Табита,

Ты знаешь, что делать с тем, что в коробке. Я буду дома к пяти. Я поем, так что можешь не готовить ужин. Подведи немного глаза черным карандашом и подкрась губы темной помадой для меня.

В.

Хмм... Его записка звучит не так, как обычно, не так сексуально и загадочно.

Я открываю коробку и достаю очень короткое, облегающее черное платье с глубоким вырезом, открытой спиной и такого же цвета шпильки на четырехдюймовом каблуке. Будет чудом, если я не сверну на них шею. Я оставляю все в комнате для гостей и стараюсь занять себя чем-нибудь на целый день.

Звоню своей лучшей подруге Ларе, с которой не говорила в течение недели. Если я не буду периодически ей звонить, она забеспокоится и начнет атаковать мой телефон.

— Давно пора. Где ты пропадала? — спрашивает она, когда слышит мой голос.

— Я все еще в горах. У меня все хорошо.

— Ты все еще остаешься с тем незнакомцем? Девочка, что, черт возьми, происходит? Пожалуйста, скажи, что ты не в колодце и не втираешь в себя лосьон. *(Речь идет о фильме «Молчание Ягнят», где Буффало Билл держал похищенную дочь сенатора в колодце и заставлял втирать себе в кожу лосьон, чтобы потом он мог ее снять)*

Я смеюсь, скучая по ней и нашим безумным шуткам.

— Я, в самом деле, в порядке. Честно, я чувствую себя намного лучше, чем некоторое время назад.

— Ты, безусловно, звучишь лучше. Я не могу вспомнить последний раз, когда слышала твой смех. Приятно слышать его снова.

— Спасибо, я скучаю по тебе.

— Я должна быть с тобой. Хочешь, чтобы я приехала к тебе? Я бы посмотрела на парня, который практически похитил мою подругу.

Я тяжело вздыхаю. Не знаю, как Вэндал отреагирует на визит Лары. Его родной брат просится приехать, а он ему не позволяет, так что думаю, привести чужого человека в его дом не будет хорошей идеей.

— Он похож на отшельника, Лара. Я не уверена, что это хорошая идея. Но я скоро навещу тебя. Сходим пообедать вместе.

— Ты точно уверена, что все хорошо? Мне этот парень кажется немного жутким.

— Клянусь тебе, я в порядке. Он очень хороший, просто одиночка. Он прошел через много дерьма, как и я. На другом конце телефона долгое молчание. — Он очень добр ко мне, и совсем не такой как Ник, это как раз то, что мне нужно.

— Так вы встречаетесь или вы просто друзья с привилегиями?

Я не могу объяснить Ларе все детали, так как она вряд ли поймет. Мне необходимо несколько часов, чтобы заставить её выслушать и объяснить все, как следует, на это у меня сейчас не хватит терпения.

— Думаю, второе. Может быть, что-то большее, но для этого еще слишком рано. Я просто пытаюсь найти себя. Себя без Ника. Это нелегко, Лара. Я скучаю по нему, как сумасшедшая, но мне нужно двигаться дальше, как это говорил мне каждый. Я знаю лишь, что чувствую себя лучше и немного счастливее. Это все, о чем я хочу думать.

— Хорошо, дорогая, я понимаю. Просто беспокоюсь о тебе. Ты сейчас очень ранимая, и я не хочу, чтобы ты пострадала. Он хотя бы горячий? Можешь описать его, ну или фотку прислать? — шутит она.

— Лара, он горяч как ад. Умереть можно. Он выше шести футов и идеально сложен. Все его тело — сплошные мускулы. А какой у него пресс... Даже волосы у него великолепные: длинные и иссиня-черные, как у коренного индейца. И у него тонна татуировок. На самом деле, не помню, чтобы я говорила тебе в прошлый раз, что он татуировщик.

— Иди ты! Серьезно? Я люблю татуированных парней.

— Ты еще не видела, какую татуировку он мне сделал! Он нарисовал мне ангельские крылья на спине.

— Что? Тебе? Я не верю!

— Это было чертовски больно, но, когда зажило, я поняла, что рисунок по-настоящему красив. Детали прорисованы невероятно. Я попрошу его сделать фотографию и отправлю тебе. О, а еще он играет на гитаре! Или, возможно, это бас-гитара? Точно не помню, но он очень талантливый. Он просто конфетка во всех смыслах. И к тому же романтик.

— Вот черт! А брат у него есть?

Я смеюсь и почесываю Стерлинга, только что запрыгнувшего ко мне на колени.

— Да, но я с ним еще не встречалась. Хотя думаю, у него уже есть девушка. Что там со Стивом? Вы все еще встречаетесь?

— Уфф. Да, наверное. Однако он действует мне на нервы.

Я закатываю глаза. После трех месяцев отношений каждый новый воздыхатель начинает ее раздражать.

— Я не собираюсь ничего говорить... — дразню я.

— Отлично! Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, Таб. Мне очень жаль, если я, вероятно, не была хорошим другом и не помогла тебе справиться с тем, что произошло. Я правда не знала, что делать. Меня мучает чувство, что я подвела тебя.

— Нет, Лара. Пожалуйста, не думай так. Я люблю тебя, и ты лучшая. Никто не смог бы мне помочь. Поверь мне. Я не хотела никого видеть рядом со мной, ты знаешь это. Мне нужно было пройти через это самостоятельно. И мне становится лучше, клянусь. Пребывание здесь идет на пользу, как бы странно это не звучало. Я живу в прекрасном доме, в горах, рядом с озером, вместе с очень горячим парнем и слепым котенком, который сейчас сидит на моих коленях.

— Слепой котенок? — повторяет она. — Правда?

— Да, у него есть маленький слепой котенок, который, ну, просто комочек счастья и

любви. Каждый день, когда я читаю лежа, он сворачивается рядом со мной. Хотела бы забрать его к себе домой, когда придется возвращаться.

— Кстати об этом, когда ты собираешься вернуться?

Я вздыхаю и откидываюсь обратно на диван.

— Не знаю, он упоминал, что собирается вернуться в свой другой дом и пару недель поработать в салоне. Для него это что-то вроде отпуска. Думаю, тогда и уеду, а затем, попробую выяснить, что же делать со своей жизнью.

— А что будет дальше? Вы продолжите видеться или нет?

Мое сердце начинает биться в два раза быстрее, когда я думаю об этом. Я бы не хотела заканчивать наши отношения.

— Не совсем уверена. Я собираюсь преодолеть этот мост только тогда, когда подойду к нему. Надеюсь, что мы с ним еще встретимся, но я не знаю.

— Желаю тебе разобраться в этом. Мой перерыв закончился. Я должна идти работать. Позвони мне через несколько дней и пришли фотографии.

— Хорошо. Люблю тебя.

— И я тебя.

Уставившись на себя в зеркало, я удивляюсь, где же шест, который должен идти вместе с этим платьем в комплекте. Оно настолько короткое, что еле прикрывает мои женские прелести, и определенно это самое обтягивающее платье, которое когда-либо у меня было. О, и, конечно, трусики не прилагаются. Туфли тоже, как у шлюшки. Может, это будет ролевая игра, где я буду стриптизершей или проституткой? Макияж в темных тонах придал моему взгляду немного откровенности и раскрепощённости, видимо, в этом Вэндал и нуждается сегодня вечером.

Я, пошатываясь, иду в столовую без пятнадцати пять и жду. Не помню точно, во сколько он обычно возвращается, но в пять часов его мотоцикл подъезжает. Он входит через дверь, одетый в потрёпанную кожаную куртку, волосы собраны в хвост, а на глазах темные очки. Мое тело сразу же реагирует на то, как сексуально он на меня смотрит — сердцебиение ускоряется, между ног становится влажно. Он моет руки на кухне прежде, чем подойти ко мне.

— Встань! — говорит он резко, его лицо все еще напряжено.

Вставая, я стараюсь не упасть.

— Эти туфли безумны, я никогда не ношу таких каблучков.

Он прижимает палец к моим губам.

— Я скажу тебе, когда нужно будет говорить, — рычит он.

Ой-ей. Он все еще в плохом настроении, и я не могу понять почему. Что я такого сделала? Должна ли я использовать стоп-слово и закончить все это? Нет, это будет не лучшим решением. Он не сделал ничего, чтобы навредить мне или напугать. Он просто не в настроении. Я не могу использовать стоп-слово каждый раз, когда начинаю немного волноваться.

Он выдвигает стул из-за стола, разворачивает его в сторону спальни и садится, раздвинув ноги и откинувшись на спинку.

— Встань на четвереньки и медленно ползи в спальню. Там конверт в тумбочке. Принеси мне его таким же образом в зубах.

Ползти? В платье? Я смотрю на него несколько мгновений, пытаюсь понять, что происходит. Он не принимает душ, как делает обычно перед сценой со мной. *Он ужинал без меня? С кем? Может быть, он виделся с девушкой, с которой прежде спал?*

Мне становится плохо от этой мысли. Его глаза встречаются с моими, они темные, и по ним нельзя ничего прочесть. Обычно я могу понять его взгляд, но в этот раз нет.

Он нарушает тишину.

— Ты чего-то ждешь? Предпочитаешь, чтобы я надел на тебя ошейник и сам повел туда на поводке?

На поводке?

— Нет, — отвечаю я дрожащим голосом. Я не боюсь его, но очень опасаясь того, о чем он думает. Я на девяносто девять процентов уверена, что он не причинит мне боли, но даже этот один маленький процент заставляет волосы у меня на голове встать дыбом. Я встаю на четвереньки и медленно ползу по паркету в коридоре. Короткое платье почти сразу же задралось, обнажая половину голого зада и мою киску.

Когда я достигаю спальни, то встаю на колени перед тумбочкой, достаю конверт из ящика и с ним во рту ползу обратно к мужчине, вставая между его раздвинутыми ногами. Сидя как собака, я жду, когда он заберет конверт из моего рта. Наконец он делает это и вынимает сложенный листок бумаги.

Он протягивает его мне и говорит:

— Прочти мне вслух.

Страх сковывает меня, когда я беру листок и вижу знакомую картинку на нем. Эта картинка с моей странички в социальной сети. Я растерянно уставилась на него, а затем подняла взгляд обратно на Вэндала.

— Просто прочти первый комментарий и ответы на него, — приказывает он.

Я сглатываю и начинаю читать.

— Джейсон прокомментировал вчера: «Эй, Табита, что случилось? Я много думал о тебе и скучаю».

— Затем я ответила: «Привет, Джейсон. Все в порядке, тоже скучаю по тебе».

— Он написал: «Мы обязаны пообедать вместе и наверстать упущенное. Когда ты вернешься в город?»

И я снова ответила: «Звучит здорово. Я в гостях у друга в данный момент, но очень хотела бы с тобой пообедать, вернусь недели через две. Позвоню, как только буду в городе».

— Он написал: «Круто, девочка. Увидимся».

— Я ответила: «Не могу дождаться».

Вэндал выхватывает бумагу из моих рук, глядя на меня холодным и грозным взглядом. *Святое дерьмо, он ревнует?*

— Кто такой Джейсон?! — требует он.

— Старый друг. Я знаю его еще со старшей школы.

Он медленно кивает.

— Ясно. Значит, ты гостишь у друга? Вы с ним такие же друзья, как мы?

— Нет, — говорю я без особого обвинения в голосе. Я не знаю правильный ответ. — Я не знаю.

Он поднимает бровь.

— В самом деле? Ты трахаешься со своими друзьями? Они привязывают тебя к кровати и облизывают каждый дюйм твоей сладкой киски?

— Нет.

— Ты отсасываешь у друзей?

— Конечно, нет, — тепло приливается к моим щекам.

— Окей. Я рад, что мы это уточнили. А теперь, Табита, скажи мне, ты спала с Джейсоном?

Я стискиваю челюсть, а в груди что-то сжимается.

— Это грубо...

— Относиться ко мне как к другу, вот это грубо, Табита. Я дарю тебе дорогие подарки, я заполнил собой все отверстия в твоём теле, ты проглотила галлон моей спермы, спишь в моих руках, в моей постели каждую ночь. Я пригласил тебя пожить в моём доме на неопределённый срок, заплатил за все расходы, и ты думаешь обо мне только как о друге? Как, блядь, я должен чувствовать себя по этому поводу?

Мое тело дрожит. Я никогда прежде не видела его в ярости, но сейчас он определённо озлоблен.

— Я не это имела в виду, Вэндал. Все не так, как ты думаешь.

— Тогда почему ты так сказала?

— Потому что он мой друг, а это публичная страница, и мой муж недавно умер, это просто казалось... проще. Я никогда не задумывалась об этом.

Он стискивает челюсть, и я продолжаю.

— Это никого не касается. Что я должна была сказать? Что я провожу время со своим Домом? Парнем? Мастером по траху?

Его взгляд встречается с моим, и теперь он не просто озлоблен.

— Мастер по траху? — повторяет он. — Неплохо сказано, Таби. На самом деле, я впервые слышу этот термин, браво.

— Вэндал, я...

— Ответь мне. Ты когда-нибудь трахалась с Джеймсом?

— Прости?

— Ты слышала меня. Не заставляй меня повторять. Ты знаешь, что я это ненавижу и выпорю тебя за то, что притворяешься глупой.

Я тяжело вздыхаю и готовлюсь.

— Да, у меня был секс с Джейсоном. Много лет назад в старшей школе мы встречались.

— Отлично.

— Сейчас он просто друг, они с Ником были хорошими друзьями. Он был на нашей свадьбе.

— Он называет тебя «деткой». Это немного не по-дружески, согласна?

Уфф. Джейсон любит флиртовать, но он всегда такой. Я не стала бы спать с ним снова.

— Не для него. Ты его не знаешь.

— Ты права, не знаю. Но я думал, что могу с уверенностью предположить, что женщина, согласившаяся стать моей сабой и просившая меня будить её трахом каждое утро, не будет строить планы с другим парнем, как только вернется домой, — его голос становится все выше. — И думаю, я ошибся. Впрочем, как всегда.

Дерьмо. Не думала, что он воспримет все так серьезно. Да, конечно, я готова подписаться под каждым словом. Я хочу быть его сабой и мечтаю быть всегда рядом с ним, но я понятия не имею, что является частью воображаемой сцены, которую мы разыгрываем, а что — реальностью. Или тем, что он считает реальным.

— Ты хочешь его? — спрашивает он.

— Боже, нет. Никогда больше. Он просто друг.

— Такой же, как и я, судя по всему.

— Нет, не такой. Ты нечто намного большее.

— Я знаю, что ты читала, Табита. И я уверен, тебе попадалась информация, что саба всегда говорит своему Дому правду. Это обязательное правило. Оно действует всегда, в любое время, в любых обстоятельствах. Оно распространяется и на социальные сети, ты не можешь использовать их, чтобы договариваться о встречах для траха с другими мужиками.

— Это не справедливо. Мы никогда не обсуждали характер наших отношений. Я не уверена, что мне говорить и что делать. Я спрашивала тебя несколько раз о нас и о том, что произойдет, но ты игнорировал меня. А где ты был весь день? С другой девушкой, которую использовал для траха, как и в прошлый раз? Рассказываешь ли ты им, что у тебя есть маленькая депрессивная саба, которую ты трахаешь, и которая ждет тебя дома?

— Я не обсуждаю свою личную жизнь.

Я насмехаюсь.

— О, а это нормально? Ты — лицемер!

— Это другое. Я публичная персона и не хочу, чтобы ты была частью всего этого. И позволь напомнить, что это я задаю здесь вопросы.

Что за черт?

— О, пожалуйста. Как удобно. Что за публичная персона?

— Я состою в группе, Таби. Довольно популярной. Фанаты и пресса могут быть очень жестокими.

— Ты не мог рассказать мне об этом раньше? — спрашиваю я.

— Просто я думал, что значу для тебя больше всего этого, — он выкидывает бумагу на воздух и смотрит в другую сторону, качая головой и сжимая кулаки. Ему не все равно. Для него это не просто игра, и это пугает его до чертиков.

Я осторожно кладу руки ему на ноги и подготавливаю себя. Я должна быть с ним предельно честна. Мне ненавистно видеть то, как он зол и расстроен.

— Вэндал, пожалуйста. Я влюбилась в тебя...

Он смотрит на меня, будто бы я вылила кислоту на него, его лицо исказилось недоверием и болью.

— Не смей говорить мне подобное.

— Почему? Это правда.

Он уставился на меня. Его взгляд холоден и темен.

— Ты не хочешь любить меня, Таби. И ты, определенно, не захочешь, чтобы я полюбил тебя. Поверь мне, — он шепчет. — Любовь в этом случае не имеет значения.

Мое сердце разбивается.

— Ты лжешь, — говорю я, и слезы текут по моему лицу. — Я уверена, ты любишь меня.

— Ты бредишь.

Я вздрагиваю от его слов.

— Зачем ты это делаешь?

— Потому что, блядь, это тот, кто я есть.

— Нет, — я рыдаю. — Это не так. Это тот, за кого ты себя выдаешь. Если ты не любишь меня, почему тебя волнует Джейсон? Ты бы не ревновал, если бы тебе было все равно.

Он смеется надо мной.

— Ревную? Я не ревную, просто не хочу, чтобы какие-то мудаки касались того, что принадлежит мне.

Я чуть не падаю назад на свою задницу.

— Тебе? Я не принадлежу тебе.

— Думаю, ты так ничего и не поняла.

Я качаю головой, разуверившись в нем, крупные слезы текут по моим щекам.

— Да, полагаю, ты прав.

Вставая, я натягиваю обратно подол платья, пытаюсь прикрыть себя, и сбрасываю дурацкие туфли.

— Мы не закончили, — говорит он, наклоняясь вперед.

— Нет, закончили, — я разворачиваюсь, чтобы уйти, но он хватается меня за талию, притягивая к себе на колени, и придавливает спиной к своей мускулистой груди. Его рука обвивается вокруг моей талии для того, чтобы я не могла встать.

— Отпусти, — я пытаюсь убрать его руки, но он не двигается с места.

— Нет, пока ты не перестанешь реветь и не наденешь туфли.

Я выдыхаю и утираю слезы, размазывая черную подводку, которую я так старательно наносила часом ранее.

— Раньше ты утирал мне слезы, — говорю я с разбитым сердцем.

Он упирается лбом мне в спину.

— Я забрал бы все твои слезы себе, если мог бы. Поверь мне.

Все еще с рукой, обернутой вокруг моей талии, он наклоняется и берет одну из туфель.

— Давай сюда ногу.

— Нет. Иди в ад.

— Для меня это ничего не значит, Табита. Вся моя жизнь в аду.

— Не хочу! — говорю я по-детски.

— Знаешь, что я делаю во время езды? — спрашивает он. — Думаю. Наверное, езда — это мой единственный способ очистить голову достаточно для того, чтобы подумать. Иногда я думаю о музыке, записывая в голове. Иногда думаю о дочери и пытаюсь вспомнить её улыбку. А иногда, например, сегодня, я думал о том, что могу сделать с тобой.

Возможно, для него я просто игрушка, а я приняла заботу и любовь за что-то другое. Может, я пытаюсь заменить свое горе похотью, и он прав, что любовь не имеет ко всему этому никакого отношения.

Является ли каждое наше прикосновение, каждое слово, каждый знак привязанности лишь частью игры, правил которой я не понимаю? Закрыв глаза, тем самым сдерживая слезы, я отказываюсь принять это. Я не могу принять это. Знаю, что люблю его, в этом я точно уверена. Хочу, чтобы он был счастлив. Ненавижу его боль. Я хочу быть той, кто покажет ему, что его жизнь может быть счастливой и что он может иметь отношения с женщиной, которой не требуется быть связанной, чтобы удовлетворять его чувство контроля и прикрывать его страх быть покинутым. Для меня это больше не каприз.

— Когда я читал утром вашу переписку с Джейсоном, это чертовски разозлило меня. Я решил, что сегодня мне нужно быть другим с тобой, чтобы показать, какую боль ты мне причинила, и чтобы я больше никогда не увидел подобных слов, — продолжает он, рассматривая туфлю в руке. — Ты же понимаешь, что для платья и таких туфель есть причина? Весь день я размышлял, как бы мне наказать тебя, и как сильно я собираюсь этим

насладиться, — он поднимает мою ногу и надевает на нее туфлю. — Тебе ведь тоже это нравится, правда?

Я ничего не говорю, но его слова очень сильно влияют на меня, будят во мне что-то темное и развратное. Я хочу знать, что он мечтает проделать со мной, и дрожу, думая об оргазмах, которые он для меня припас. Соппротивляюсь и удерживаю босую ногу на полу, зная, что это лишь еще больше воспламенит его. Знаю, что, наверное, не стоит этого делать, но мне нравится дразнить его и провоцировать, так как его непредсказуемость заводит меня, а киска начинает пульсировать.

— Теперь надень другую, — он держит вторую туфлю и нежно надевает ее на мою ногу.

— В них очень трудно ходить, — говорю я, всхлипывая.

Он откидывает мои волосы в сторону и целует обнаженную шею.

— Тебе не нужно будет ходить, — он шепчет мне на ухо. — Думаю, тебе необходимо преподать небольшой урок, — он лезет в карман, и я слышу звон чего-то металлического.

— Дай мне свои руки, Табита.

Я завожу руки за спину и чувствую, как он оборачивает запястья тонкой металлической цепью. Никаких шелковых лент сегодня.

— Поднимись.

Я встаю, желая отдернуть платье, которое задралось на заднице, но не могу этого сделать, так как руки теперь связаны. Я чувствую себя такой распутной в нем.

Он проводит руками вверх от моих лодыжек, по икрам и бедрам, медленно соблазняя меня, пока не сжимает мои ягодицы. Его губы, а затем зубы играют с ними, в то время как рука оказывается между моих бедер. Его средний палец уже скользит по моим мокрым, нежным складочкам.

— Ты все еще хочешь меня? — спрашивает он, вводя в меня палец.

— Да.

Затем он заталкивает в мою киску еще один.

— Ты даже не смущаешься отвечать.

— В отличие от тебя, я знаю, чего хочу, — слова вырываются у меня прежде, чем я осознаю, его пальцы внутри меня напрягаются, и он перестает ласкать мою киску.

— Это правда? — в его глубоком голосе чувствуется насмешка.

Он встает, причем его пальцы все еще во мне, и тянет меня за волосы вверх, заставляя гореть кожу на голове.

— Я точно знаю, чего я хочу, дорогая. И собираюсь показать тебе. В процессе этого ты научишься правильно вести себя, и мы больше не будем иметь дело ни с какими интернет-трахальщиками.

Трахальщиками?

Он отпускает мои волосы и вынимает пальцы из киски, заставляя меня немного потерять равновесие. Я слегка покачиваюсь, пока он не ловит меня за руку, чтобы удержать. Он достает еще что-то из кармана и протягивает мне.

— Я купил тебе сегодня подарок. Ты знаешь, как раз в тот момент, когда я, по твоему мнению, встречался с другими женщинами.

Я стараюсь сосредоточиться на его подарке и понимаю, что это небольшой вибратор.

— Расставь ноги немного шире, — командует он. Когда я делаю это, он медленно вставляет в меня вибратор, щелкая переключателем. Теперь игрушка гудит и вибрирует

глубоко в киске.

— Повернись.

После того, как я поворачиваюсь к нему лицом, он снимает с верхней части головы очки и кладет их на стол, а затем медленно стягивает свою выцветшую кожаную куртку. Мой фетиш на старую кожу дает о себе знать, и обостряется желание почувствовать ее запах.

— Хочешь узнать, чего я хочу? — спрашивает он.

— Да, — отвечаю я, пытаюсь не обращать внимание на вибратор, на то, какой мокрой он меня делает, и на то, как невольно сжимаются вокруг него мои мышцы.

— Я не хочу, чтобы ты уходила. Хочу, чтобы ты осталась здесь, в моем доме, и была моей сабой. Я хочу возвращаться домой к тебе, ждущей меня в нижнем белье или в любом другом наряде, который я оставил для тебя. Я хочу связывать тебя и трахать всю ночь, слышать, как ты кричишь мое имя.

Он снимает рубашку через голову, расстегивает ремень, а затем продолжает.

— Хочу, чтобы ты засыпала голой в моих руках, так что я мог бы взять тебя, когда пожелаю.

Он стягивает свои джинсы и боксеры вниз, избавляется от обуви и вышагивает из штанов.

— И я хотел бы однажды проснуться с твоими губами на моем члене.

Пожалуйста, скажи, что любишь меня. Дай мне понять, что все это не игра.

Он дотягивается до моей промежности и заталкивает вибратор глубже.

— Тебе лучше не кончать, пока я не скажу.

Надавливая мне на плечи, он заставляет меня опуститься на колени.

— Встань на колени и следи, чтобы он не выпал.

Я неловко становлюсь на колени, стараясь не упасть на задницу, и одновременно удерживать вибратор в киске. Стоя передо мной, он откидывается назад и опирается на край стола.

— Я хочу, чтобы ты отсосала мне перед тем, как я расскажу, чего еще хочу.

Я пытаюсь набраться смелости и спрашиваю:

— Могу ли я попросить кое о чем?

Он немного наклоняет голову вперед, смотря на меня сверху вниз.

— Зависит от того, что ты попросишь.

Я облизываю губы, зная, что это сводит его с ума.

— Наденешь ли ты куртку, пока я буду облизывать твой член?

Его бровь удивленно изгибается, и на лице появляется сексуальная ухмылка.

— Могу я спросить почему?

— Меня возбуждает мягкая кожа... ее запах и то, какая она на ощупь, — мой голос немного надрывается.

Он не спеша натягивает куртку на голое тело, выглядя сексуально, как ад, с длинными волосами, спадающими поверх нее. Моя киска сильнее сжимается вокруг вибратора.

— Теперь довольна? — спрашивает он.

— Да, может, позже ты развяжешь меня и позволишь прикоснуться к ней.

— Это зависит от того, как ты будешь себя вести. Кто знал, что у тебя есть свой собственный маленький фетиш?

Я облизываю головку его члена, обвиваюсь языком вокруг него и медленно

насаживаюсь ртом на его горячий ствол, глядя на него снизу вверх. Люблю наблюдать за тем, как учащается его дыхание, а глаза затуманиваются похотью. Он дотрагивается до моего лица, когда я заглатываю его целиком, и пристально смотрит на меня. Затем вынимает член из моего рта и заменяет его большим пальцем.

— Поднимись, — в его низком голосе чувствуется оттенок нетерпения. Я осторожно встаю, он тянется мне за спину и развязывает цепочку, позволяя ей упасть на пол, после этого вынимает вибратор и кладет его обратно в карман джинсов. Взяв мое лицо в руки, он смотрит мне в глаза, но такое ощущение, что заглядывает прямо в душу.

— Что случилось? — спрашиваю я, положив руки ему на грудь.

Он соприкасается нашими лбами, закрывая глаза, и вдыхает мой запах, наш запах, прежде чем отвечает:

— До этого мне никогда не признавались в любви.

Мое сердце сжимается. Боже, этот человек очень нуждается в любви, и я хочу стать той, кто подарит ее ему, но это может привести к тому, что мое уже разбитое сердце вновь пострадает. Достаточно ли я сильна, чтобы пойти на этот риск? Поллюбит ли он меня когда-нибудь в ответ? А что еще более важно, смогу ли я отпустить прошлое?

— Нуу... — шепчу я с быстро колотящимся сердцем. — Думаю, я первая и, надеюсь, последняя.

Его руки опускаются на мою талию и сжимают меня крепче, притягивая еще ближе, он будто бы боится, что я исчезну. Я мягко целую его прямо под сердцем и поднимаю голову, чтобы встретиться с его темным взглядом.

— Я люблю тебя, — мой голос тихий и робкий.

— Ты не должна... Я не хочу причинять тебе боль.

— Так не делай этого.

Он трясет головой.

— Легче сказать, чем сделать.

— Эй, — говорю я мягко. — Я верю тебе, Вэндал. Что бы ни случилось с тобой в прошлом... это не должно влиять на тебя настоящего. Это будет не тот мужчина, которого я знаю. Если тебе не нравится, кто ты есть, ты можешь изменить эти черты в себе, и я помогу тебе.

— Ты многого не знаешь обо мне, — он убирает волосы с моего лица, его глаза полны боли и сожаления. Я притягиваю его голову к себе и целую в губы.

— Я не хочу знать. Я люблю тебя такого. Люблю мужчину, которым ты был с того момента, как привез меня сюда, — я запуталась в своих заблуждениях. Хочу, чтобы они ушли. Я просто хочу быть с ним сейчас и остаться навсегда.

— Ты должен попытаться разрушить защитные стены, которые возвел вокруг себя.

Он кивает.

— Я так устал их удерживать, Таби.

Проводя ладонями вверх по груди, я обхватываю его шею.

— Мы можем сделать это вместе.

— Я не заслуживаю тебя, — шепчет он, одинокая слеза скользит по его щеке, и это заставляет мое сердце замереть.

В этот момент все изменилось. Произошла настолько большая перемена, будто бы стрелка на гигантских часах резко перебросила нас далеко вперед, и мы остались там навсегда. Не предполагалось, что случится нечто подобное.

Теперь это касается не только меня.

Глава 19

Вэндал

Эта чика убивает меня. Убивает.

Она запутала меня так, что я уже не знаю, чего хочу: обнять её или же наклонить над столом и отшлепать по заднице с вибратором внутри.

Я влюбилась в тебя.

Слова, которые я не слышал ни разу за все тридцать лет на этой гребаной планете. И вот мне говорит их девушка, которая должна ненавидеть меня, ведь я разрушил ее жизнь. Конечно же, такая извращенная ирония от переплетения наших судеб могла произойти только со мной!

Маленькие злые голоса в моей голове говорят, что стоит причинить ей боль раньше, чем она мне. Унизить ее и разбить ей сердце. Привести домой другую женщину. Напиться в хлам и обдолбаться. Растоптать все мысли о любви и счастье вместе с ней быстро и жестоко. Рассказать ей правду об аварии и увидеть, как любовь в ее глазах зачахнет и умрет.

— Не закрывайся от меня, — говорит она милым голосом, ее руки запутались в моих волосах на затылке. Она так сексуально выглядит в этом платье, и когда она ползла по холлу, я мог кончить, лишь наблюдая за ней. В голове кружится множество идей о том, как оставить ее в роли любящей меня сабы.

Скажи, что тоже влюбился.

Это то, что она хочет услышать. Даже я понимаю, что должен признаться ей в ответ. Знаю, какую боль ей причиняет мое молчание. Однако, как только я произнесу эти слова, пути назад не будет. Я всегда буду тем, кто любил ее и при этом врал в лицо. Это любовь? Я точно не могу сказать. Я не верю, что любовь — это такое волшебное слово, лечащее раны, отбирающее боль, побеждающее все и делающее все проступки простительными. Может быть, на самом деле, любовь делает все только хуже.

— Я не закрываюсь от тебя, — говорю, восстановив хладнокровие. — Я думаю.

— О чем? — не сводя с меня глаз, спрашивает она с легкой дрожью в голосе.

— Хочу, чтобы ты осталась со мной. Навсегда. Все детали насчет того, как и где, мы обсудим позже, — я провожу пальцем по глубокому вырезу ее платья между грудей. — Мне нужен твой ответ. Для меня это не игра, и сейчас я понимаю, что слишком высокомерно к тебе относился. Нам необходимо обговорить некоторые рамки и ожидания, если ты захочешь остаться, — я ласкаю ее набухшую грудь под кромкой платья, пока жду ответа.

— Да, я хочу остаться.

— Отлично, я позабочусь о тебе. Дам все, чего ты желаешь и в чем нуждаешься. Буду платить по твоим счетам, если они имеются. Я хочу, чтобы ты оставалась здесь на целый день, т. е., не хочу, чтобы ты круглосуточно работала вне дома на кого-то другого. Сосредоточься на фотографии и сделай карьеру, если хочешь. Если тебе нужно оборудование, я достану. Если нужна студия, можем снять тебе в городе или устроить ее в этом доме или в другом — решим это позже.

Он в удивлении закрывает рукою рот.

— Боже, Вэндал ты позволишь мне это сделать? Ты что настолько богат?

— Да, но все это в обмен на то, что ты мне дашь. Всю себя. Двадцать четыре на семь. Ты будешь только моей. Я не потерплю, чтобы ты встречалась или обедала с другими

мужчинами. Я не люблю делиться. И неважно, на каком уровне наши отношения. Что мое, то мое, и нет пограничной зоны, — я удерживаю ее взгляд, пытаюсь донести, насколько я серьезен. — И да, я могу себе это позволить. Веришь или нет, но я очень серьезно относился к деньгам, спасибо, бабушка помогла. Я получаю прибыль от тату-салона и от участия в группе, и все это в дополнение к наследству. Понимаешь?

— Конечно... Я не хочу никого другого, но почему мы не можем состоять в обычных отношениях?

— Мы не собираемся обручаться, Табита. Не стоит путать это со стандартными отношениями. Это соглашение. Я хочу тебя и забочусь о тебе. Ты мне очень нравишься. Не думай, что твои слова или эмоции смогут сломить меня, — я уже сломлен ею, но не собираюсь так просто уступать. Мне нужно больше времени. — Мы договоримся о сумме денег, которую я буду перечислять на твой банковский счет. Не хочу, чтобы ты чувствовала себя здесь, как в ловушке. Можешь отъезжать, куда хочешь, у тебя будет достаточно средств, чтобы содержать себя какое-то время. Я не жду, что ты откажешься от работы или от ведения собственных финансов. Это не то, чего я желаю.

— Подожди... Ты будешь платить мне, чтобы я была с тобой?

— Я могу и буду. И не говори, что это похоже на проституцию. Я не плачу, чтобы ты трахалась со мной, Таби. Это равноправное соглашение. Ты даешь все, что мне необходимо и как мне необходимо, а я взамен делаю то же самое.

— Хорошо... надеюсь. Хотя мне не нужны твои деньги. Не в этом я нуждаюсь, — ее голос замолкает, и я точно знаю, на что она намекает.

Я скольжу рукой к ее шее и нежно сжимаю горло, так как люблю, какими большими из-за этого делаются ее глаза.

— Знаю, что ты не хочешь моих денег. Я доверяю тебе.

— Я тоже тебе доверяю.

— Я периодически путешествую с группой. Иногда я могу брать тебя с собой или же оставлять здесь. Тем не менее, я ожидаю стопроцентного благоразумия и заинтересованности касательно моего бизнеса и личной жизни.

— Конечно, ты что супер популярен или что-то вроде того?

Я ухмыляюсь и нежно глажу ее по щеке.

— Что-то вроде того.

Она переступает с ноги на ногу. Уверен, туфли начинают жать.

— Меня не волнует, кто ты, и все остальное, — отвечает она.

— Знаешь, я действительно верю тебе.

— Потому что это правда. В какой группе ты играешь? Может, ваша музыка есть у меня в плейлисте?

— Сомневаюсь.

— Давай же, расскажи мне. Перестань быть таким скрытным.

— Не хочу больше говорить, — отвечаю я, мое нетерпение растет. — Если коротко, то я хочу, чтобы ты была моей, и я буду относиться к тебе, как к чертовой принцессе, до тех пор, пока ты делаешь то, что я хочу, и не трахаешь мне мозг. Я с таким дерьмом плохо справляюсь. Я понятия не имею, как люди нахуй «встречаются». Я весь твой. Какой есть. Если ты еще не заметила, у меня есть проблемы с социализацией.

— Я поняла это. И если ты не заметил, я не собираюсь никуда уходить.

— Почему? — я медленно стягиваю вниз рукава платья, пока ее грудь не вываливается

наружу. Я беру одну плотную мягкость и ласкаю, ее соски заостряются в моей ладони.

— Не знаю, — шепчет она. — Мне нравится, какие чувства ты у меня вызываешь. Заставляешь забыть обо всем.

— Я чувствую то же, — жестко врезаюсь своими губами в ее, посасывая и зажимая ее нижнюю губу между зубов. — Хочу, чтобы ты все забыла. Все.

Даже то, о чем ты еще не знаешь.

В то время как она целует меня, ее руки спускаются вниз от шеи на рукава моей кожаной куртки.

— Так тебе нравится кожа? — дразню я, скользя руками по ее груди и останавливаясь на ее бедрах.

— Да, — она прижимается лицом к коже и вдыхает. — Всегда любила.

Я улыбаюсь, мой член твердеет у ее бедра.

— Мы многое можем с ней проделать. Если моя детка любит кожу, она ее получит.

Пока она на каблуках, я могу целовать ее не наклоняясь, и я пользуюсь этим в полной мере: пожираю ее губы своими и сжимаю в руках ее попку.

Я разворачиваю ее к себе спиной, а затем, резко изменив положение, наклоняю Таби над столом, отчего она удивленно вздыхает. Я быстро снимаю куртку и бросаю на стол рядом с ее головой.

— Можешь с помощью нее заглушать свои крики, — говорю я, любуясь ее телом в этой позе: мышцы ног напряжены, идеальная попка выглядывает из-под короткого, обтягивающего платья.

— Держи руки на столе, — приказываю, нежно шлепнув ее по заднице, наслаждаясь тем, как она попрыгивает. — Ты очень горячо выглядишь, одетая как шлюшка, но ты не она, правда ведь?

— Нет.

— И ты не собираешься вести себя как она, так?

— Только с тобой.

Я рад, что она не может видеть улыбку на моем лице.

— Ох, значит, ты учишься, — я поглаживаю ее попку и задираю платье выше, пока оно не оказывается на ее талии.

— Скажи мне, сколько у тебя было мужиков?

— Что, прости? — она оборачивается ко мне.

Я глажу ее по внутреннему бедру, моя рука постепенно приближается к киске.

— Сколько мужчин тебя трахали? — я повышаю голос и усиливаю хватку на ее бедре. — Еще раз заставишь меня повторить, я тебя отшлепаю. Сколько раз мы будем проходить через это?

— Трое.

— Вообще когда-либо? — спрашиваю я, положив руку ей на спину. *Черт.* Не думаю, что имел до этого дело с женщиной, у которой было всего три мужчины.

— Нет, это только за вчера, — говорит она с сарказмом. — Господи, конечно, вообще.

Я больно шлепаю ее по заднице.

— Не умничай!

— Тогда не удивляйся, что я не одна из твоих шлюх.

— Я — третий?

— Да.

Вот дерьмо. Эта новость будит во мне зверя. Да она почти девственница, я никогда еще не был так близок к невинности.

— Только Джейсон и Ник? Это все?

— И ты.

— Сколько раз было с Джейсоном?

— Серьезно? Нам по шестнадцать?

Я снова шлепаю ее.

— Для меня это важно, просто ответь.

Она вздыхает.

— Один раз.

— Вау.

— Со сколькими женщинами ты был? — спрашивает она, повернув голову в мою сторону. — Ты действительно хочешь знать?

— Нет.

— Ты ревнуешь? — стоя позади нее, я продолжаю ласкать ее бедра, головка моего члена прижимается к расщелине между ягодиц.

— Да. Очень.

Я ложусь на нее, моя грудь прижата к ее спине, а член глубже толкается в попку.

— Что ты чувствуешь, зная, что теперь я буду трахать только тебя?

— Страх.

Я целую ее плечо и отодвигаюсь немного, не ожидал такого ответа.

— Страх?

— Что произойдет, когда ты устанешь от меня? Отодвинув ее волосы в сторону, я покрываю поцелуями шею, посасываю плоть, оставляя красные следы. Пытаюсь протолкнуть свой член между ее булочками.

— Этого никогда не случится, — я тянусь вниз и направляю свой член к ее очень влажной киске. Думаю, мои слова заводят ее. Или, может быть, мой голос. В любом случае, именно этой реакции я и жду, она тает как масло для меня. Отодвинувшись от ее спины, я встаю прямо, почти до самого конца вытаскиваю член, а затем медленно ввожу его обратно по самые яйца, мои яйца прижимаются к ее складочкам. Я неспешнодвигаюсь в ней, ее киска доит мой член со слабым хлюпающим звуком.

Вынув член, я погружаю палец в ее мокрую пещерку и смазываю влагой сморщенное колечко между ее ягодиц, осторожно проталкивая кончик пальца внутрь. Она быстро пытается подняться, но я быстрее, чем она, удерживаю ее спину внизу.

— Нет! — в ее голосе чувствуется страх, Таби напрягается подо мной.

Я нежно потираю ее дырочку.

— Так не пойдет, — рычу я. — Я хочу тебя.

— Пожалуйста, я не хочу этого.

Я сжимаю блестящую головку члена и немного проталкиваю внутрь, мое сердце сильно бьется из-за нее, сгорая от страсти.

— Вэндал, пожалуйста... — умоляет она, ее голос дрожит.

— Тебе понравится, если позволишь мне, — я толкаюсь сильнее, насаживая ее еще глубже.

Прежде чем я успеваю среагировать, она резко выпрямляется, отталкивает меня назад и забегает за стол.

Никто никогда не отказывал мне. Сдерживая гнев, я смотрю на нее сверху вниз. Она могла бы просто использовать специальное слово, если хотела бы, чтобы я остановился, так что она, наверное, проверяет меня: позволю ли я ей уйти.

— Вернись, — говорю я, указывая на место, откуда она сбежала.

— Нет.

Я в раздражении провожу рукой по волосам.

— Если я начну гнаться за тобой и поймаю, это вряд ли придется тебе по душе, Таби.

— Собираешься принудить меня? — она так красива: волосы взъерошены, макияж размазался по заплаканному лицу, платье спадает. Мне нравится, как она выглядит, когда испорчена, так же, как и когда совершенна. Может, даже больше, потому что красота — это иллюзия. Разрушения же всегда реальны.

— Сила — неоднозначное слово в этом мире, так ведь, дорогая? Ты знаешь это. Ты отдала мне себя, правильно?

Она кивает и облизывает губы, ее глаза встречаются с моими.

— Да.

— Ты можешь использовать стоп-слово, если для тебя это слишком. Я не насильник.

— Знаю.

— Тогда подойди сюда.

Она медленно подходит ко мне, шатаясь на высоких каблуках, как маленькая девочка, играющая в переодевание. Я без особых усилий поднимаю ее на руки и сажаю на стол перед собой, расставив ее ноги так, чтобы я мог стоять между ними.

— Предполагаю, ты никогда не делала этого с предыдущими двумя?

Она качает головой.

— Нет. Очевидно же.

— Тебя это пугает?

— Да, ты слишком большой, — она беспокойно смотрит вниз на мой все еще напряженный член, который, кстати, огромен.

Я подавляю смех, так как вижу, что она по-настоящему боится.

— Почему ты просто не использовала стоп-слово? Ты же знаешь, что я могу заставить, если не скажешь его. Если ты на самом деле моя, я могу потребовать всего, чего захочу, и ты дашь мне это. Вот, как это работает.

Она нерешительно прикасается к моей груди.

— Знаю, я согласилась на это. Я хочу сделать тебя счастливым. Мне кажется, что я разочарую тебя. Я просто боюсь. Лара говорила, это больно. Очень. Но если ты очень хочешь, я сделаю это для тебя.

Блядь. Что я могу на это ответить?

Если бы она была кем-то другим, то я просто бросил бы ее на пол и сделал все, что хочу, так всегда и было. Я брал, что желал, и мне было насрать на то, что чувствуют мои партнерши. Я бы доказал, что я во главе, и что ее переживания ничего для меня не значат. Но с ней я так поступить не могу, потому что она готова позволить мне все, чтобы сделать счастливым, даже если придется терпеть боль и страх, давая мне желаемое. Потому что она любит меня.

И я ее люблю.

— Для меня ты все меняешь, — медленно говорю я хриплым голосом.

— Это так плохо?

Я смотрю в ее глаза и оборачиваю ноги вокруг моей талии.

— У меня больше не осталось никаких гребаных соображений, — я притягиваю ее голову и сталкиваю наши губы вместе, одновременно вводя в нее член. Она сжимает бедра вокруг меня и обвивает руками мою шею. Она так усердно пытается достучаться до меня. Она не просто рушит стены, она взламывает мои замки и проникает ко мне в душу.

Глава 20

Таби

Таби,

мой брат приезжает сегодня. Жду не дождусь, блядь!

Я никогда раньше не знакомил девушек с друзьями или семьей.

Мне дороги отношения с братом, а для него важна эта фигня.

Он тоже приведет свою новую девушку.

Помоги мне сделать все правильно.

Обещаю не трахать тебя на столе, пока они не уйдут.

В.

Я прикрываю рот рукой и хихикаю. Мне так нравится, когда он показывает свою милую сторону. Я открываю подарочную коробку и нахожу одежду, которая заставляет меня визжать. Узкие джинсы, белая кружевная майка, черные ботинки и кожаный ремень, а также черная кофта-разлетайка. В маленькой коробочке лежит цепочка с кулоном из цветного стекла в форме сердца. Оно превосходно.

Одежда для нормальной девушки! Восторг!

Я беру ручку и дневник.

Вэндал,

я всегда буду помогать делать тебе все правильно, и для меня большая честь познакомиться с твоим братом. Одежда удивительна, а ожерелье просто — вау!

Сегодня я люблю тебя сильнее.

Таби.

Я крепко его обнимаю, когда нахожу на заднем дворе чистящим решетку для барбекю.

— Мне все очень понравилось, — говорю ему, сияя. — Все сидит идеально. Как тебе удастся покупать мне одежду, которая так подходит? Это озадачивает. Я всегда примеряю миллионы вещей прежде, чем выбрать лишь две, которые на самом деле мне идут.

Он игриво шлепает меня по заднице.

— Я знаю каждый твой дюйм, внутри и снаружи, — осмотрев меня в новом наряде, он поднимает брови в знак одобрения. — Мило, не могу дождаться, чтобы позже сорвать все с тебя.

Я наблюдаю за ним, пока он принимается чистить гриль большой, грубой щеткой. На Вэндале надеты темные джинсы, серая водолазка, обрисовывающая его мощные грудь, спину и плечи, и черные мотоциклетные ботинки. Его великолепные прямые черные волосы

блестят на солнце. Он нервничает из-за прихода Лукаса, но я не совсем понимаю, почему. Тут, должно быть, нечто большее, чем дискомфорт от нахождения в обществе с женщиной, с которой у вас отношения.

— Чем я могу помочь? — спрашиваю я, проводя рукой по его плечу. — Могу нарезать свежие фрукты, что у нас есть.

— Да, было бы отлично. Лукас принесет стейки и шашлык из цыпленка терияки и что-то еще. У нас есть сода, пиво, вино, сок и вода. Их будет только двое: его девушка не возьмет с собой сына.

Я с удивлением смотрю на него.

— Я не знала, что у нее есть ребенок.

Он кивает:

— Да, а точнее двое. Она намного старше его. Даже старше меня. Ей где-то под 40. Хищница, ищет секса с молодняком, — он смеется, качая головой, и мне интересно, сколько же ему. Мне кажется, тридцать с хвостиком. — Думаю, ее детям семь и восемнадцать. Она хороший человек... как и ты, но у них с мужем сейчас какое-то дерьмо. Да и брат без ума от нее. Они все еще пытаются разобраться. Я сказал Лукасу, что у меня не будет проблем с тем, что она привезет ребенка, но она решила, я из-за этого расстроюсь. Тем более Томми. Она была без ума от него.

Он отворачивается к озеру и делает глубокий вдох.

— Иногда мне реально кажется, что все налаживается, — говорит он, оглядываясь. — Мне не хочется нажраться до усрачки, чтобы заглушить боль. Иногда я думаю о ней, но держусь, чтобы не пойти по наклонной. Несколько раз мне удалось вспомнить пару забавных моментов с ней, и я улыбался.

Я прикасаюсь к его руке.

— Я знаю, Вэндал. Я чувствую то же самое. У меня до сих пор есть тяжелые дни, но их становится все меньше. Это не значит, что мы забываем. Наши сердца исцеляются. Однажды, когда я была на кладбище сразу после смерти Ника, одна старуха подошла ко мне и сказала то, во что я яростно стараюсь верить. Она сказала: «Ты не погибла. Ты начнешь жить и любить. Это не дастся тебе легко, но способность чувствовать вновь — это наш дар в этом мире».

Сузив глаза, он прислоняется к деревянным перилам террасы.

— Я понимаю. И я хочу жить своей жизнью, — он смотрит вниз на свои ботинки, его челюсть сжимается. — Видишь ли, я просто не хочу забыть ее.

Знаю. Я тоже борюсь с этим, но у меня это чем-то отличается. Я потеряла мужа и пытаюсь двигаться дальше с другим мужчиной. Меня гложет вина. Не хочу забывать его, но как я смогу двигаться дальше без ощущения, будто я заменяю мужа кем-то. Очень трудно сохранить память о нем, не отпуская его, и позволить себе что-то испытывать к Вэндалу.

— Ты никогда не забудешь ее, Вэндал. Ты можешь быть счастливым и вместе с тем помнить ее. Все вместе.

Он прижимает меня к груди и обнимает за талию.

— Как и ты, — отвечает он.

Я встаю на цыпочки и целую его в щеку.

— Я стараюсь, — говорю. — И я, действительно, горжусь тем, что ты больше не пьешь. Ты сильнее, чем думаешь. А теперь я пойду, порежу фрукты.

Как только я раскладываю все нарезанные фрукты в стеклянной миске, раздаётся

дверной звонок, заставляя мой желудок трепетать от нервов, пока Вэндал идет открывать.

Я пытаюсь побороть это дурацкое чувство. Не думала, что когда-либо буду знакомиться с семьей другого мужчины. В свое время я была очень близка с родственниками Ника и считала их своей семьей. После его смерти я отстранилась от них, так как они вызывали очень много болезненных воспоминаний о совместных праздниках и хороших временах, которые никогда не повторятся вновь.

С кухни я вижу, как Вэндал открывает дверь, и входит очень симпатичный молодой человек с красивой девушкой. Они оба обнимают Вэндала, что застает меня врасплох. Я ожидала приветственных ударов или хлопков по спине, но никак не долгие объятия.

Они проходят на кухню, где Вэндал забирает у брата продуктовую сумку и ставит ее на кухонную стойку.

— Ребята, хочу познакомить вас с Табитой, — он встает рядом со мной. — Таби, это мой брат Лукас и его девушка Айви.

Лукас протягивает мне руку, которая полностью покрыта татуировками, даже пальцы.

— Эй, здорово наконец-то встретиться с тобой, — говорит он.

Я улыбаюсь и пожимаю ему руку, признаться честно, я немного очарована. Он похож на Вэндала, только у него более короткие черные волосы до плеч. У них одинаковые карие глаза, и оба они все в татуировках, однако Вэндал немного выше. Еще одно различие заключается в том, что Вэндал имеет темную сексуальность, а Лукас скорее обладает мальчишеским очарованием, которое вместе с его образом плохого мальчика и соблазнительным взглядом является убийственной комбинацией.

— Я тоже рада нашей встрече, — отвечаю и быстро перевожу взгляд на Айви, так как чувствую, что Вэндал напряженно наблюдает за тем, как я пялюсь на его брата. — Приятно познакомиться, — говорю я.

Девушка тепло мне улыбается и обнимает, сразу же создавая ощущение комфорта между нами. Она милая, красивая и скромная. Примерно моего роста, ее длинные вишнево-коричневого цвета волосы перекинута через плечо. Одета она довольно просто: джинсы и розовый кашемировый свитер. У меня возникло то самое чувство, когда ты видишь человека в первый раз, но уже знаешь, что вы точно станете друзьями.

— Взаимно. Мы слышали так много хорошего о тебе. Кстати, мы купили тонну еды. Эти ребята едят, как сумасшедшие, — говорит она с дразнящей улыбкой и сияющими глазами.

Все выходят на террасу и устраиваются за столом, пока Вэндал включает музыку, звучащую из колонок на улице, снимает упаковку с мяса и раскладывает его на гриле.

— У меня скрипка в багажнике, если уговорим брата, то мы с ним можем сыграть после того, как поедим, — говорит Лукас, с шипением открывая соду.

Вэндал усмехается и качает головой, переворачивая куриные шашлычки.

— Так и знал, что ты попытаешься загнать меня в угол.

— Я бы очень хотела послушать вашу игру. Вэндал сказал, что ты в этом бесподобен, — говорю я Лукасу.

Лицо Айви начинает светиться.

— Подожди, ты еще услышишь их музыку, Табита. Я могу слушать игру Лукаса на скрипке в течение нескольких часов. Первый раз, когда я ее слышала, у меня челюсть до пола отвисла. И я даже не знала, что он так может, — она игриво шлепает его по руке. — Он привел меня послушать группу, в которой состояли его братья, но не сказал, что сам в ней играет. Так вот, сидим мы в клубе, слушая выступление, вдруг Лукас выходит, чтобы

воспользоваться мужской комнатой, ну я так тогда думала, а потом он внезапно оказывается на сцене!

— Ух ты! — восклицаю я. — Какой сюрприз!

Айви прислоняется к Лукасу, и он целует ее в макушку.

— Это было действительно круто! — говорит она. — Я тогда впервые встретила со всеми, и с Эви тоже. Это было еще до того, как они со Штормом стали парой, Ашер смеялся над ней и случаем с метелью со сцены, и я думала, она сторит со стыда, ведь с ней был ее, сейчас уже бывший, парень.

— Ашер — мудак, — перебивает Вэндал, все еще колдуя над грилем.

Лукас закатывает глаза за его спиной.

— Нет, он не такой, просто все время шутит.

— А что случилось с метелью? — спрашиваю я растерянно. Если мне не изменяет память, Эви — это та девушка, с которой я встретила в первое утро здесь, и та, которая отдала Вэндалу котенка. Я качаю головой, вспоминая, как ревновала к ней, похоже, она и вправду невеста его кузена.

Айви наклоняется ко мне и касается моей руки.

— Это длинная история. Эви застряла в метель, и Шторм, кузен Лукаса и Вэндала предложил подвести ее, но разбил *свой* грузовик, — она угощается фруктами прежде, чем продолжить. — В общем, они застряли на обочине дороги на все выходные и полюбили друг друга, хотя у Эви уже был парень.

— Они не влюбились, а трахались, как кролики, на заднем сидении его грузовика, — кричит Вэндал через плечо.

— Вэндал! — ругает его Айви. — Они не делали этого! Эви не такая! Она сказала, что у них был секс лишь спустя несколько месяцев.

Лукас и Вэндал начинают безудержно хохотать.

— Бедный Шторм наконец-то встречает девчонку своей мечты, и у него уходит несколько месяцев на то, чтобы, наконец, переспать с ней, — шутит Лукас.

— Хотя, они проказничали, — ухмыляется мне Айви. — Она с ума по нему сходила, но жила со своим парнем, с которым встречалась еще в старшей школе. Он был придурком, да и относился к ней дерьмово. В конце концов, она ушла от него к Шторму.

— Эви чертовски раздражающая, — говорит Вэндал, поворачиваясь, чтобы улыбнуться нам. Так приятно видеть, как он с удовольствием шутит и веселится.

— Вэндал! — снова упрекает его Айви. — Это не правда! — Она смотрит на меня, — он всех ненавидит.

— Каждый должен быть ненавистен, пока не докажет, за что можно его любить, — советует Вэндал. — Вы видели кота, которого она мне подарила? У него глаз нет!

Лукас подавился содой.

— Какого хрена?

— Стерлинг очарователен. Он в доме, — говорю я им. — Вэндал обожает его. И я тоже. Он будто бы пушистый кролик для обнимашек.

— Нет глаз? — повторяет Лукас. — Seriously?

Вэндал подходит к столу и встает у меня за спиной, положив руки мне на плечи. Его пальцы теплые из-за работы над грилем.

— Да, блядь, — говорит он. — Видимо, дети мучали его. Однако он удивителен. Играет и ведет себя, как обычный кот. Я люблю эту маленькую сволочь. Он ест, как свинья.

Хорошо, что мы едим снаружи, иначе он пытался бы украсть еду прямо из наших тарелок.

— Мы должны проверить его после того, как поедим, — говорит Лукас.

Я кладу руку на его, и он нежно сжимает ее. — Так как вы познакомились? — спрашивает Айви, улыбаясь нам.

Я открываю рот, чтобы ответить, но Вэндал опережает меня.

— Мы налетели друг на друга в кафе, и она опрокинула на меня свой кофе. Я подумал, что она милая, пригласил прокатиться на байке и привез сюда, — я напряглась под его прикосновением.

— И ты так и не уехала? — спрашивает меня Лукас.

Я извиваюсь на своем месте.

— Ммм... нет. Мне, вроде как, нужен был отпуск, а он спросил, хочу ли я остаться, что я и сделала.

Глаза Эви расширились.

— Вау! Это здорово. Иногда мы просто *знаем*.

— Вэн, должен сказать, что никогда не видел тебя таким довольным. На самом деле, ты выглядишь счастливым. Давно пора.

— Думаю, Таби — именно то, что мне было нужно, — он снова сжимает мои плечи и возвращается к грилю проверить еду, но Лукас продолжает сверлить меня взглядом в течение нескольких минут. Наверное, он пытается собрать воедино нашу историю и понять.

— Таби, принеси, пожалуйста, тарелки, — говорит Вэндал. — Еда готова.

— Я помогу, — Айви вскакивает и следует за мной в дом. — Могу я посмотреть на котенка? Я сама большая любительница кошек.

— Конечно, пойдем, найдем его. Он, вероятно, спит на кровати. Это его любимое место.

Я иду вместе с ней по коридору к спальне, и, конечно же, он там, спит на краю одеяла. Я аккуратно беру его на руки и целую в лоб, он мгновенно начинает мурлыкать. Я никогда не встречала кота, который бы так любил, когда его держат на руках.

— Вот... он любит обниматься, — я вручаю его ей, и она удерживает Стерлинга, словно ребенка, а он продолжает вертеться и мурлыкать.

Улыбка на ее лице согревает мне сердце.

— Боже мой, он такой милый. Я могла бы просто съесть его. Бедная детка, кто же мог причинить тебе боль? — она прижимает его к себе.

— Знаю, это ужасно. Но сейчас у него прекрасная жизнь. Мне кажется, мы его ужасно избаловали.

Она улыбается котенку, а потом поворачивается ко мне и говорит, понизив голос:

— Ты по-настоящему нравишься Вэндалу. Приятно видеть его улыбку.

— Он иногда скрывает свои чувства, но я по уши в него влюбляюсь.

— Он через многое прошел... дай ему время. Знаю, это, должно быть, трудно, но не думаю, что он оставил бы тебя здесь, если бы не был серьезен. Вэндал не заводит отношений, из того, что я слышала, уверена, он точно заинтересован.

Я делаю глубокий вздох.

— Я тоже через кое-что прошла... Мой муж недавно погиб, — она касается моей руки. — Табита, мне так жаль! Я не знала.

— Все в порядке, правда. Мне уже лучше. Вэндал так сильно мне помог. Я просто живу

сегодняшним днем.

— Поверь мне, я знаю это чувство. Я тоже получила свою долю дерьма в последнее время. Моя жизнь сейчас похожа на американские горки, — она поглаживает Стерлинга. — Давай принесем тарелки, пока наши парни не подумали, что мы сбежали.

Когда мы с Айви присоединяемся к мужчинам снаружи, Вэндал, как коршун, впивается в меня взглядом и делает знак подойти к нему.

— Вы потерялись? — спрашивает он, его глаза темные, а тон доминанта включен на полную силу.

Я вручаю ему тарелку.

— Нет, Айви хотела посмотреть на Стерлинга.

— Что ты ей рассказала? — тихо говорит он так, что Айви и Лукас не слышат.

— О чем?

— О нас. — Ничего. Она сказала, что мы выглядим счастливыми, и они за нас рады.

— Я бы не хотел, чтобы они узнали о наших отношениях дома и сабы.

Мое сердце замирает.

— Я бы не сказала им об этом. Неужели ты думаешь, я рассказала бы об этом людям, с которыми только что познакомилась.

— Нет, я просто хочу убедиться, это очень личное.

— Согласна. А теперь прекрати это. Ты окружен людьми, которые заботятся о тебе. Никто не собирается докапываться до тебя или совать нос в твои дела.

Он наклоняется и шепчет мне на ухо:

— Я собираюсь жестко оттрахать тебя позже, — он целует меня в щеку, и я беру две тарелки, наполненные едой, и отношу их к столу.

— Я голоден, — говорит Лукас.

— Ты *всегда* голоден. Ты даже хуже, чем мои дети, — отвечает Айви.

Вэндал приносит остальную часть еды, садится рядом со мной и притягивает мою тарелку ближе к себе.

— Тебе понравится курочка терияки, — говорит он, разрезая ее на мелкие кусочки для меня, как он делает каждый вечер за ужином.

Я честно не знаю, почему он это делает, но чувствую, эта та вещь, о которой не нужно спрашивать. Мы игнорируем пристальные взгляды Лукаса и Айви.

— Кстати, Вэн, я должен уволить Дану, — говорит Лукас, между укусами стейка.

— Кто это, черт возьми? — Вэндал пододвигает ко мне мою тарелку, вся еда на ней разрезана на мелкие кусочки.

Лукас смотрит на брата с неким раздражением.

— Администратор в тату-салоне. Девушка, которая записывает на прием и заставляет людей нам платить.

— Оу. Почему ты хочешь уволить ее?

— Она спит с клиентами.

— И?

— Вэндал, — говорит Айви. — У вас двоих лучшая репутация в стране, как талантливейших художников, и у вашего салона, как у самого чистого и профессионального. Вы не можете выставлять шлюху на передний план.

Вэндал подозрительно посмотрел на Лукаса.

— Ты завалил ее?

Лукас роняет вилку.

— Блядь, нет!

— Как и я. Найми кого-то другого, кто не будет отсасывать нашим клиентам.

— Хороший план, — говорит Айви, и мы улыбаемся друг другу. Думаю, ни одна из нас не хочет, чтобы распутная девушка работала там, где наши мужчины проводят целый день

После ужина Лукас достает из машины скрипку, а Вэндал приносит из дома свою акустическую бас-гитару, и мы сидим на заднем дворе, включив уличные фонарики. Трудно не упасть в обморок от вида сидящих бок о бок братьев: тусклый свет подчеркивает их мускулистые и татуированные руки, а черные, как смоль, волосы спадают на глаза. Лукас поднимает смычок и, закрыв глаза, медленно скользит им по струнам. Скрипка издает очень красивый звук. Я, не дыша, слушаю его. Меня пленило то, как естественно он покачивается, когда играет, будто бы они с инструментом одно целое. Он на секунду делает паузу, и Вэндал начинает исполнять свою партию на басах, глубокий звук проходит сквозь меня. Руки мужчины чарующе двигаются вверх-вниз по струнам, иногда постукивая по деревянному корпусу. Я смотрю, как уверенно Вэндал обращается с инструментом, то же самое он проделывает с моим телом. Лукас вступает снова, и они играют в темном дуэте, представляющим собой сочетание классики и металла. Айви и я зачарованы их музыкой, чувственность и талант парней вводят нас в некий транс. Уверена, девушка не может сопротивляться магнетизму Лукаса, как и я — Вэндала. Я скрещиваю ноги, чувствуя знакомое покалывание между бедер, когда наблюдаю за человеком, которого люблю. Его голова слегка наклонена к гитаре, длинные волосы спадают на грудь, пальцы умело двигаются по струнам. Меня неоспоримо тянет к нему. Я хочу его все больше и больше. Это притяжение невозможно отрицать.

Я не могу представить, какой эффект они производят на фанаток. Должно быть, те просто слюни на них пускают, а их яичники взрываются лишь от взгляда любого из братьев. Вэндал никогда не говорит о группе или планах на будущее, так что мне остается лишь гадать, как нам удастся сохранить отношения. Повлияет ли на них то, что он почти все время проводит или с группой, или в тату-салоне? Я не представляю, как буду чувствовать себя, зная, что целая орда женщин глазеет на него, как они становятся влажными из-за него, предлагают себя и не просят ничего взамен, кроме того, чтобы потом похвастаться, что они переспали с ним. Откажет ли он им и будет верен мне? Или изменит, чтобы быть свободным? Я не смогу делить его с другой.

Наступает ночь, и я ловлю тот самый соблазнительный взгляд Вэндала, которым он одаривает меня, когда хочет. Наверняка я смотрела на него так же, когда следила за его игрой. Ведь я возбуждена и пьяна от его музыки, тем более, смешанной с сексуальностью братьев.

Лукас опускает скрипку.

— Нам пора, — говорит он. — Уже поздно.

— Вы можете остаться, если хотите, — предлагает Вэндал, удивляя меня. — Переночуете в комнате для гостей.

Лукас закрывает футляр для скрипки.

— Хорошо бы, но Томми оставили с няней.

— Ааа... Понятно.

Айви помогает мне убрать со стола, а ребята возятся с грилем и выключают освещение, затем мы все идем к выходу, чтобы попрощаться. Я рада, что Вэндал и Лукас отлично провели время и надеюсь, теперь они станут ближе.

— Пойду, схожу в уборную, — говорит Айви.

— Конечно. Прямо по коридору и направо, — отвечаю я, не уверенная, что она бывала здесь раньше. Вэндал исчезает в другой комнате, чтобы поставить гитару, и Лукас поворачивается ко мне, хватая мою руку и поворачивает запястье. На нем есть красные следы от лент, которые то появляются, то пропадают, из-за того, что Вэндал периодически связывает меня во время наших игр.

— Он тебя связывает? — говорит Лукас тихим голосом.

Я вырываю руку.

— Не твое дело.

Он качает головой.

— Да, согласен. Но ты кажешься милой девушкой. Только будь осторожна. Не хочу, чтобы тебе было больно. Если вы живете вместе, и брат проделывает с тобой подобное, не думаю, что он так просто тебя отпустит.

— А я и не хочу уходить.

Вдруг Лукас пристально осматривает меня.

— Как твоя фамилия?

— Что? — говорю растерянно. — Беннет. Но зачем тебе?

Его лицо бледнеет.

— Я все думал, почему ты выглядишь так знакомо. Ты знаешь меня? Помнишь?

— Эм... ты брат Вэндала. Мы встречались раньше? — я не видела его прежде, думаю, я бы запомнила парня с такой внешностью.

Он открывает рот, но резко закрывает, когда появляется Вэндал.

— Что происходит? — спрашивает он, глядя на нас.

— Вэндал, мы можем поговорить? Это насчет тату-салона, — говорит Лукас.

— Позвони мне завтра. Я устал.

У Лукаса серьезное выражение на лице.

— Нет, мы должны обсудить это сейчас, — он поворачивается к подошедшей Айви. — Я скоро вернусь, детка.

Мы с ней наблюдаем за тем, как братья выходят на задний двор через раздвижные двери на кухне. Лукас сильно сжимает руку Вэндала. Что-то определенно случилось.

— Все в порядке? — спрашивает Айви, выглядя также недоумевающе, как и я.

— Да, наверное, — пожимаю я плечами.

Глава 21

Вэндал

Лукас практически выбегает из дома, таща меня за собой. Как только мы оказываемся снаружи, я вырываю руку из его мертвой хватки.

— Мужик, что происходит? — спрашиваю я.

Он указывает на дом.

— Ты знаешь, кто это?

— Кто? О ком ты говоришь?

— О Табите. Табите *Беннет!*

Он знает.

Он, блядь, все знает.

Я пристально смотрю на него, мое дыхание становится глубже, а сердце начинает биться, как барабан.

— Забудь, Лукас! Иди домой, — говорю холодно.

Он уставился на меня с широко открытыми глазами.

— Забудь!? Вэндал, что ты творишь? Ты в своем уме?

— Как ты узнал, кто она? — требую я, в то время как страх растет в моей груди: вдруг он рассказал ей что-нибудь, пока меня не было с ними. Прямо сейчас она могла быть уже в машине с Айви, чтобы уехать.

Лукас скрещивает руки, а его взгляд устремляется в ночное небо, затем он поворачивается ко мне.

— Я видел ее в ночь аварии, в больнице. Думаю, у нее был шок. Медсестра оставила ее на каталке в коридоре, всю в крови и сильно раненую, прямо рядом со мной. Я ждал новостей о вас. Там был полный хаос.

— Ты же не рассказал ей? — я подхожу к нему ближе. — Сейчас, когда вы были наедине?

— Она даже не догадывается, кто ты?

— Нет, — признаю.

Он пересекает террасу и снова возвращается ко мне.

— Ты не можешь так с ней поступить! *Зачем?*

— Я не специально. Просто встретил ее случайно на кладбище. Она была в полном раздрае, как и я. Она сокрушалась у могилы мужа. Я видел ее не в первый раз и не смог остаться в стороне. Потом все как-то само закрутилось.

— Само закрутилось? — повторяет брат. — Не могу поверить в это. Я думал, тебе становится лучше. Мне казалось, ты счастлив, нашел себе кого-то нормального, но, очевидно, ошибся. Ты до сих пор не в себе. А теперь я еще узнаю об *этом*. Ты сам создаешь себе несчастья, Вэн.

— Я *счастлив*, Лукас, как и она. Посмотрите-ка, кто говорит! Ты не лучше меня. Также облажался.

— Она счастлива, потому что не знает о твоей роли в смерти ее мужа. Вэндал, очнись! — я смотрю в сторону дома, убеждаясь, что девушки не наблюдают за нами из окна. — Оставь это дерьмо! — продолжает Лукас. — И для заметки, я *лучше* тебя. Я никогда так подло не обманывал кого-то... Это жестоко.

— Она любит меня, — произношу я, хотя и понимаю, что это слабое оправдание, так как Лукас прав: я не должен относиться к ней таким образом.

— Плюс ко всему ты связываешь ее, втягивая в свое больное дерьмо! Я видел ее запястья: они все красные.

Я схватил его за горло и прижал спиной к стене.

— Я *не* больной! — но отпускаю его прежде, чем смогу причинить боль. — Ты ничего о нас не знаешь! Она здесь добровольно. Не осуждает меня. Она хочет этого, хочет *меня!*

Он качает головой и опускает взгляд вниз, потирая пострадавшее горло.

— Лукас, не вмешивайся. Ты не понимаешь. Я не могу ее потерять. Никогда до этого я ни о ком так не заботился. Она — все, чего я хотел. Она покорила меня, — он вздыхает и

отступает немного назад. — Я скажу ей, но не сейчас. Ни она, ни я, еще не готовы к этому. Мы просто побудем чертовски счастливыми некоторое время.

— Вэндал, это дерьмо никогда не сработает. Когда она узнает обо всем, то напугается до усрачки. Ты не можешь лгать людям о таком.

— Я *расскажу* ей, но не сегодня. Мне нужно больше времени.

— Для чего? — спрашивает он, вскинув руками.

— Для того, чтобы сделать ее счастливой, показать ей себя настоящего, возможно, тогда она сможет простить меня.

Он безумно качает головой.

— Не знаю, чувак. Это ужасно неправильно. Она хорошая девушка, а ты трахаешь ее разум и сердце. Ты вообще любишь ее?

Я отвечаю ему сквозь сжатые зубы:

— Да, думаю, да.

Он проводит рукой по волосам, так же, как и я делаю, когда растерян.

— Ладно, посмотрим. Я хочу, чтобы ты был счастлив, и ты знаешь это. У тебя в жизни было много дерьма. Тебе нужна такая девушка, как она, любящая и помогающая преодолеть все твои заморочки, как моя Айви и делает. Знаю, каково это. Но ты не можешь причинять боль Табите, Вэндал, — он хватает меня за плечи и слегка трясет, заставляя посмотреть ему в глаза.

— Обещай, что ты скажешь ей в ближайшее время. Если ты действительно заботишься о ней и любишь, то тебе нужно признаться. Рано или поздно она узнает. Ты не можешь прятать ее тут вечно.

— Знаю, — *но я хочу*.

— Можешь сказать ей сейчас, пока мы здесь, — предлагает он. — Это может помочь, будет легче, если мы выступим в качестве буфера, а если она сильно испугается, я подвезу ее домой.

Гнев разгорается во мне, как только я представляю, как он увозит ее подальше от меня в ее темный, одинокий дом, который лишь усилит ее депрессию.

— Нет, блядь. Только не сегодня.

Он раздраженно вздыхает:

— Прекрасно. Я не буду с тобой спорить, у нас был хороший день. Я заметил, что ты и капли в рот не брал, и горжусь тобой. Хотел бы, чтобы у нас было побольше таких дней. Просто подумай о том, что ты делаешь, хорошо? Подумай о *ней*. Ложь приводит еще к большему количеству лжи. Ты сам роешь себе яму. Если она любит тебя, то простит. Может, не сразу, но когда-нибудь. Это ее выбор, а не твой.

Я потираю виски, так как голова начинает пульсировать.

— Знаю, знаю. Пожалуйста, хватит об этом.

— Тебя до сих пор беспокоят головные боли после аварии? — говорит он обеспокоенно.

— Иногда, когда нервничаю.

— Ты должен показаться врачу. Не стоит шутить с травмой головы.

Я отмахиваюсь.

— Все в порядке. Ты должен идти. Девочки, должно быть, волнуются.

— Хорошо, если они подружатся. Айви милая и многих подруг потеряла после расставания с мужем, потому что они замужем за друзьями ее мужа. Она будет отличным другом для Табиты, особенно когда все дерьмо вырвется наружу, и ей нужно будет

поговорить с кем-нибудь.

Дерьмо вырвется наружу.

Например, когда Табита слетит с катушек, узнает, что я врезался в ее машину и убил мужчину, которого она любила больше жизни.

Наконец Лукас и Айви уехали, и я смог добраться до Таби. Я притягиваю ее к себе и грубо целую. Наши языки сплетаются, в то время как я стягиваю кофточку и белый топ вниз, оголяя ее грудь и сжимая. Ее сосок начинает твердеть напротив моей ладони. Опуская голову, я посасываю его, обвиваю языком, покусываю, пока мои руки избавляются от ее пояса и джинсов. Я сдергиваю их вместе с трусиками, одновременно снимаю с нее обувь.

Собрав в кулак волосы, я поворачиваю ее, наклоняю над комодом у входной двери и раздвигаю ноги своими. Я облизываю пальцы, ввожу в ее киску, увлажняя их, и погружаюсь в нее, случайно ударяя головой о стену. Тяну ее к себе за волосы и целую.

— Прости, сладкая, — рычу ей в ухо.

— Ничего, — она отворачивается обратно, тяжело дыша. — Только не останавливайся!

Ее слова вызывают волну чувственного желания во мне, и я толкаюсь в ее мокрую щелку все сильнее и глубже. Я хочу оттрахать ее до потери сознания, кончить в нее, пометить каждый дюйм. Я поворачиваю ее к себе лицом и сажаю на комод, пододвигая ближе к стене. Ее ноги обернуты вокруг моей талии, и она начинает постанывать, когда мой член вновь скользит в ее опухшие, ожидающие складки.

Я сжимаю ее руки вместе, поднимаю их вверх над ее головой и прижимаю к стене. Найдя ее нежные губы, долго и глубоко целую ее. Наши зубы скрежещут друг о друга.

— Можно мне... — она произносит, задыхаясь, у моего рта.

— Что? — я позволяю ее телу немного скользнуть вниз, так я могу войти в нее еще с большей силой.

— Можно мне кончить? — ее голос так сладок, когда она говорит, как шлюха, но голосом ангела. *Я люблю это.*

— Да, дорогая. Прямо сейчас.

И она тут же кончает, потому что всегда делает все, что мне необходимо, и все, о чем я попрошу. Чувство удовлетворения разливается внутри меня и заглушает обвинения Лукаса, отвращение в моем сознании. Она сжимает мой ствол внутри себя, ее соки обволакивают меня. Отпускаю ее руки и ласкаю ее спину, обхватывая попку и прижимая ближе к себе. Она скачет вверх и вниз на моем твердом члене. Ее руки лежат на моих плечах, и она покусывает мою шею, когда я изливаюсь внутри нее.

— Продолжай кусать меня. Я чертовски люблю это.

Разумеется, она делает, как я сказал. Я несу ее к дивану, опускаю на него, развожу ей ноги и толкаюсь обратно. Мы трахались в течение нескольких часов, и когда уже начинает всходить солнце, она полностью истощена, но я не хочу останавливаться.

— Вэндал... пожалуйста, — стонет она, отталкивая меня. — Я больше не могу...

— *Не смей* отталкивать меня. Никогда, — я кладу ее ногу на свою талию и переворачиваю нас на бок.

— Ты трахал меня, не переставая, с тех пор, как твой брат уехал. Все хорошо? Вы подрались или что?

— Нет.

— Он спросил, знаю ли я его.

Мое сердце замирает.

— А что ты?

— Нет. Я бы запомнила его.

— Что ты имеешь в виду, Табита?

Она нервно сглатывает, и я наслаждаюсь проблеском страха в ее глазах.

— Он выглядит по-другому с этими волосами и татуировками, как и ты. Его сложно забыть.

Я смотрю на нее сверху вниз и провожу рукой по бедру.

— Ты думаешь, что мой младший брат горяч?

— Вэндал, вы очень похожи. Если ты считаешь себя горячим, то и твой брат такой же. Я в любом случае не смогу ответить на этот вопрос правильно, — ревность пронзает меня, но я быстро подавляю ее. По крайней мере, она честна. Если бы она начала отрицать влечение к нему, то солгала, и это беспокоило бы меня гораздо больше.

— Он лучше меня. Не связывает Айви и не так жесток в сексе.

Потирая стопой мою ногу, она смотрит мне прямо в глаза и через минуту отвечает:

— Бедная Айви, — говорит она хриплым голосом. — Она не знает, что теряет.

Она притягивает мою голову к себе и нежно целует, дразня, и это сводит с ума.

Мой телефон звонит позже этой же ночью, но я все еще не сплю. Мысли. Я посмотрел на экран: Сидни.

Я скольжу пальцем по экрану и отвечаю:

— Да? — приподнимаюсь немного, все еще обвивая Таби рукой.

— Хэй, ты спишь?

— Не беспокойся. Ты в порядке?

— Да, просто дико занята. Поняла, что если не позвоню тебе прямо сейчас, то вообще забуду это сделать.

Я смеюсь.

— Понимаю. Что случилось?

— В следующую субботу вечером «Сахарный поцелуй» (прим.: с англ. Sugar Kiss — название группы) играет в «Кроличьей норе» (Rabbit Hole). Мы хотим, чтобы ты сыграл с нами некоторые песни Эшес&Эмберс, тем самым потихоньку начнешь возвращаться на сцену. Будет весело, как в старые добрые времена.

Предвкушение растекается по венам от мысли об игре на сцене.

— Черт, было бы круто.

— Так давай.

— Хорошо, Сид. Звучит круто. Пришли мне детали, и я буду там.

— Ну, это было легко. Девчонки будут в восторге.

— Увидимся там.

Я завершаю вызов и лежу без сна еще некоторое время, думая, как прекрасна была бы моя жизнь, если бы я мог играть в Эшес&Эмберс и вместе с этим быть с Табитой. Лукас прав: я должен перестать ей лгать. Каждый день — это еще один гвоздь в гроб. Я тут же решаю, что возьму ее на концерт на следующей неделе, где она чуть-чуть узнает о моей жизни, а затем расскажу ей правду.

Я аккуратно встаю, чтобы не разбудить ее, надеваю штаны и спускаюсь в подвал.

Нахожу, что искал, в дальнем углу. Сев на пол, я открываю коробку и делаю глубокий вздох. Вытаскиваю одеялко и плюшевого мишку, прижимаю их к себе и вдыхаю ее запах.

Блядь, я так сильно по ней скучаю.

Глава 22

Табита

— Сахарный поцелуй? — повторяю я, засунув голову в холодильник. — Я никогда о них не слышала, — закрываю дверь, закидывая виноградинку в рот. Вэндал стоит у стены на другом конце кухни, скрестив руки.

— Серьезно? Ты же девчонка. Тебе такое должно офигеть как нравится. Они ж прямо самая что ни на есть девчачья рок-группа.

— Я уже говорила тебе, что в основном слушаю нью-эйдж, арфы, флейты и все-такое.

— Ну, надеюсь, тебе понравится, если ты придешь. Они мои хорошие друзья. Я знаком с Сидни лет сто. Она тоже играет на басах и заменит меня в группе на несколько недель, пока парни будут в турне. Их группа выступала у нас на разогреве, мы играли вместе на многих концертах много лет, так что мы знаем песни друг друга, — объясняет он.

— Так, в какой группе *ты* играешь? Не помню, чтобы ты говорил мне об этом, — он следует за мной в гостиную и наблюдает, как я пытаюсь отыскать свою электронную книгу, которая всегда пропадает, когда нужна.

— Не имеет значения, — отвечает он. — Я все равно взял перерыв.

— *Мне* важно знать. Хочу записаться в твой фан-клуб.

— Сядь, — говорит он, указывая на диван. — Сейчас же.

Я делаю, как он говорит, и смотрю на него, не понимая, почему он так разволновался.

— Мы говорили об этом, помнишь? Если ты собираешься пойти со мной, тебе нужно быть осторожнее. Пожалуйста, не рассказывай друзьям об этом дерьме и не выкладывай ничего в сети.

— Не буду. Мне просто любопытно, — бормочу я, немного надувшись. — Я горжусь тобой, вот и все. Ты состоишь в известной рок-группе. Ну, якобы, — игриво ему улыбаюсь. — У тебя же есть эти... групи и фанаты?

— Может быть — он сексуально ухмыляется. — Знаешь, что делают фанатки, когда встречаются меня? — Вэндал наклоняется и проводит рукой по моим волосам.

— Что?

— Все, что я им скажу, — его глаза затуманены вожделением. Не хочу думать о его фанатах и групи, вообще о любых женщинах, которые к нему прикасаются.

— Правда?

Его рука скользит ниже и ласкает мою шею.

— Да, как ты к этому относишься? Что ты чувствуешь, представляя, как я трахаю других женщин?

— Меня тошнит от одной мысли, и я... я... ревную.

— Так ты думаешь, что я должен отказаться от этого? От преимущества иметь столько женщин, сколько захочу.

Я киваю и уверенно отвечаю:

— Да.

— Ох, какая же ты жадная, Таби. Хочешь, чтобы я принадлежал только тебе? Верно?

— Да.

Он гладит большим пальцем мои губы, и я ловлю его ртом, смотря ему прямо в глаза. Вэндал наблюдает за мной и слегка вздрагивает. Мне нравится, что я могу влиять на него, так же как и он на меня. Он толкает палец глубже, и я начинаю сосать его сильнее.

— Ты моя плохая девочка, да?

Киваю, он медленно вытаскивает палец из моего рта и облизывает его.

— Встань в позу. Я принесу кое-что.

Я опускаюсь на пол и встаю на колени, ладонями вниз, ожидая его возвращения.

Предвкушение и неизвестность заставляют мое сердце биться чаще, кожа покрылась румянцем.

К счастью, он недолго отсутствовал. Я смотрю, как его ноги пересекают комнату, и он садится на диван.

Он постукивает меня по плечу.

— На колени передо мной, кошечка Таби.

Я поднимаюсь и разворачиваюсь, встав на коленях лицом к нему, между его раздвинутых ног, и не смотрю на него, как он учил.

— У меня есть кое-что особенное для тебя. Посмотри на меня.

Я поднимаю взгляд и вижу, что он держит маленькую черную коробочку.

— Я заказал это для тебя давно, но не знал, когда будет подходящий момент, чтобы отдать это тебе. Кажется, сейчас самое время.

Он достает из коробочки что-то, что выглядит, как браслет с маленькими свисающими подвесками.

— Это браслет-фиксатор. Он означает, что ты принадлежишь мне. Я хочу, чтобы ты всегда носила его на ноге, — Вэндал встает на колени рядом со мной и застегивает украшение на моей лодыжке. Я трясую ногой, и подвески тихонько позвякивают. Мне нравится.

— Вэндал, спасибо, — я наклоняюсь, чтобы поцеловать его, но он выставляет руки вперед и останавливает меня.

— У меня есть еще кое-что для тебя, и для меня это очень важно. Нужно, чтобы ты хорошенько все обдумала прежде, чем принять это.

— Ладно, обещаю, — мое любопытство разгорается сильнее. Что еще он припрятал для меня в этой коробочке?

Его руки слегка дрожат, когда он достает следующий предмет из пурпурной бархатной коробки. Я уставилась на него, осознавая его красоту и особый смысл, который за ним стоит. Это ожерелье из серебра, которое украшено красными кристаллами, скрепленными в цепочку. В центре цепочки расположен серебряный кулон-сердечко с замочком. Он переворачивает его.

— Тут есть надпись, — говорит он с волнением в голосе.

Я шурю, чтобы прочитать мелко выгравированные слова.

«Ты мое сердце. Я твоя броня».

Мое сердце делает кульбит. Я не могу вымолвить ни слова, пока он достает маленький ключик, показывая мне, что замок настоящий. Теперь я знаю, что это. Ошейник сабмиссива. Один из самых главных символов принадлежности и закрепления обязательств между Домом и сабой. Для Вэндала эти обязательства огромны.

Я не могу остановить слезы, наворачивающиеся на глаза и стекающие по щекам.

— Вэндал... — шепчу я. Не знаю, что сказать, более того, боюсь говорить.

— Если ты согласишься, мы перейдем на другой уровень. Хотя у меня и останется возможность иметь любую женщину, никогда не будет никого другого. Я хочу этого только с тобой, Таби. У меня нет ни малейшего желания трахать кого-то еще, и я хочу, чтобы ты была уверена в этом. Ты отдашься мне во всех смыслах, а я буду заботиться о тебе и боготворить. У меня нет никаких сомнений в моих чувствах к тебе. Меня не волнует все это дерьмо, связанное с тем, что мы знаем друг друга совсем недавно, — он перебирает пальцами цепочку в руках. — Я хорошо подумал и решил, что хочу продать свой другой дом, чтобы купить новый, и ты поможешь мне его выбрать. Выберем такой дом, в котором ты будешь чувствовать себя уютно, если, конечно, ты готова к этому. Мы бы сделали отдельную комнату для сцен и игр и студию для тебя. Не знаю, как ты отнесешься к продаже собственного дома, но мы можем поговорить на эту тему позже. Просто имей в виду, что, даже если я не показываю своих намерений, как все нормальные люди, я серьезен.

Мы сейчас находимся на тонкой грани. Не следует путать все это с обручальным кольцом и предложением руки и сердца. Я почти уверена, что мы не можем завести детей или делать вполне обычные вещи для других пар. Наши отношения — это сексуальная и эмоциональная договоренность.

Однако он предлагает мне свою версию «навсегда», и, если быть честной с самой собой, он, вероятно, сделает меня счастливой. Он великолепный, сексуальный, умный, невероятно талантливый, заботливый, веселый и умеет доставлять мне удовольствие. В глубине души я знаю, он будет заботиться обо мне во всех отношениях. А потом я напоминаю себе, что, даже учитывая все это, с ним «навсегда» имеет свой срок годности. Вэндал, может, этого и не понимает, но я — да, и это печалит меня больше всего на свете. Никогда не ожидала, что буду испытывать подобное к нему, так же, как и он. Этот поворот судьбы жесток. Может, это карма, кусающая за зад.

Или мы просто должны быть вместе, и это один из способов. Я помню, что сказала мне старая женщина на кладбище: *«Иногда влюбленность причиняет боль. Словно ты оступился на краю и кубарем катишься вниз, набивая шишки и зарабатывая синяки, пока с замирающим сердцем не остановишься, не уверенная, жива ты или мертва. Если тебе повезет, ты увидишь человека, лежащего рядом с тобой, вы поможете друг другу подняться и пойдете дальше».*

Как она узнала?

— Таби? — он прикасается к моей щеке и выводит меня из транса, мой взгляд фокусируется на нем. — Ты хочешь этого? — спрашивает он, все еще ожидая ответа.

— Ты не даешь мне времени все обдумать, Вэндал.

— Тебе действительно нужно подумать, или ты знала ответ заранее, до того, как я спросил?

— Думаю, *ты* знал мой ответ еще до того, как спросил, отвечаю я ему. — Но поскольку наши мысли сходятся, ответ «Да».

Он оборачивает украшение вокруг моей шеи и застёгивает его на ключик в сердечке. Я тянусь к горлу и прикасаюсь к кулону, пока Вэндал засовывает ключик в карман.

— Спасибо, оно такое красивое.

— *Это ты* красивая, — он берет в руки мое лицо. Его темные глаза так близко. В них плещется надежда и желание. — Теперь я трахну тебя так, как никого раньше, — мое сердце

замирает и начинает учащенно биться.

Взяв меня на руки — мускулистые и татуированные — он несет меня в спальню и аккуратно опускает на кровать на мягкое покрывало. Включенный электрический камин освещает комнату янтарным светом и придает уют. Он медленно стягивает мою одежду и целует каждый освобождающийся участок кожи, соблазняя своими теплыми губами. Когда я остаюсь совершенно голой, он встает и начинает раздеваться, в то время как я с жадностью наблюдаю за ним. Я позволила глазам блуждать по его широкой груди, плоскому, точеному прессу и длинному, толстому члену.

Я могу смотреть на него часами. Для мужчины он невероятно красив. Его волосы спадают на совершенную, гладкую, смуглую кожу. Татуировки двигаются вместе с мускулами, будто живые, они завораживают. Забравшись на кровать, он нависает надо мной и медленно опускается между моих приоткрытых бедер. Он целует меня мягко и нежно, пока его рука, ласково поглаживая, спускается вниз по моему телу. Одной рукой я обхватываю его сзади за плечо, а другой скольжу к его крепкой заднице, притягивая ближе к себе. Я отчаянно хочу почувствовать его внутри себя.

Вэндал убирает волосы с моей щеки и дотрагивается до нее.

— Посмотри на меня, — шепчет он. Открыв глаза, я впиваюсь в него взглядом. — Не закрывай глаза... Оставайся со мной.

Он медленно и нежно толкается внутрь меня. Не думала, что он так может. Мои глаза закатываются в экстазе от глубины его проникновения, и он потирает большим пальцем мое веко.

— Глаза открыты, кошечка Таби.

Его поцелуи становятся глубже, наши языки сплетаются, пока он вколачивается в меня, медленно и чувственно. Я оборачиваю ногу вокруг его талии, прижимаясь к нему еще сильнее. Медленный, размеренный ритм утомляет и вызывает сонливость.

Он занимается со мной любовью в течение нескольких часов, разрушая меня кусочек за кусочком своей новой нежной стороной. Я никогда не ощущала себя такой любимой или обожаемой мужчиной только от страсти его поцелуя, нежности его прикосновения. Это то, чего я всегда желала, даже когда была с Ником. Вэндал сумел затронуть мою душу и похитить сердце.

Ник, прости меня. Я нарушила обещание.

После того, как он уснул, я тихо вылезла из кровати, воспользовалась ванной, а затем пошла в гостевую комнату. Взяв дневник и ручку, я села на кровать и открыла его. У меня не было возможности сделать запись в эти дни.

Вэндал,

Не знаю, куда этот путь приведет нас или какое будущее нас ждет.

Но я знаю, что сейчас, в этот момент, я твоя, а ты мой.

Ты дал мне обещание и держишь его. Я всегда буду тебе благодарна.

Я твое сердце, ты — моя броня, навсегда.

Люблю тебя.

Таби

Я беру Стерлинга и несу его к нам в спальню, забираюсь с ним в кровать к Вэндалу. Стерлинг, мурлыкая, сворачивается клубочком рядом со мной. Хотела бы я уснуть, но меня мучают данные и нарушенные обещания и тайны, перемешанные с ложью.

Глава 23

Вэндал

— Ты такая молчаливая.

Она едва сказала пару слов по дороге на концерт. Я смотрю на нее на пассажирском сидении: она сексуальна, как ад, в подаренных мною узких джинсах, черных туфлях, белом свитере и черном шелковом шарфе с вышитыми белыми розами. Сначала я выбрал для нее платье, но понял, что не смогу удержать руки подальше от нее или внимание других парней в баре, так что джинсы безопаснее. Как обычно, она не осознает, как мило и привлекательно выглядит. Перегибаясь через консоль управления, я беру ее за руку и осознаю, что на ней нет обручального и помолвочного колец. Она носила их каждый день, не снимая, с того дня, как мы встретились, и, даже если это страшно бесило меня, я был не настолько мудаком, чтобы заговорить об этом. Снять их должно было быть ее решением, а не моим. Не могу не задаться вопросом, она сняла их из-за обязательств передо мной или просто из-за уважения ко мне, зная, что меня увидят на публике вместе с замужней женщиной. Не то чтобы меня никогда не замечали с замужней женщиной, но это другое. *Она другая.*

Она улыбается мне в тусклом свете в машине. — Я немного нервничаю. Там будет много народу?

— Нет, это маленькое, частное место. Я отыграю песни три, так что не буду слишком долго на сцене. Лукас тоже приедет, потусуется с тобой.

— Айви будет?

— Нет, они поссорились.

— Ох, нет. Они же не расстались?

Я пожимаю плечами.

— Не думаю. Я уверен, они разберутся. У них есть проблемы, над которыми нужно поработать. Лукас не из тех, кто сдается.

— А ты? — спрашивает она, сжимая мою руку.

— Нет, я не слабак и всегда добиваюсь своего.

Когда мы приезжаем в «Кроличью нору», я достаю с заднего сидения гитару, и вышибала пропускает нас через боковую дверь, чтобы мы могли избежать толпы.

— Хэй, Вэн. Давно не виделись, — говорит вышибала, кивнув головой в знак приветствия. Я не узнаю этого парня, но стучаюсь с ним кулаками, делая вид, будто помню его, пока мы направляемся в зал.

Я останавливаюсь в коридоре перед тем, как мы зайдем в зал, и притягиваю Таби к себе.

— Ты должна знать, я трахнул каждую девушку из «Сахарного поцелуя» в свое время.

Ее рот шокировано приоткрывается.

— Что? Ты мог бы меня и раньше предупредить и сказать об этом не так грубо.

— Это было только развлечение. Между нами не было ничего такого. Но мы все друзья. Я сказал Сидни, что встречаюсь кое с кем, когда видел ее в последний раз. Так что, если девушки будут немного флиртовать, просто игнорируй, хорошо? Они привыкли, что я веду себя определенным образом, и займет некоторое время, чтобы люди поняли, что я изменился.

— Ты мог бы сказать мне раньше. Тебе не будет неудобно?

— Нет.

— А вот мне — да. Они все, наверняка, великолепны, сексуальны и идеальны, не так ли?

Угх, наверное, я должен был рассказать ей правду. Мне тяжело дается быть с ней честным и открытым. Она выглядит так, будто сейчас позеленеет от злости. Или ее стошнит. Скорее всего, и то, и другое.

— Эй, ты же моя Кошечка-Таби? На тебе мой ошейник?

Ее взгляд смягчается, и она застенчиво улыбается.

— На мне, — бормочет она.

— Верно. Ты моя, а я твой. Конец истории, — я целую ее в губы. — И это *ты* прекрасная, совершенная, сексуальная и сладкая. У тебя нет повода ревновать. Я не люблю ревность.

Она причудливо изгибает бровь.

— В самом деле? С каких пор?

Я хватаю ее за руку, игнорируя намек на мои собственные проблемы с ревностью.

— Пойдем.

В VIP-зале многолюдно, но мы пытаемся пробиться в дальний угол через толпу, где висают девчонки. Я останавливался несколько раз по пути, здороваясь, но не отпускал руку Таби и продолжал двигаться после нескольких секунд разговора. Она такая маленькая по сравнению со мной, ей легко потеряться в толпе.

— И он все-таки пришел! — кричит Сидни, когда видит меня. Она вскакивает и обнимает меня, сжимая напиток в руке.

— Привет, Сид.

— Привет, приятель. А кто это у нас тут? — улыбается она Табите.

Я знаю, что Сидни искренне рада, что я обзавелся цыпочкой, и ничуть не ревнует. Она может флиртовать со мной, но наша дружба на первом месте.

— Это Табита. Таби, это Сидни. Она одна из моих старых друзей и отличный басист.

— Приятно познакомиться, — говорит Таби, краснея. Она чертовски очаровательна.

— Рада, что ты пришла. Я бы ни за что не поверила бы, что у Вэндала есть девушка, если бы не увидела собственными глазами. Ты очень красивая, — Сидни пихает меня в бок. — Отличный улов, Вэн. Не отпускай ее.

Я обнял Таби и притянул ближе.

— И не планирую.

Сидни оборачивается и кричит другим девчонкам:

— Эй, дамы! Посмотрите, кто здесь! Наш парень Вэндал со своей девушкой!

Ничто не сравнится с восемью парами глаз, отраженных тобою девушек, которые уставились на тебя, пока ты стоишь рядом с женщиной, в которую влюблен. Это совсем не теплое или приятное чувство. Впервые в жизни я не горжусь тем, что делал. Ну, в данном случае тем, *кого* я отделал.

Все девушки выглядят немного шокированными, а две из них, безусловно, ревнивыми, но они, по крайней мере, все дружелюбны и вежливы с Табитой, которая похожа на олененка в свете фар. Я должен сделать что-нибудь, чтобы помочь ей избавиться от неловкости и показать, как я ценю, что она остается сильной.

Мне уж точно не хотелось бы оказаться в одной комнате с кучей парней, с которыми

она спала. Я бы на ее месте чувствовал себя дерьмово к концу вечера.

Я тяну Таби к дивану у стены, и мы садимся рядом с Рио. У нее длинные, прямые, фиолетово-синие волосы, рваная стрижка и бирюзовые глаза. Вероятно, она самая милая и хорошая из всех девчонок в группе. У нее была привычка таскаться за мной, как потерявшийся щенок, пока мы трахались во время турне.

— Я — Рио, — говорит она Таби.

— Красивое имя. Мне нравятся твои волосы!

Рио просияла.

— Спасибо!

— Рио — барабанщица, — говорю Таби, и она кивает среди громких голосов, окружающих нас.

— Ты тоже музыкант? — спрашивает Рио, Табита отворачивается в сторону, кусая губу.

— Нет, не совсем, — произносит она, наконец.

— Она — фотограф, — отвечаю я за нее.

— Эй, может, тогда ты сможешь пофотографировать нас с девчонками. Нам нужны PR-материалы для наших онлайн-профайлов на сайте. Нам только недавно сказали об этом, около недели назад.

— Я бы с удовольствием. Ты не против? — задает она мне вопрос, и да, меня заводит, что она спрашивает у меня разрешение.

— Конечно, куколка. Мы можем обсудить это. Думаю, было бы здорово.

Они начинают болтать о волосах и прическах, и я расслабляюсь с мыслью, что все может сработать. Может, больше не будет никаких травм и кризисов, которые разорвут мою жизнь на части.

Пока я настраиваю гитару и слушаю их болтовню, думаю о том, что в волосах Таби неплохо бы смотрелась черная или розовая прядь. У меня такое чувство, что у нее есть сумасшедшая творческая сторона, которую подавлял Ник, и которую я хочу открыть в ней.

Девочки играют несколько песен прежде, чем я должен буду к ним присоединиться, так что я усаживаю Таби за маленький столик возле сцены, скрытый от публики. Тут она может спокойно наблюдать за нашей игрой.

Кажется, она уже меньше нервничает и взволнована тем, что будет так близко от всего происходящего.

— Думаю, что фотосессия девчонок — отличная идея, — говорю я ей. — Тебе нужно продолжать это. Я достану тебе контактную информацию Рио и Сидни. На самом деле, еще и с Ашером поговорю о съемке нашей группы.

— Опять же, кто такой Ашер?

— Он мой кузен и, вроде как, основатель группы, в общем, он наш бесстрашный лидер. Мы не особо-то ладим друг с другом, но думаю, ему очень понравится идея с фотосессией.

Улыбка освещает ее лицо.

— Вэндал, ты хоть представляешь, как это волнующе для меня? Я так долго хотела сосредоточиться на карьере фотографа. Это словно сон!

Видеть ее такой счастливой — удивительное чувство. Я видел ее фотографии, они прекрасны. Сидение за столом и ответы на телефонные звонки — пустая трата ее таланта. Поэтому, если я могу помочь ей осуществить ее мечту, я буду делать все возможное для этого.

— Что ж, теперь это реальность. Я знаю кучу моделей и музыкантов, которые, я уверен, будут рады с тобой поработать.

Она смотрит на меня в течение нескольких секунд, а затем качает головой в недоумении.

— Не могу поверить, что это моя жизнь. Я так счастлива, Вэндал. Не думала, что смогу вернуться к ней снова.

— Как и я. И это только начало. Я никогда не верил в «встретишь правильного человека, который изменит твою жизнь», но сейчас чувствую себя как ебанные счастливчики с рекламных плакатов.

Она откидывает голову назад и заливисто смеется, ее глаза сверкают в свете софитов, а волосы подпрыгивают у лица. *Я люблю эту цыпочку.*

Я должен рассказать ей.

— Что смешного?

Мы оба оборачиваемся при звуке голоса Лукаса.

— Привет, чувак. Рад, что ты пришел.

— Это какой-то зверинец. Девчонки становятся еще популярнее.

— Да, они озорные. Берегись, если они тебя увидят, могут и на сцену вытянуть.

Он делает глоток пива.

— Ни одного гребаного шанса. Не сегодня. Я здесь просто, чтобы послушать.

Он поворачивается к Таби.

— Тебе весело? Выглядишь превосходно.

— Да, спасибо. Девушки кажутся милыми, и мне действительно нравится их музыка.

— Она любит нью-эйдж, — сообщаю Лукасу, подталкивая ее к себе.

— В этом нет ничего такого, — Лукас встает на ее защиту. — Я слушаю его, когда хочу расслабиться.

— Видишь? — говорит она. — Тебе бы тоже понравилось, Вэндал. Я дам тебе потом послушать музыку, сохраненную у меня в телефоне.

— Вруби ему какую-нибудь индийскую флейту, пробуди в нем его внутреннего индуса, — дразнит Лукас.

— Да, да. Ты смешной, — бормочу я.

Сидни на сцене берет микрофон.

— А у нас сегодня специальный гость, который сыграет несколько песен с нами! — кричит она.

Толпа взрывается. Я хватаю свою бас-гитару и быстро целую Таби.

— Оставайся здесь с Лукасом, хорошо? Не уходи. Тут везде полно пьяных идиотов.

— Это мой хороший друг Вэндал чертов Валентайн из «Эшес&Эмберс»!

Толпа ревет, когда я поднимаюсь на сцену. Какое классное чувство — вновь оказаться перед публикой. Сидни встречает меня поцелуем в щеку, что заставляет кричать толпу еще громче. Я насмешливо кланяюсь.

— Мы сыграем несколько каверов на ваши любимые песни «Эшес&Эмберс», ребята!

Я начинаю играть вступление одной из самых наших тяжелых песен, и девушки идеально вступают. Сидни играет рядом и одновременно со мной. Должен сказать, она хороша. Она будет великолепна в туре с «Э&Э», я даже злиться на нее за это не могу.

Если честно, я мог бы отправиться в этот тур, так как не пил уже несколько недель, но

сейчас лучше оставить все, как есть, пропустить тур и сосредоточиться на завоевании и удержании Таби в моей жизни. Не думал, что буду чувствовать подобное к женщине, но, блядь, это так.

Девушки резвятся на сцене в сексуальных нарядах, заигрывая со мной на радость толпе, я лишь ухмыляюсь.

Я никогда не был заводилой толпы, как Шторм, который любит играть и взаимодействовать с толпой. Я просто хочу, чтобы звуки моего баса затерялись в музыке и движении моря людей. Меня называют тихим, задумчивым и темным участником «Э&Э», но мне плевать. Мне это нравится.

Я смотрю в сторону от сцены и вижу, как Джилл разговаривает с Таби и Лукасом. Джилл — чертова групи на стероидах, которая все время трется около «Э&Э» и как бы пытается организовать нас на концертах. Она также большой фанат «Сахарного поцелуя». Мы все виновны в том, что трахали ее, но одержима она всегда была Штормом. Она начала тяжело пить после того, как Шторм начал встречаться с Эви, и выглядит уже хорошенько принявшей на грудь, даже с того места, где я стою. Мне не нравится, что она находится рядом с Табитой, тем более, когда пьяна, потому что Джилл — безжалостная сука, любящая причинять людям боль и вызывающая лишь одни проблемы.

Естественно, в следующий раз, когда я поворачиваю голову: Таби расстроена, а Лукас о чем-то спорит с Джилл. *Блядь.*

Я стараюсь игнорировать все, что там происходит, и сфокусироваться на удовольствии от выступления с этими девчонками, которые от простой гаражной группы доросли до суперзвезд. Не говоря уже о том, что не знаю, когда мне снова придется выйти на сцену. Хочу насладиться этим моментом, а не беспокоиться о дерьме, затевающимся Джилл.

После еще нескольких песен Сидни тащит меня к микрофону в центре сцены.

— Могу ли я получить огромное спасибо для Вэндала Валентайна за то, что он присоединился к нам сегодня!?

Публика ревет и прыгает вверх-вниз. Я показываю знак мира и ухожу со сцены, чтобы найти Лукаса, сидящего в стороне в одиночестве. Передаю гитару одному из работников сцены.

— Парень, можешь положить мой бас в футляр. Он в VIP-зале, рядом с софой.

— Ад, конечно. Хорошее шоу, кстати. Не могу дождаться вашего тура.

— Спасибо, — отвечаю рассеянно и обращаюсь к Лукасу: — Где Таби? Джилл ей что-то сказала?

Лукас нервно оглядывается.

— Думаю, она в ванной. Джилл пришла сюда пьяная и задавала ей глупые вопросы о том, где вы встретились, сказала, что ты мудака и трахал все, что движется.

Я ударил кулаком по столу.

— Эта гребаная шлюха! Какого черта?

— Она также подняла вопрос об аварии.

— Джилл знает, кто такая Таби?

— Нет, она лишь сказала, что ты врезался в другую машину несколько месяцев назад, убил свою дочь, друга и парня за рулем другой машины, и что был пиздец в каком беспорядке с тех пор. Таби очень расстроилась, я пытался остановить Джилл, но ты же знаешь ее. После того как начнет, ее невозможно заткнуть.

— Чертова сука! — Меня моментально охватывает ярость, я хочу задушить эту тварь. Я

провожаю рукой по волосам. — Мне нужно найти Табиту. Почему ты позволил ей уйти?

Лукас смотрит на меня, будто я сошел с ума.

— Что ты хочешь от меня? Я не могу помешать ей пойти в ванную.

— Джилл пошла за ней? Где она, черт возьми?

— Не знаю. Вот это я и имею в виду, Вэн. Ты не сможешь лгать ей всю жизнь. Не можешь продолжать держать это в тайне. Ария подкупила многих людей, чтобы они обо всем молчали, очевидно, Джилл не была одной из них. Она всегда трется около группы, Вэндал, ты знаешь это. Она была на нескольких репетициях и концертах, так что она должна была быть там, когда этот вопрос обсуждался, но никто не обратил на нее внимания. Теперь она пьяна и открывает рот. Это ваш первый публичный выход с Табитой, а спустя всего час у вас уже неприятности. Скажи ей проклятую правду!

— Я понял, ладно!? Я должен найти Таби. Не хочу, чтобы она бродила тут расстроенная.

Я нахожу ее в коридоре у туалета вместе с Джилл. Я прибавляю шаг и быстро встаю между ними.

— Что, твою мать, здесь происходит? — требую я, мой взгляд впивается в Джилл.

— Я рассказываю твоей маленькой подружке все о тебе. Кто-то же должен предупредить ее.

— Серьезно? Думаешь, если отсосала мне пару раз, то все обо мне знаешь? — повышаю голос. — Ты шлюха и пьянчушка. Даже не знаешь, блядь, о чем говоришь.

Таби прикасается к моей руке.

— Вэндал, пожалуйста...

— Рене была одной из моих лучших подруг. Ты ведь не догадывался, Алекс? — оскорбляет она.

Мой желудок сжимается. Я понятия не имел, что Джилл дружила с Рене. Может ли мир быть еще теснее?

Я наклоняюсь ближе к Джилл.

— Нет, не думаю, что у тебя было много друзей, ведь ты злобная сука! — лаю я ей на ухо.

— По крайней мере, я не убийца, — бросает она мне в лицо.

Я ударяю кулаком по двери рядом с головой Джилл, и она подпрыгивает.

— Заткни пасть, тебе лучше держаться подальше от моей жизни и моих близких. Ты сблизилась с группой через трах, иди и найди себе новых жертв. Завтра с тобой свяжется мой адвокат и выдвинет обвинение в преследовании.

Я хватаю руку Таби и тащу ее вниз по коридору.

— Беги, пока есть возможность, маленькая девочка! — кричит Джилл нам вслед.

Я так зол, что даже говорить не могу. Таби не говорит ни слова, вися на моей руке, пока мы забираем наши вещи и отправляемся на стоянку. Я открываю дверь со стороны пассажира, усаживаю девушку, обхожу вокруг машины и сажусь на место водителя. Боюсь спросить, что она знает и что Джилл сказала ей.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, когда мы проехали несколько миль. Не могу выносить больше этой тишины. Она кивает, но по-прежнему молчит. *Блядь.*

— За исключением этого происшествия, тебе понравился концерт?

Никакого ответа.

Я пытаюсь зайти с другого угла.

— Ответь мне, Таби. Ты не будешь меня игнорировать.

Она сглатывает, смотря в лобовое окно.

— Да, «Сахарный поцелуй» очень хороши. А ты... — она делает паузу, и я вижу, как ее глаза закрываются. — Ты потрясающий. Так красиво смотришься на сцене. Твое выступление очень... сильное.

Таби снова открывает глаза, и я вижу мерцающую слезу в уголке ее глаза.

— Мне понравилась тяжелая музыка, которую ты играл вместе с девчонками, но, когда вы с Лукасом в ту ночь играли акустические мелодии, было красиво и душевно. Я полюбила их. Как будто у тебя две стороны, — ее голос немного дрожит в конце.

Она знает.

Ни один из нас не говорит за все оставшееся время на пути к дому. Тишина сводит меня с ума. Я хочу заставить ее говорить, но боюсь того, что она скажет. Мои мысли мечутся от незнания того, что она поняла, что собрала воедино, до чего догадалась. Знаю, что бы она ни сказала, когда, наконец, заговорит, я все заслужил, и мне нужно все принять, независимо от того, насколько это плохо.

Оказавшись внутри дома, она садится на кресло в гостиной. Не на диван как обычно, где я мог бы подсесть к ней, а на одинокое кресло. Не помню, чтобы я когда-либо сидел в нем, но знаю, что буду ненавидеть один его вид с этого дня.

— Она назвала тебя Алекс, — говорит она, прерывая затянувшееся молчание.

— Знаю, меня усыновили в пять и мне изменили имя. Приемным родителям не понравилось имя Вэндал. Они посчитали его странным.

Ее голос напряжен от волнения, и она смотрит на свои руки, сложенные на коленях.

— Пожалуйста, скажи мне, что это лишь совпадение. Наши несчастные случаи произошли в один месяц. Водителя, который врезался в нас, звали Алекс. Плач маленькой девочки. Ты потерял дочь. Наша встреча на кладбище. Все твои тайны, — она смотрит на меня умоляюще. — Скажи, что ты не знал.

Я сажусь на диван и снимаю куртку, от упоминания плача маленькой девочки появляется боль в груди, и голова начинает раскалываться. *Моя Кэти.*

— Иди сюда.

— Нет.

— Таби...

С глубоким вздохом она пересекает комнату и встает на колени передо мной, так как она делала сотни раз, и, вероятно, больше никогда не будет.

Я поднимаю ее голову за подбородок и заглядываю в голубые глаза, которые светятся уже не так ярко, как сегодня утром.

— Это был я, — говорю мягко. — Я был водителем того автомобиля.

Ее тело начинает дрожать, слезы хлынули из глаз, скатываясь по щекам.

— Как давно ты знаешь? — всхлипывает Таби.

— Со дня на кладбище. Честно, еще до этого.

Она обхватывает голову руками.

— В результате аварии погиб мой муж, Вэндал. Я чуть не умерла. И ты допустил, чтобы я сидела здесь и ревела, ты никогда не собирався рассказывать мне об этом.

— Знаю, я должен был тебе рассказать.

— Ты заставил меня говорить о Нике. Христос, ты даже расспрашивал о сексе с ним. Как ты мог, зная, что посодействовал его смерти? Ты прикасался ко мне. Ты осознаешь, как

это больно? Разве ты не чувствуешь вину за то, что сделал? — она качает головой, слеза падает на пол, растворяясь. *Как и мы.*

Я опускаю голову, понимая, что она права.

— Да. Ты права. Это ужасно и для меня, мне очень жаль.

— Это все, что ты можешь сказать? Ты *сожалеешь*? — она дает мне пощечину, и я замираю в шоке, потирая щеку. Через несколько секунд я поднимаю глаза, чтобы встретиться с ней взглядом.

— Да, я *действительно* сожалею. Ты не представляешь, как я сожалею. Я не думал, что делаю. Я увидел тебя на кладбище и не смог забыть. Я ненавижу себя за то, что погубил столько жизней, включая твою. Ты была счастлива и любила, а я все испортил, — я подыскиваю правильные слова, но они никак не приходят. — Думал, получится вернуть это тебе, сделать все лучше.

— Лучше для кого? Для себя? Избавиться от чувства вины?

— Лучше для нас обоих. Чтобы мы прошли через это не в одиночку. Хотел, чтобы ты улыбалась так же, как на твоих старых фотографиях. Я хотел знать, каково это быть причиной твоей улыбки, а не страданий.

Я ненавижу себя сейчас еще больше чем раньше, и это говорит о многом. Не знаю, как бороться с этим или как оправдать себя. Мне никогда не приходилось этого делать. Никогда не было причины для этого. Я не знаю, как логически объяснить свои действия, ведь раньше в них не было логики. Я просто *делал то, что хотел*. Она не сможет понять мое поведение, ведь я сам не понимаю.

Она смотрит на меня, не моргая, в течение длительного времени. Похоже, она в шоке. Я теряю ее, я понимаю это, но не знаю, какие слова подобрать, чтобы исправить это. Знаю, как выразить это физически, но в данном случае это не сработает.

— Мой муж погиб. Что ты делал, когда врезался в нас? Был пьян? Зажимался с девушкой? Я должна знать, что случилось. Писал на телефоне сообщение? Дочь отвлекла тебя? Скажи мне! — требует она.

— Нет... ничего из этого. Я уснул. Я был истощен и не должен был садиться за руль. Клянусь, это правда, Табита. Я никогда не пил, когда садился в машину с Кэти, не зажимался девушкой, не писал сообщения.

Она уставилась на меня, не моргая, слезы продолжают капать из ее глаз.

— Так трудно оставаться в сознании за рулем? — плачет она. — Нормальные люди не водят машину в таком состоянии, да еще и по темной горной дороге.

— Я знаю, но нужно было отвезти Кэти домой. Ее стерва-мать угрожала мне, — я хватаю ее за руки. — Пожалуйста, Таби, послушай меня...

— Угрожала тебе? — она выдергивает руки. — Как? *Чем*? Что может быть настолько ужасным, чтобы рисковать жизнями других невинных людей?

Все, что я сказал, правда, но ее недостаточно. Это была ошибка, с которой я собираюсь жить вечно.

— Она угрожала подать в суд за нарушение расписания посещения. Я лишился бы родительских прав, — отвечаю я.

— Так, потому что у вас, двух идиотов, был ребенок, недостаточно зрелых для того, чтобы общаться, мой муж должен был умереть. Замечательно, — она встает и начинает ходить по комнате, останавливаясь, чтобы посмотреть на статую волка на полке над

камином.

— Он не единственный, кто умер. Я потерял дочь. Ей было всего пять.

Она оборачивается и холодно смотрит на меня.

— И давай не будем забывать о шлюхе на пассажирском сидении.

— Достаточно, — говорю я, вставая. — Прости меня. Это все, что я могу сказать. Я прошу прощения за все. Я сожалею о Ники, о Рене и о Кэти, — я поднимаю ее за подбородок, заставляя посмотреть на меня. — Прости, что причинил тебе боль.

Новые слезы покатались из ее красных, опухших глаз.

— Я призналась тебе в любви, Вэндал. Я была уверена в этом. Ты *ни разу* не говорил мне этого. Как ты думаешь, я чувствую себя по этому поводу на фоне всего остального? Виноватой и еще более одинокой, чем раньше.

— Ты не одинока, Таби. Я все еще здесь, — я притягиваю ее в объятия, надеясь успокоить.

— Я сейчас так растеряна, что даже не знаю, что чувствовать. Я ненавижу тебя за смерть мужа и за то, что люблю, — она отходит подальше от меня. — Я не хочу, чтобы ты прикасался ко мне.

— Я обязан иметь возможность прикоснуться к тебе, когда захочу. Ты обещала. Позволь мне держать тебя. Пожалуйста.

— Нет, — говорит она, отступая. — Почему ты можешь прикоснуться ко мне, но не можешь сказать нужных слов? Что с тобой не так?

Если бы я только знал ответ на этот вопрос.

Я медленно качаю головой.

— Не знаю, — признаю я. — Но что бы со мной не случилось, ты делаешь это легче и лучше. Вот *это* я знаю.

Взгляд ее глаз говорит обо всем. Я больше не вижу в них любовь или заботу.

Только боль и сожаление.

Глава 24

Табита

Вэндал выглядит разбитым, и должна признать, часть меня довольна этим. Я хочу видеть, как он страдает. Все же не сильно, но хотя бы чуть-чуть. Он не сможет остаться невредимым. Я не позволю ему. Раз уж у меня останутся шрамы, то и у него тоже.

— Просто потому что я прежде не говорил этого, не значит, что я ничего к тебе не чувствую, Таби. Эти чувства важны для *меня*, так как я никогда раньше не любил ни одну женщину. Они для меня были лишь объектами желания, и я не мог изменить своего отношения к ним. Я руководствовался лишь своими желаниями.

Сделав глубокий вдох, он встает передо мной так, что мне приходится посмотреть на него.

— Любовь пришла к тебе легко. Ты сама мне говорила. У вас с Ником были счастливые, легкие отношения с радугой и единорогами, без какой-либо чертовой боли, лжи и борьбы, — он тяжело сглатывает. — У меня никогда этого не было и не будет. Я не простой человек и ты тоже, нравится тебе это или нет. Мы изменили друг друга. Ты сделала меня лучше, и, наверное, я сделал тебя хуже, но я *действительно* люблю тебя. Единственным известным мне способом, — его голос становится ниже, и он касается моей щеки. — Я никогда не

говорил о любви никому, кроме Кэти. Пожалуйста, не лишай меня этого.

Господи, ненавижу то, как просто он может перевернуть все во мне вверх дном. Несмотря на то, что быстро я возвела стены вокруг сердца, чтобы защитить его от Вэндала, он уже сумел разрушить их, обнажить мою душу, заставляя вновь увидеть человека, которого я люблю со всеми его недостатками.

Я вздыхаю всем телом, кладу свою руку поверх его на моей щеке, позволяя ей остаться там ненадолго, прежде чем отталкиваю ее.

— Я не знаю, что ты сделал со мной, Вэндал, — говорю я мягким голосом уже без ненависти. — Как я могу отличить желание контролировать от любви? Вот, что ты делаешь: управляешь, манипулируешь и доминируешь. Ты заиклен на этом. Это и есть ты. Ты контролировал мое тело и мысли. Заставил меня хотеть и нуждаться в тебе. Не знаю, заставило ли все это меня любить тебя, — мой голос дрожит, я задыхаюсь, с трудом сглатывая ком в горле. — Как я пойму, что это настоящая любовь? Может, у меня крыша поехала от того, что я была твоей сабой. Я отдавала тебе каждую частичку себя и была полностью поглощена тобой. Не отрицаю, что хотела и наслаждалась этим. Я пошла на это добровольно, — произношу, смотря в его глаза, полные боли. — Этот образ жизни привлекал меня, и как только ты меня с ним познакомил, я сразу же захотела подобного. Но сейчас мне интересно, любила ли я тебя или все-таки нет. Разве ты не видишь? Я вряд ли могу доверять собственным чувствам.

Он выглядит напуганным, когда с широко открытыми глазами резко хватается меня за руки.

— Конечно, ты можешь доверять своим чувствам. Сердце никогда не лжет. Бабуля сказала мне это, и она чертовски права. Я никогда не манипулировал твоим сердцем, Таби. Ты знаешь это. Даже наоборот, всячески старался не затрагивать его.

— Знаю. И это ранит еще больше. Ты не хотел моей любви. Не хотел любить меня.

Он качает головой, отчего его волосы падают на лицо.

— Ты права. И это должно сказать тебе кое о чем, блядь, очень важном. Мы полюбили друг друга, хотя ни один из нас не хотел этого. Это по-настоящему, Таби. Мы не можем отрицать этого.

Я скрещиваю руки на груди, стараясь казаться уверенной и не показывать слабину.

— Я была в депрессии и суицидальном настроении, когда встретила тебя на кладбище. Я прощалась с ним в тот день. В выходные я планировала убить себя. Звучит драматично, но вот, о чем я думала, — теперь я смущена тем, как сильно меня тогда затянуло в депрессию. — Тогда ты и появился, а я сказала себе: «К черту! Может, этот пугающий парень убьет меня и избавит от хлопот?».

— Таби...

— Но потом я увлеклась тобой. Мне понравилось, как ты заставлял меня себя чувствовать. Я любила опасность, исходящую от тебя. Затем ты прикоснулся ко мне и пробудил что-то внутри. Не знаю, как объяснить это. Все случилось так быстро, будто бы перещелкивали переключателем, и это казалось лучше, чем быть мертвой.

Он кладет руки мне на плечи, вынуждая посмотреть на него. Не хочу, но у меня нет выбора, поэтому я смотрю ему в глаза.

— Детка, я не планировал ничего из этого. И не думал, что встречу с тобой когда-нибудь лично, но после того, как это произошло, я захотел услышать твой голос, увидеть улыбку, почувствовать твои прикосновения. И с тех пор как привел тебя сюда, я чувствовал,

что ты все, чего я желал, и знал, что могу заставить тебя забыть все дерьмо и сделать счастливой хотя бы на короткое время, — он наклоняется немного вниз, убеждаясь, что я продолжаю смотреть в его глаза. — Я никогда не хотел причинить тебе боль. Все, о чем я мечтал, это чтобы ты была счастлива и в безопасности, а также чертовски сильно любила меня.

Я снова тону в его глазах, замороженная его словами, но не хочу этого сейчас. Я освобождаюсь из его захвата и создаю пространство между нами.

— Позволь спросить у тебя кое-что, Вэндал. Это все было из-за чувства вины? Я не перестаю думать о том, что, проводя со мной время, ты избавлялся от мук совести, — он следует за мной через всю комнату, загоняя в угол.

— Таби... нет, — он качает головой и ударяет кулаком по стене. — Да, я чувствовал себя виноватым, но хочешь узнать правду? Я ревновал. Я говорил тебе. Я видел, как сильно ты любила мужа. Видел твой профиль в интернете, счастливые посты, фотографии и подобное дерьмо... потом заметил тебя, рыдающую над его могилой и почувствовал себя ужасно виноватым, потому что все это моя вина. Я захотел сделать что-то хорошее для тебя, да и к тому же ревновал. И если это делает меня больным, мне все равно, — он удерживает ладонями мое лицо, не давая отвести взгляд. — Сильнее всего я хотел *тебя*. Только для себя. И все. Просто хотел, чтобы мы были вместе, — слезы в его глазах, лицо полное боли и страдания — мне очень тяжело видеть его таким. Мое сердце раскалывается все больше с каждым его словом, не знаю, сможем ли мы пережить это и снова быть вместе.

— Я все еще хочу этого, Таби, — шепчет он. — Хочу нас.

— Я не понимаю, что такое «мы», — от этих слов в его адрес мое сердце разрывается почти в клочья, но это правда. Я еще больше потеряна и запутана, чем при нашей первой встрече. Я больше не могу играть в эти игры.

— Мы — то, чем всегда были. Ничего не поменялось. Ты — до сих пор ты, а я — до сих пор я. Я хочу всего, о чем мы говорили.

Я убираю его руки с моего лица.

— Ты тот, кто убил моего мужа, — говорю я медленно. — Вот, кто ты для меня. Как, черт возьми, я должна жить с этим? Как я могу смотреть на тебя?

Еще больше боли окутывает его глаза. У меня появляется сильное желание утешить его, но я твердо стою на своем. Не могу двинуться и прикоснуться к нему. Даже не могу посмотреть ему в глаза.

— Я знаю, что я сделал. Я также убил подругу... и дочь. Самое ценное в моей жизни. Я живу с этим каждый день. Я едва могу смотреть на себя, — он закрывает глаза и опускает голову. — Моего извинения никогда не будет достаточно, Табита. Они умерли. Если бы все можно было вернуть и изменить или позволить им остаться в живых, а самому умереть, я бы сделал это, не задумываясь.

Я моргаю, отгоняя слезы. Не хочу больше плакать и чувствовать боль. Я снова переполнена горем и вдобавок ко всему сожалею. Не уверена, что смогу пройти через это еще раз. Только не без него: моей опоры.

— Вэндал...

— Без тебя я не хочу жить, Табита. Вот, что я чувствовал, когда мы встретились. Я, как и ты, хотел умереть. Я медленно убивал себя. Все время пил, принимал наркотики, резал и мучал себя. Меня выгнали из группы. Моя жизнь была разрушена, и меня это нихера не

заботило, — он приподнимает пальцем мой подбородок, заставляя посмотреть на него. — Моя дочь была солнцем в моей жизни. Она освещала мои дни. И я потерял ее. Но ты... ты стала луной и звездами в моих темных ночах. Твоя любовь, как огонь, проникающий мне в душу. Я не могу потерять и тебя.

Я тянусь к его руке и переплетаю наши пальцы вместе.

— Я правда люблю тебя, Вэндал. Ты стал моим миром. Я просто не могу жить с этой виной сейчас. Мне нужно немного времени. Пожалуйста. Мне действительно нужно выбраться отсюда. Я возьму твою машину и поеду домой. Ты можешь забрать ее завтра, — опускаю его руку и быстро отхожу от него.

— Что? Нет! — он хватается меня за руку. — Не уходи!

Я отстраняюсь от него, беру сумочку, ключи от его машины и свой телефон. Все вышло из-под контроля и зашло слишком далеко. В этом есть и его вина, и моя.

— Табита, это твой дом, — говорит он отчаянно. — Ты не можешь уйти. У нас есть соглашение. Ты забыла?

Я уставилась на него снизу-вверх, прекрасно зная, какую карту он пытается разыграть.

— Ты всегда говорил, что я могу уйти, если захочу, — напоминаю я ему. — Я должна сказать стоп-слово, чтобы сделать это? *Красный*. Доволен? — произношу я твердым голосом. — Все заканчивается прямо сейчас. Все.

Его рот открывается, а глаза расширяются.

— Не делай этого, — он встает и начинает метаться по комнате, как дикий зверь в клетке, зарывая руки в волосы. — Ты не знаешь, что делаешь. Просто останься здесь, и мы поговорим.

— Нет, я не могу сделать этого. Я уйду. Хочешь, чтобы я вернула ожерелье? Дай ключ, и я сниму его.

Он смотрит на меня в ужасе при одном упоминании, что я сделаю это.

— Таби, это не обычное расставание. Может быть очень много эмоционального ущерба, когда разрываются отношения Дома и сабы. Ты понимаешь это, правда? Мы ответственны друг перед другом, у нас есть общее обязательство и соглашение, которое мы заключили, когда все это начали, — он перестает шагать и останавливается передо мной. — Пожалуйста, не снимай ожерелье. Ты должна знать, как много для меня значит то, что ты его носишь. Сняв его, ты говоришь мне, что между нами кончено все и навсегда.

— Прекрати! — кричу я, пугая нас обоих. — Я уйду. Пожалуйста, если ты любишь меня, позволь мне уйти. Я должна быть подальше от тебя. Ты не понимаешь, что все это делает со мной. Мне нужно подумать.

Он в поражении падает на диван и кладет голову на руки.

— Я люблю тебя, Таби. Если тебе нужно уйти, тогда иди. Просто, блядь, иди.

Я направляюсь к двери, а Стерлинг гонится за мной, и мое сердце опять замирает, когда он останавливается рядом и поднимает мордочку. Я нагибаюсь и почесываю мягкий мех у него под подбородком.

— Пока, мелкий. Я буду сильно скучать по тебе и по тому, как ты сворачиваешься клубочком, — он трется головой о мою руку, мурлыча.

— Тогда не оставляй нас, — бормочет Вэндал с дивана, его голова все еще опущена вниз.

— Мне жаль. Мне так жаль, — я выбегаю за дверь, захлопывая ее за собой. Я не

оборачиваюсь.

Когда я открываю гараж и сажусь в машину, слезы вновь начинают литься в полную силу. Все то время, пока еду вниз по улице, знаю, что Вэндал до сих пор сидит на диване и борется с желанием напиться.

Я потеряла все. *Снова.*

Глава 25

Вэндал

Сердце стучит в два раза чаще обычного, голова пульсирует, руки дрожат, когда я вваливаюсь в ванную комнату и нахожу свой «Валиум». Приняв несколько таблеток, достаю упаковку новых лезвий, которую я недавно купил. Зажимаю одно из них в зубах и стягиваю джинсы, а затем медленно провожу лезвием по бедру. Мои глаза закрываются, и я выдыхаю, в то время как кровь стекает вниз по ноге и капает на пол. Запах ее шампуня и духов просачивается в меня, и я упиваюсь этим ощущением.

Роюсь в карманах джинсов в поисках телефона и звоню ей. Я никогда прежде не делал этого, но я рад, что стащил ее телефон, пока она спала, заполучил ее номер и добавил ей в контакты свой. Вдруг произошло бы нечто подобное.

Гудки и гудки. Голосовая почта.

Набираю снова.

Гудки. Гудки. Гудки. Гудки. Голосовая почта.

Блядь!

Я отправляю сообщение:

«Ответь на звонок. Ты все еще принадлежишь мне».

Перевязываю ногу и смываю кровь с пола. Откинувшись на спинку дивана, я вновь перезваниваю. *Гудки. Гудки. Гудки. Гудки. Голосовая почта.*

Блядь! Мне нужно услышать ее голос. *Настоящий* голос, а не эту счастливую подделку на голосовой почте.

Я звоню ей без перерыва в течение часа. Меня клонит в сон из-за «Валиума», но я стараюсь бороться с сонливостью. Я должен поехать за ней, но она забрала мою машину, а на мотоцикл при таких темных дорогах и напичканный «Валиумом» я не сяду. Может, попросить Лукаса отвезти меня к ее дому? Я быстро набираю его.

— Хэй, — отвечает он.

— Лукас... она ушла. Ты должен отвезти меня к ней. Она взяла мою машину.

— Что?

— Эта гребаная шлюха сказала ей, что я участник аварии. Таби расстроилась и ушла. Взяла мою машину и на телефон не отвечает. Я звонил ей на протяжении часа.

Он вздыхает.

— Вэндал, послушай меня. Ты должен дать ей время. Если приедешь туда и будешь давить на нее, станет только хуже.

— Мне, блядь, нужно поговорить с ней!

— Знаю, но ты должен дать ей успокоиться сперва. Доверься мне: у меня больше опыта в этом, чем у тебя. Пусть она успокоится. Женщины не любят, когда их торопят или

загоняют в угол, тем более, если они злятся.

— Мы были чертовски счастливы, Лукас. Теперь она меня ненавидит. Она не могла даже смотреть на меня, — я растираю пальцами виски, голова кружится. Я просто хочу вернуть ее обратно.

— Вэн, уверен, она не ненавидит тебя. Лишь расстроена. Подумай, как трудно ей это принять. Если ты начнешь преследовать ее, она начнет убегать еще быстрее.

— Блядь! — кричу, находясь в полной растерянности. Я ненавижу его за то, что он такой спокойный и рациональный.

— Вэндал, успокойся. Ты ничего не можешь сделать, отпусти ее на время. Поверь мне. Не делай хуже. Ты потом пожалеешь об этом.

— Я не смогу справиться с этим. У нее моя машина, — повторяю. — Я должен буду ее забрать.

— Ладно. Не волнуйся. Когда Таби будет готова, мы заберем машину. Я отвезу тебя, а сейчас посмотри фильм или музыку послушай и ложись спать. Хорошо?

— Ты думаешь, она вернется? Или я слишком сильно облажался?

Он колеблется, прежде чем ответить мне.

— Ну, ты реально охуенно попал, но если она любит тебя, а я думаю, что так оно и есть, то вернется. *Если* ты дашь ей время.

— Хорошо, — бормочу я сонно.

— Позвони мне завтра. И, кстати, прекрати ей названивать.

Я завершаю вызов.

Дерьмо. Черт.

Отправляю Таби другое сообщение:

«Пожалуйста, дай мне знать, что ты в порядке».

Через несколько секунд, мой телефон гудит.

Т.: *Я дома, все хорошо.*

В.: *Вернись. Позволь обнять тебя и все исправить.*

Т.: *Пожалуйста, перестань...*

В.: *Не могу. Ты нужна мне, а я — тебе.*

Т.: *Я напишу тебе завтра, и ты сможешь приехать за машиной. Спокойной ночи.*

— Пожалуйста, не устраивай сцен в ее доме, ладно? — наставляет меня Лукас, подвозя к дому Таби, чтобы я мог забрать машину. После «Валиума» мне тяжело прийти в себя, чувство, будто бы по мне грузовик проехал.

— Какого хрена? — говорю я ему.

— Может, ты должен отложить это до тех пор, пока твое настроение не улучшится?

— Нет, мне нужна моя машина, и я хочу увидеть ее.

— Машина тебе не нужна, у тебя же есть еще одна в другом доме. Мы можем съездить за ней.

— Она взяла мой Хот-род (прим: старые, винтажные американские автомобили с обновленным двигателем).

Он смеется.

— Ты разрешил ей ездить на своей любимой тачке?

— Я не разрешал, она сама взяла ее. Мне пофиг на состояние машины. Я просто хочу

вернуть ее.

Все оставшееся время мы едем в тишине, если не считать моих указаний Лукасу, на каких улицах сворачивать.

Я резко выпрямляюсь на своем месте.

— Вот, синий дом справа.

Он подъезжает и паркуется перед входной дверью.

— Я буду ждать здесь, на всякий случай, — говорит он. — Если она захочет, чтобы ты оставил ее в покое, просто уйди, окей? Не делай все только хуже.

Я игнорирую его и поднимаюсь по ступенькам. Все выглядит так, будто в ее отсутствие сюда приходил ее личный ландшафтный дизайнер, так как вся трава коротко подстрижена. Я звоню в дверь и нетерпеливо жду. Через несколько секунд она открывает входную дверь, оставляя между нами дверь-ширму.

— Могу я войти? — спрашиваю ее.

— Нет, это дом, который я делила вместе с мужем. Ты не принадлежишь этому месту.

Она приоткрывает дверь-ширму на несколько дюймов и передает мне ключи, сразу же закрывая дверь обратно.

— Серьезно? — произношу я в неверии. — Значит, теперь ты будешь так себя вести?

— Вэндал, пожалуйста, не усложняй все. Я измотана и уверена, ты тоже. Выглядишь ужасно.

— Мы даже не поговорим об этом? Все кончено? Вот так?

Она смотрит на меня со слезами в глазах, и все, чего я хочу, так это сжать ее в объятиях и удерживать рядом с собой всегда.

— Не знаю, — отвечает она. — Мне нужно побыть вдали от тебя, чтобы разобраться в самой себе. Когда ты рядом, я думать не могу.

Она все еще в моем ожерелье. Если бы она хотела, могла бы легко от него избавиться: удалить плоскогубцами или сломать замочек. Я молюсь, чтобы это что-нибудь да значило.

— Я скучаю по тебе, как и Стерлинг.

— Пожалуйста, не делай этого. Я достаточно расстроена.

— Тогда возвращайся со мной домой. Не бросай все. Я оставлю тебя в покое. Ты можешь жить в гостевой. Просто возвращайся со мной, — она прикусывает губу и смотрит на меня сквозь дверную сетку, на секунду я подумал, что пробил ее броню. — Прости, что не рассказал об аварии. Я не знал, как это сделать, а потом боялся потерять тебя. Я не пытался причинить тебе боль, — говорю я с мольбой в глазах, прося дать мне еще один шанс.

Она смотрит на Лукаса, который стоит позади меня, а затем ее взгляд вновь возвращается ко мне.

— Но на самом деле, именно это ты и сделал. Причинил мне очень много боли. Когда мне уже приходилось нелегко.

Я прикоснулся ладонью к сетке, желая дотронуться до нее.

— Таби, я никогда прежде не был в отношениях. Никогда. Я не оправдываюсь, а говорю правду. Знаю, что не хорош в этом и серьезно облажался, но я никогда не хотел причинить тебе боль. Я могу быть лучше, дай мне шанс. Разве я не сделал тебя счастливой? — эмоции захлестывают меня. Черт, не хочу перед ней сломаться.

Она кладет руку на мою с другой стороны сетки.

— Ты сделал меня очень счастливой, Вэндал. Намного больше, чем ты думаешь.

Я тяжело сглатываю.

— Так позволь мне продолжать делать это.

Она убирает руку.

— Пожалуйста, дай мне немного подумать. Можешь дать мне немного времени?

Нет.

— Прекрасно. Я буду ждать тебя, ты же знаешь, правда? И когда вернешься, я тебя выпорю, — дразню я, пытаюсь заставить ее улыбнуться. Она делает это, но грустная улыбка не касается ее глаз, это разрушает меня.

— Веди себя хорошо, Вэндал. Не делай того, о чем потом пожалеешь. И передай Стерлингу, что я очень его люблю. Мне нужно идти, — слезы катятся из ее глаз, и она закрывает дверь.

Блядь.

Я не хочу уезжать. Хочу стоять у нее под дверью до тех пор, пока она не выйдет и не позволит мне отвезти ее домой. Я закрываю глаза и силой воли пытаюсь заставить ее вернуться, однако ее нет. Я все еще один.

— Вэндал! — зовет Лукас.

Я машу ему рукой в раздражении и открываю машину, но начинаю плакать, как только пытаюсь усесться за руль. Причина в том, что она так сильно передвинула водительское кресло вперед, что я даже залезть не могу. Я не могу избавиться от воспоминаний о том, как она вставала на цыпочки, чтобы поцеловать меня, или как ее миниатюрная фигурка прижималась ко мне по ночам. Не могу забыть, как красиво она выглядит, стоя на коленях для меня, как очаровательна, когда играет со Стерлингом на полу.

Я должен все исправить. Так или иначе, я должен вернуть ее.

Два месяца спустя я и Стерлинг переехали в дом, который находится ближе к тату-салону. Дом, где жили мы с Кэти, я продал. Было жалко оставлять его, но находиться там я не мог: воспоминания, связанные с ним, слишком болезненные. Я пишу Табите каждый день, чтобы просто сказать ей «Привет» или, как я по ней скучаю, пожелать спокойной ночи. Иногда она отвечает, но всегда коротко. Мне достаточно и этого.

Ария сказал мне, что, если ты очень много думаешь о желаемом, оно становится реальностью. Я представляю себе нас с Табитой и Стерлингом, живущими в красивом доме с ее фотостудией и комнатой, заполненной нашими сексуальными игрушками, прекрасный двор с причудливыми статуэтками и прудом с рыбками, ужины при свечах, много смеха и никаких секретов. Дом, который я купил, имеет все, чего я хотел и все, что, как я знаю, она хотела бы. Только он пустой сейчас, так как я хочу подождать ее, чтобы она обставила и украсила его на свой вкус. Меня такие вещи не волнуют. Надеюсь, когда-нибудь она переедет ко мне. До тех пор мы будем ждать.

Ашер разрешил мне и Сидни поделить тур, так что я отыграю некоторые из концертов. Это всех устраивает. Игра на сцене — терапия для меня, как и работа в тату-салоне с Лукасом. Я чувствую себя на своем месте и провожу немного больше времени со своими кузенами, узнавая их. К большому разочарованию Ашера и Шторма, футболки с надписью: «Собственность Вэндала» популярнее, чем футболки с остальными участниками группы. Я напоминаю им об этом при каждом удобном случае.

Когда Таби ушла, я вновь понял, что стою на перепутье жизни. Я мог бы выбрать путь самоуничтожения, как всегда и делал, или же — гладкий, прямой и хорошо освещенный.

Если ты продолжаешь делать то, что должен делать, то и получать будешь то, что должен получить.

Лукас сказал мне эти слова недавно, призывая выбрать в этот раз ровный путь. Остаться трезвым и собирать свою разрушенную жизнь по кусочкам оказалось лучше, чем резать себя и тратить жизнь впустую.

Я так сильно скучаю по Табите, что это причиняет боль, но я даю ей время, о котором она просила. Не думаю, что это продлится больше шести месяцев, но я делаю все, что могу, чтобы справиться с этим. Отказываюсь от всех сексуальных предложений девчонок из «Сахарного поцелуя» и других, оставаясь верным своей Таби. Никогда в своей чертовой жизни я так много не дрожил, но отказываюсь нарушать наше обязательство, данное друг другу. Пока она не скажет мне, смотря в глаза «Прощай навсегда», я принадлежу ей.

Я слежу за ее фотографиями в социальных сетях намного больше, чем должен бы, надеясь не превратиться в преследующего психопата, увидев упоминание о другом парне или флирт с ним. К счастью, этого пока не произошло. Я узнал от Айви, что она использовала деньги из страховки Ника и открыла фотостудию. Таби делает удивительные фотографии, и я горжусь ею. Я беспокоюсь, что она одна все это время, но видимо это то, чего она хочет.

Все, что я могу — ждать и надеяться. И ждать.

И подождать еще немного.

Глава 26

Табита

Странно, что, если тебе больно, ты думаешь, ничто и никогда не сможет причинить еще большую боль. Это не правда. Когда погиб Ник, я и представить не могла, что снова испытаю подобную боль. Однако расставание с Вэндалом вырвало не только сердце из моей груди, но и половину души.

Может быть, эта боль — совокупность всего, что со мной произошло. Потеря Ника. Обман Вэндала. Борьба с чувством вины. Влюбленность в Вэндала. Опять же, потеря Вэндала. Попытки выяснить кто я, черт возьми, и чего хочу. Я разбита, как старое корыто.

Мы с матерью никогда не были особо близки. Отец ушел от нее, когда я была в средней школе, и на первом месте для нее оказались свидания и поиски нового мужа. Я спокойно к этому относилась, так как была самостоятельна, а, встретив Ника, была счастлива начать жить своей жизнью и позволить ей жить своей. К счастью, мое затяжное молчание после разрыва с Вэндалом обеспокоило ее, и она приехала ко мне домой. Затем незамедлительно отправила меня на краткий курс лечения в психиатрическую клинику. На самом деле все не так плохо, как звучит. Клиника больше похожа на спа-центр, но только с психологами и психиатрами.

Воспоминания об аварии ужасны. Ник и Рене погибли мгновенно, а Вэндал был в бессознательном состоянии, но пока мы ждали скорую помощь, я и Кэти были в сознании. Помню, как вылезла из машины вся в крови и до смерти напуганная. Я помню то, что никто не должен был видеть. Я слышала плач. *Никогда не забуду этот плач.* Пытаясь доползти до него, я наткнулась на рисунки на дороге. Меня заинтересовало, почему они на дороге и почему она неровная. Только это была не дорога, а Вэндал, лежащий на ней, и я смотрела на его татуированные руки. Плач прекратился, я осталась одна с кровавым искусством. Страх

охватил меня, но отступил, когда рука в крови медленно пошевелилась, коснулась моей и не отпускала до тех пор, пока не приехала скорая помощь, и медики не оттащили нас друг от друга. Думаю, он стал моим именно в этот момент.

Я никогда не расскажу ему о том, что помню, но никогда не забуду об этом.

Терапия несомненно была успешной. Страшные воспоминания и кошмары, в конце концов, прекратили меня преследовать. Я снова начала есть и перестала плакать. Ну, так много плакать. Со временем мои мысли отчистились, и я смогла думать и чувствовать себя как нормальный человек. Мой психолог помог мне все расставить на свои места. Я не рассказывала ей о той части наших отношений с Вэндалом, где он Доминант, а я саба. Знаю, она будет думать, что это жестоко и оскорбительно, но основной причиной, почему я умолчала об этом, было то, что я хочу оставить эту часть моей жизни для себя.

Я использовала деньги из страховки Ника и прошла два курса обучения фотографии, чего никогда прежде себе не позволяла, и купила кое-какое оборудование. Я начала фотографировать помолвки, детей, домашних животных, а затем и девочек из «Сахарного поцелуя» и нескольких участников Эшес&Эмберс. Я провела фотосессию с моделями на некую сюрреалистическую тему в лесу, и в течение нескольких недель появились люди, просившие о фотосессии с ними. Я арендовала крошечную фотостудию в городе и, наконец, занималась тем, чем хотела и в чем была хороша.

Я продала дом и нашла маленькую квартирку рядом со студией. Я не смогла заставить купить себя дом, так как один длинноволосый сексуальный парень отказывался сдаваться и присылал мне фото дома моей мечты с маленьким слепым котенком, свернувшимся в клубок на подоконнике с великолепным видом на пруд. *Возвращайся домой* — присылал мне Вэндал сообщения с прикрепленными к ним фотографиями. Я хотела запрыгнуть в машину и ехать прямо к нему, но сдерживала себя.

Лара спросила однажды, смогу ли я его простить. И после долгих размышлений и самоанализа я поняла, что не обязана прощать его. Авария была просто несчастным случаем. Он был жертвой, как и все мы. Вэндал должен был рассказать о том, кто он, но я понимаю причины, почему он этого не сделал. Никто не совершенен, и все мы совершаем поступки, которыми не можем гордиться.

Мой врач просил меня учитывать тот факт, что Вэндал скорее всего не осознает, что правильно, а что нет, так как в юности у него не было хорошего образца для подражания, который научил бы его.

Неважно, как сильно я старалась, я не могла перестать думать о нем. Каждое утро я хотела поцеловать его. Я скучала по тому, как он купает меня, по нашим совместным завтракам. Скучала по сексу, подчинению и контролю. Я скучала по его голосу, глазам, улыбке. Скучала по Стерлингу. Скучала по его музыке и той легкости, которую ощущала, слушая ее. Скучала по тому, чтобы быть любимой и желанной. Скучала по *нам*.

Я пыталась отвлечь себя, но мысли всегда возвращались к нему. Я хотела позвонить ему и рассказать, как прошел мой день. Хотела показать ему студию.

Лара и я ходили на один из его концертов, и наблюдать за ним на сцене было удивительно. Мне нравилось видеть, как девушки начинают флиртовать с ним, а он разворачивается и уходит прочь, даже не зная о моем присутствии. *Он все еще любит меня*. Я наконец-то согласилась с тем, что люблю этого мужчину и хочу его в своей жизни.

Он пишет мне раз в день. Каждый день. Я сохранила все его сообщения. Это мои любимые.

*Доброе утро, солнышко.
Я чертовски скучаю по тебе.
Надеюсь, что у тебя был хороший день.
Стерлинга стошнило. Я наступил в это. Знаю, ты смеешься.
Я скучаю по тому, как просыпался, а ты была рядом.
Спокойной ночи, кошечка Таби.
Как бы мне хотелось, чтобы ты была здесь.
Ты полюбишь этот дом.
Возвращайся домой.
Лукас передает привет
Болит голова весь день:(
Рио показал мне фотки. Так горжусь тобой.
Мой член скучает по тебе.
Ты думала обо мне?
Я скучаю по твоим глазам.
Надеюсь, ты ешь.
Сладких снов, кошечка Таби.
Я надеюсь, что ты позвонишь мне когда-нибудь.
Я с трудом улыбаюсь без тебя.
Я скучаю по ночам кино.
Ты лучшая часть моего дня.
Получаешь ли ты мои смс?
Ты до сих пор моя. Я выпорю тебя снова.*

Однажды Ашер зашел в мою студию в то время, как я рассматривала каталог с фонами, которые хотела бы заказать. Я встречалась с ним однажды, когда снимала его для веб-сайта группы, но встреча была короткой, и мы почти не разговаривали, так что не имею понятия, почему он сегодня здесь.

— Привет, — говорю я. — Чем могу помочь?

Он высокий и мускулистый. Старая изодранная кожаная ковбойская шляпа прикрывает его длинные волнистые черные волосы.

— Время вышло, — отвечает он, рассматривая фотографии на стене и не смотря на меня.

Я хмурюсь.

— Что, прости?

— Мы ждем, когда к нам придет любовь, а не заставляем ее ждать.

— Ээ?

Он идет к выходу, оборачивается и смотрит на меня. Солнце отражается в драгоценном камне на подвеске на его шее, и луч светит мне прямо в глаза. Я поднимаю руку вверх, чтобы уберечь глаза от него.

— Хватит тратить время, — говорит он.

Я моргаю от солнечных пятен, пытаюсь рассмотреть его, но он уже ушел.

Не заставляй любовь ждать.

Как бы странно не прошла эта встреча, его слова верны. Он прав. Пора.

Я должна вернуть Вэндала прежде, чем потеряю его навсегда.

— Я снова здесь, — говорю я, кладя плюшевого мишку на надгробие. Большинство медведей, что я приносил, исчезли. Не уверен, их сдувает, или сторож выбрасывает их через некоторое время. Я стараюсь не думать о том, куда они пропадают.

— С Днем рождения, малышка.

Я протираю глаза и ложусь на землю перед надгробием. Я бы сделал все, чтобы увидеть ее в праздничном платье по случаю Дня рождения, задувающей свечи на торте, как это делают все маленькие девочки.

Я прихожу сюда примерно раз в месяц. Хотя и пытаюсь чувствовать ее присутствие рядом с собой, где бы я не находился, меня все равно тянет на кладбище. Дочь помогла мне стать тем человеком, которым я должен был стать давным-давно.

Я не резал себя и не пил уже пять месяцев. Если бабуля права, и Кэти наблюдает за мной, хочу, чтобы она видела хорошего человека, достойного ее. Несмотря ни на что, я всегда буду ее отцом, не хочу, чтобы Кэти стыдилась своего отца. Хочу, чтобы она видела человека, с которого могла бы взять пример. *И я хочу быть тем мужчиной, с которым Таби могла бы провести свою жизнь.*

Теплые лучи солнца греют мое лицо, птицы щебечут на деревьях, надеюсь, что где бы ни была моя девочка, там также прекрасно, как и здесь.

— Привет.

Растерянно оглянувшись по сторонам, я вижу Таби, которая прислонилась к большому дереву. Моему дереву. *О боже.* Она здесь.

Я встаю и отряхиваю листья с ног, моргая, чтобы убедиться, что это не моя фантазия. Она все еще здесь. Я медленно приближаюсь к ней, пытаюсь придумать слова, которые могли бы растопить лед между нами, но в голову ничего не приходит. Я останавливаюсь перед ней и просто смотрю на нее, впитывая ее образ. Она стала еще красивее, волосы чуть длиннее и светлее, легкий загар появился на ее идеальной коже. Ее глаза счастливо светятся, и она уже не такая костлявая. Она одета в джинсы и черную футболку с рукавами и вырезом, на которой написано *«Испорчена вАндалом!»*.

Я усмехнулся.

— Ты носишь одну из моих футболок, но на этой опечатка.

— Эви сделала ее для меня. Думаю, она очень подходит, — Таби застенчиво улыбается мне, солнце сверкает в ее глазах. Если она общается с Эви и Айви, значит, не оборвала все связи. Я должен верить, что была причина того, что она не стала отдаляться. Мой пульс участился, когда я увидел подаренное мной ожерелье на ее шее.

— Ты никогда не снимала его? — спрашиваю я, все еще не отводя взгляда от ее горла.

Она наклонила голову.

— Как я могла? Ключ у тебя.

— Он в кармане. Я всегда ношу его с собой, — я встречаюсь с ней глазами. *Дерьмо. Пожалуйста, не проси об этом.* — Ты нашла меня для того, чтобы я снял его? — Умоляю, пусть она скажет «нет».

— Нет, — отвечает она.

— Почему ты здесь? — я прикасаюсь к ее щеке, она потирается о мою руку и закрывает глаза.

— Чтобы отпустить, — говорит она, и мое сердце замирает.

Я сглатываю.

— Меня?

Она качает головой, и я киваю, понимая. Надежда зарождается в моей груди, улыбка появляется на лице.

— Это будет не просто, Вэндал, — мягко произносит она. — У нас куча проблем, — Я киваю в знак согласия, боясь сказать хоть что-нибудь. — Нам придется сильно постараться, чтобы разгрести весь этот беспорядок, но... это наш беспорядок. Я не возражаю против отношений Дома и сабы, но мне нужно большее от тебя. Поменьше пещерного человека, хорошо? — просит она. Я опять киваю. — Я хочу, чтобы ты показывал мне свои эмоции. Ты не можешь использовать секс и контроль все время.

— Ты права, — соглашаюсь я. — Я могу поработать над этим, — я делаю глубокий вдох. — Я так сильно скучаю по тебе, Таби. Я был хорошим в твое отсутствие. Хотел, чтобы ты вернулась к чему-то лучшему, к тому, чего ты заслуживаешь.

Она улыбается и тянется к моей руке.

— Я тоже стала лучше. Больше я в тебе не нуждаюсь, — говорит она. — Но все еще хочу.

— И я тебя хочу, — говорю я, притянув ее к себе. — Я люблю тебя. Мы не будем спешить. Ты можешь научить меня ходить на свидания, а я тебя — готовить, — она хихикает. — Я в этой упряжке надолго, детка. Хорошее и плохое, взлеты и падения, и все остальное.

Она встает на цыпочки и целует меня в губы очень нежно.

— И я тебя.

— Хочешь прокатиться? — шепчу я, поглаживая ее щеку большим пальцем.

— Да, — говорит она, наконец, слегка кивая. — Увези меня отсюда.

Это все, что мне нужно было услышать.

Я наклоняюсь и целую ее в губы, вновь наслаждаясь ее вкусом, прижимаю ее к себе сильнее, она идеально мне подходит. Она так крепко обвивает мою шею руками, будто бы больше не хочет отпускать. Я никогда не чувствовал себя так хорошо. Я углубляю поцелуй, наши языки переплетаются, дыхание учащается.

Чуть-чуть отстраняясь от нее, я смотрю ей в глаза, в которые собираюсь смотреть еще очень долго.

— Я люблю тебя, кошечка Таби. И буду любить всю свою гребаную жизнь.

Ее улыбка становится ярче, чем солнце.

— Я тоже люблю тебя. *Так* сильно.

Глава 28

Табита

Вэндал Валентайн. Лишь его имя заставляет мое сердце парить, а тело — дрожать. Наши отношения рождены во лжи и предательстве. Он считает, что встреча со мной — это его план и обман.

Однако это не так. Он — мой. То, что он увидел меня на кладбище, было моим тщательно разработанным планом. Я знала, что он будет там, потому что наблюдала за ним в течение нескольких недель и потому что маленькая старая леди сказала мне. Она

рассказала, что ее внук скорбит о потери своего ребенка и о случайном убийстве двух людей. Такое впечатление, что она хотела, чтобы я отыскала его и утешила. Тем не менее, ненависть к нему за убийство моего мужа, заставила меня спланировать месть. Как посмел этот длинноволосый, сексуальный, богатый рокер отмахнуться от боли, которую он причинил мне, семье Ника и семье той женщины? Он убил ребенка, ради всего святого!

Я не ожидала, что он подойдет ко мне сам, и мне не пришлось самой идти на могилу его ребенка. Я планировала накричать на него, ударить, обругать последними словами среди могил. Затем я подождала бы немного и снова подошла к нему, извинилась за свою истерику, подружилась, втерлась в доверие. После соблазнила бы и заставила в меня влюбиться. И, наконец, вырвала бы его сердце из груди, как он сделал это со мной.

Однако вместо этого он утер мои слезы и протянул мне руку. Вэндал нарушил мои планы, но я все равно поехала с ним. Он заинтриговал меня. Эти темные глаза пленили меня, и я не смогла избавиться от них. По правде, и не хотела.

Мой план с треском провалился. Он оказался не из тех мужчин, которые любят, или из тех, кого легко соблазнить. Вэндал полностью забрал у меня контроль над собой, и меня затащило в темную и чувственную пучину. Проблема в том, что я влюбилась в него. Я мечтала о нем. Нуждалась. Хотела его больше всего на свете. Я любила его контроль надо мной. Я видела те стороны в нем, которые никогда не ожидала увидеть и раскрыть. Я чувствовала его заботу, любовь, сильнейшее желание, печаль и сожаление. Чувствовала его решимость.

Вскоре я заметила проблеск надежды в его глазах, его прикосновения изменились. Власть перешла ко мне. Он тоже влюбился в меня.

Мне не нравилось лгать ему и притворяться. Все чувства к нему были настоящими, я не отрицаю, что пыталась бороться с ними. Иногда я ненавидела его, была опустошена тем, что он обманывал меня так долго. Я хотела, чтобы он просто сказал правду. Много раз я старалась оттолкнуть его. Я ничем не лучше, чем он. Мы хотели узнать друг друга, каждый имея на это свои причины, и где-то в этом беспорядке нашли любовь. Обрели друг друга.

Зачем я оставила его? Для того, чтобы наказать нас обоих. Особенно себя за слабость. Я влюбилась в Вэндала слишком быстро. Я подчинилась ему слишком охотно. Нашла свое счастье слишком рано. Я не имела права начинать новую жизнь, когда Ник лишился ее. Вэндал предлагал мне жизнь, о которой я всегда мечтала, жизнь, которая бы сделала меня счастливее и позволила быть самой собой. Жизнь, которую не смог дать мне Ник. Меня мучило чувство вины из-за этого. Как я могла позволить человеку, забравшему его, дать мне все?

Наша любовь никогда не будет красивой. Она запятнана прошлым, и мы всегда будем жить с этими шрамами. Призраки прошлого всегда будут преследовать нас. Мы оба так повреждены прошлым, нами самими.

Говорят, что отношения, построенные на лжи, не будут продолжаться долго, но я отказываюсь верить в это. Мы сломались и стали сильнее. Вместе.

А для меня, в конце концов, это все, что имеет значение.

Он принадлежит мне, а я — ему.

Я — его сердце, он — моя броня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net